

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2021 ТОМ 6 NO 2

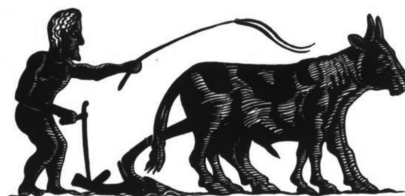
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дж. Пэллот, председатель, Оксфордский университет (Великобритания)
А.М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
М.Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ
И.В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
Т.Г. Нефедова, Институт географии РАН
Дж.С. Скотт, Йельский университет (США)
О.П. Фадеева, ИЭОП СО РАН
Н.И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.И. Алексеев, МГУ им. М.В. Ломоносова
В.В. Бабашкин, РАНХиГС
С.М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
К. Бруиш, Дублинский университет (Ирландия)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В.Г. Виноградский, РАНХиГС
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А.В. Гордон, ИНИОН РАН
В.А. Ильиных, Институт истории СО РАН
Ким Чан Чжин, Университет Сангконгхоу, Сеул, Южная Корея
В.В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э.Н. Крылатых, РАНХиГС
И.А. Кузнецов, РАНХиГС
А.А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
В.А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
Р.М. Нуреев, НИУ ВШЭ
А.В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А.А. Никонова
Дж. А. Пизано, Нью-Йоркский университет (США)
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
В.Я. Узун, РАНХиГС
Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 9, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Редактор веб-сайта Е.С. Никулина; Корректор И.Е. Кроль;
дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
картина «После грозы». Ф.А. Васильев. 1868. Третьяковская картинная
галерея. Москва.

Содержание

Теория

- Зверев В.В.* К юбилею полузабытой книги (Воронцов В.П. «Крестьянская община») 6

История

- Кабытов П.С.* Проблемы аграрной истории в научных трудах Григория Алексеевича Герасименко 45
- Булюлина Е.В., Головина Е.Л., Лысенко И.А.* Санитарно-эпидемическое состояние Сталинградской области и работа органов здравоохранения в 1941-1945 годах 62

Современность

- Брелавский А.С.* Территориальное общественное самоуправление в современной Бурятии: условия устойчивого развития 79
- Гусаков Т.Ю.* Миграции населения как основной фактор трансформации системы расселения Крымского полуострова. 99

Интервью с исследователем

- Шагайда Н.И., Никулин А.М.* «Все поколения моей семьи... были вовлечены в глобальные аграрные преобразования» 121

Рецензии

- Федорова Н.А., Давыдов Д.В.* Рецензия на книгу: Кабытов П.С. Юрий Ильич Смыков: биографический очерк, воспоминания, письма 154
- Никулина Е.С.* Возвращение усадьбоведения 159

Научная жизнь

- Афанасенков В.О.* Модернизация животноводства в постсталинский период: противоречия и дилеммы аграрной политики Н.С. Хрущева. 166

Russian peasant studies

Vol. 6. 2021. No 2

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

J. Pallot, Chairman, University of Oxford (UK)
A.M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
M.G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I.V. Trotsuk, Deputy Editor, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T.G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
J.C. Scott, Yale University (USA)
O.P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N.I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil)

ADVISORY BOARD

A.I. Alekseev, Moscow State University
V.V. Babashkin, RANEPA
S.M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
K. Bruisch, University of Dublin (Ireland)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V.G. Vinogradsky, RANEPA
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A.V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences
V.A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Kim Chan Jin, Sangkonghou University, Seoul, South Korea
V.V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E.N. Krylatykh, RANEPA
I.A. Kuznetsov, RANEPA
A.A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
V.A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
R.M. Nureev, HSE
A.V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science
J.A. Pisano, New York University (USA)
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
V.Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.
Phone: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

- Zverev V.V.* To the anniversary of the half-forgotten book
(V.P. Vorontsov's *Peasant Community*) 6

HISTORY

- Kabytov P.S.* Issues of agrarian history in the scientific works of Grigory
Aleksievich Gerasimenko 45
- Bululina E.V., Golovina E.L., Lysenko I.A.* The sanitary-epidemic
conditions of the Stalingrad Region and the work of the health authorities
in 1941–1945 62

THE PRESENT TIME

- Breslavsky A.S.* Territorial public self-government in contemporary
Buryatia: Factors of sustainable development 79
- Gusakov T.Yu.* Migrations as the main factor in the transformation
of the settlement system of the Crimean Peninsula 99

INTERVIEW

- Shagaida N.I., Nikulin A.M.* “All generations of my family... have been
involved in global agrarian transformations” 121

REVIEWS

- Fedorova N.A., Davydov D.V.* Review of the book: Kabytov P.S.
Yury Ilyich Smykov: Biographical Essay, Memoirs, Letters 154
- Nikulina E.S.* The return of country-estates studies 159

SCIENTIFIC LIFE

- Afanasenkov V.O.* Modernization of animal husbandry
in the post-Stalin period: Contradictions and dilemmas
of Khrushchev's agrarian policy 166

К юбилею полузабытой книги (Воронцов В.П. «Крестьянская община»)

В.В. Зверев

Василий Васильевич Зверев, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник. Институт российской истории Российской академии наук. 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19. E-mail: v.v.zverev@bk.ru

Аннотация. В статье анализируются основные идеи, высказанные выдающимся отечественным экономистом и публицистом В.П. Воронцовым в работе «Крестьянская община», вышедшей в 1892 году. Построенное на детальном рассмотрении сведений земской статистики, сочинение Воронцова было направлено на опровержение мнения о рудиментарности общинной организации. Для доказательства выдвигавшихся положений автор опирался на объективистский подход в отборе и экспозиции материала. Ему удалось продемонстрировать, что в пореформенное время община сумела не только сохранить присущие ей функции защиты сельского мира, но и выработать новые средства, направленные на реализацию принципов равенства и справедливости, на адаптацию жителей деревни к условиям рыночной экономики. Община активно сопротивлялась проникновению товарно-денежных отношений, однако эффективность этих средств не всегда и не везде была высокой. Индивидуалистическая тенденция набирала силу и угрожала разрушением общинной организации. Исследование Воронцова было сосредоточено на распределительно-производственных функциях общины. Финансово-податные, правотворческие, судебные функции и способы социальной защиты были проанализированы в меньшей степени. Представительская, полицейская, культурно-воспитательная, религиозная обязанности крестьянской общины исследователем не рассматривались. Практически не затронул Воронцов и вопроса о противоречиях, существовавших между общинным характером поземельных отношений и индивидуальной хозяйственной практикой крестьян. Книга Воронцова представляется настоящей энциклопедией деятельности и мировоззрения русского крестьянства второй половины XIX века.

Ключевые слова: Воронцов В.П., крестьянская община, земельные переделы, индивидуализм крестьянства, общинное и подворное землевладение, агрикультура

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-2-6-44

В 2022 году исполняется 175 лет со дня рождения Василия Павловича Воронцова (1847–1918), выдающегося отечественного ученого и публициста, принадлежавшего к народническому направлению общественной мысли России. На этот же год приходится и юбилей выхода в свет одной из главных его работ, книги «Крестьянская община», за которую Московский университет присудил ему половину премии имени Ю.Ф. Самарина (В.В., 1896: 58). Появление исследования Воронцова вызвало благосклонные отклики современников. Богатство фактического материала,

высокий профессионализм, непредвзятость оценок засвидетельствовали М. Раевский (Раевский, 1892: 235), В.Г. Яроцкий (В.Я., 1892: 24), а также авторы библиографических обзоров в журналах «Северный вестник» и «Русская мысль», настоятельно рекомендовавшие публике «прочсть превосходный труд г. В.В.» (Новые книги, 1892: 73; Библиографический отдел, 1892: 319). Наиболее развернутую и содержательную рецензию на «Крестьянскую общину» дал А.И. Чупров. В ее основе лежал переработанный для печати доклад в комиссии при Московском университете по присуждению премии имени Ю.Ф. Самарина. В аналитической части рецензии Чупров в первую очередь обратил внимание на проработку автором громадного комплекса материалов: Воронцов оказался первым, кто взял на себя трудную задачу «свести в одно целое, сопоставить, анализировать и по возможности научно объяснить... необъятную массу фактов» земской статистики по обследованию общинного вопроса (Чупров, 1893: 67). Наряду с этим, как отмечал Чупров, автор рассмотрел целый ряд важных вопросов крестьянской жизни, в результате его труд представлял собой «энциклопедию деревенской жизни» (Там же: 86). При очевидном сочувствии к общинному землевладению, писал Чупров, автор сумел сохранить научное беспристрастие и объективность. Так, он не пытался скрыть противообщинных (индивидуалистических) тенденций, проявившихся в хозяйственной деятельности крестьян (Там же: 87). Большинство из данных Чупровым оценок были, на наш взгляд, абсолютно справедливы, и не потеряли своей актуальности до настоящего времени, хотя к числу недостатков этой рецензии относится ее сугубая комплиментарность, исключая выявление слабых сторон «Крестьянской общины». Однако в дальнейшем работа Воронцова не подвергалась подобному всестороннему анализу.

Задачей данной статьи является рассмотрение содержания сочинения Воронцова сквозь призму времени, оправдавшихся и не подтвердившихся частных и общих выводов.

* * *

Отличительной и главной чертой существования русской общины Воронцов считал регулирование землепользования, поэтому не было ничего странного в том, что первым вопросом изучения в «Крестьянской общине» стала **краткая история установления коренных переделов земли**.

Воронцов выделял четыре основных способа регулирования землепользования, которые напрямую были связаны с определенными категориями крестьян, к которым он относил:

- 1) бывших помещичьих крестьян;

2) крестьян южных и восточных степей, перешедших к общинному регулированию от заимочного;

3) крестьян севера страны и некоторых местностей центральной полосы, где переход к общинному регулированию произошел после относительно длительного периода индивидуального владения участком земли;

4) бывших государственных крестьян центральной черноземной полосы, образовавших общины из юридически подворных владельцев — четвертных крестьян и вольных хлебопашцев (Воронцов, 1892: 1).

Общинное землепользование основной массы помещичьих крестьян было установлено законодательными актами отмены крепостного права, что не давало основания для выделения внутри этой категории особых типов. У других групп сельского населения наблюдались отличия, порой весьма существенные. Они не только определяли формы и методы перехода к коренным переделам земли, но и серьезно влияли на протекавшие в общинах социально-экономические процессы.

Воронцова особенно привлекало становление общинных отношений в различных регионах страны, в разное время и по-особенному перешедших к коренным переделам земли. Позднее всего эти процессы начались на юге.

От заимочного пользования землей к коренным переделам. Главным образом к данному типу относились степные южные и юго-восточные земли. Их колонизация в основном пришлась на вторую половину XVIII — начало XIX века и по большому счету не закончилась и к концу века. На начальных этапах заселения присоединенных к России земель Причерноморья и Северного Кавказа главную роль играло не земледелие, а скотоводство. Земля переходила в пользование крестьян на основе простого захвата: «кто, где и сколько владел, тем и пользовался».

Но подобная практика не могла долго сохраняться, поскольку преимущества получали состоятельные крестьяне, которые успевали запахать большее количество пашни. Бедноте доставались крохи. А это приводило к серьезным столкновениям. Сельские общины пытались бороться с подобными порядками, вводили строго определенные сроки пользования земельными угодьями, ограничивали их размеры, предоставляли бедным односельчанам известные преимущества по занятию свободных земель, предписывали одновременно начинать работу в поле и т.п. Но в связи с ростом населения добиться искомого результата становилось все сложнее.

Как отмечал Воронцов, в определенном смысле предел захватному праву положило так называемое «полюбовное размежевание» 1848 года (Там же: 3). Но, несмотря на законодательное решение вопроса, проблема оставалась: «Со стороны обездоленных начиналась агитация против многоземельных и богатых скотом, и агитация далеко не всегда мирная, а с кулачным, смертельным

боем и насильственным разорением хуторских построек. Эта агитация и привела к уравнительному распределению земли по душам» (Там же: 10).

Правда, в некоторых местах крестьяне-переселенцы следовали правилам распределения земли, существовавшим на их родине. Другими словами, действовали они по российскому образцу и лекалам. Но эти поселения составляли исключение. В большинстве местностей переделам предшествовала вольная заимка земли. Воронцов даже выводил некую закономерность: «В огромном большинстве общин степной полосы периоду регулирования путем коренных переделов предшествовал период свободной заимки земли без всякого или с неполным ее ограничением. Этот период был тем короче, чем позже образовались поселения, ибо чем ближе к нашему времени, тем гуще становится население и тем скорее наступает потребность в общественном его регулировании» (Там же: 11). К примеру, в Мелитопольском уезде, по подсчетам земских статистиков, у старых общин этот период составлял 49 лет, а в новых поселениях — не более 1–5, редко 7 лет.

Датировать время появления первых коренных переделов было крайне сложно, поскольку начались они в разное время. Однако Воронцов взял на себя ответственность утверждать, что в большинстве южных уездов этот процесс пришелся на первую четверть XIX века или даже позднее. По крайней мере, сведения по Таврической губернии указывали на то, что коренные переделы появились в 1820-е годы, но в большинстве общин (в 122 из 161) стали практиковаться в 1850–1860-х годах (Там же: 12).

Закрепились коренные переделы тоже далеко не сразу. Вначале разделу подлежали лишь ближайšie к поселению участки земли, на отдаленные продолжало действовать захватное право. Постепенно разделы стали распространяться и на них, пока под разделом не оказалась вся культивируемая земля. Позднее всего переделы коснулись приусадебных участков.

Выявленная тенденция была характерна не только для южной полосы России, но и для ее центральной части. В качестве примера Воронцов указывал на некоторые общины Трубчевского уезда, где заимочное право продолжалось до 1880-х годов. Здесь в помещичьих селениях Краснослободской волости каждый общинник занимал под пашню и покос такую площадь, какую мог осилить. Пользовался он захваченными угодьями без ведома общины (Там же: 14).

От наследственного пользования общинной землей к коренным переделам. Примеры такой трансформации Воронцов находил в жизни государственных крестьян северной части Черниговщины, где на праве «оседлой заимки» «занятый кем-либо и расчищенный из-под леса с большими усилиями участок земли оставался во владении семьи расчистившего и мог быть ею продан или уступлен всякому хотя бы и не принадлежавшему к составу общества» (Там же: 19).

Перелом в сознании крестьян совершался постепенно. Первые признаки недовольства существовавшими порядками стали проявляться, когда вся свободная земля оказалась занятой, а разраставшаяся численность крестьянских семей требовала расширения эксплуатируемой площади. Другим побудительным мотивом стал перевод платежей с земли на ревизские души, что привело к накоплению недоимок. В совокупности все это заставило перейти к периодически повторяющимся общим переделам (Там же: 20).

От семейно-наследственного владения землей к общинному. Многочисленные факты данной эволюции Воронцов находил в так называемом четвертном землевладении. Хотя история существования этой категории крестьян была еще слабо изучена, Воронцов считал четвертных крестьян «потомками служилых людей, поселенных на окраинах государства с целью защиты от набегов неприятелей». Значительная часть этого полу-привилегированного населения была зачислена ревизией 1719 года в податной оклад, а полное «приравнение» однодворцев к крестьянам произошло в 1840-е годы (Там же: 21–22).

Четвертные крестьяне пользовались пахотными угодьями, сенокосом и лесом на условиях частного права, когда только пахотная земля была разбита на постоянные наследственные участки. Сенокос и лес периодически разверстывались пропорционально величине долей в пахотном поле. Постепенно существовавшая система в огромном числе случаев трансформировалась в уравнительное душевое владение на общинном праве (Там же: 22). Но этот процесс происходил «в разных местностях далеко не равномерно» (Там же: 27), бывали и случаи «превращения земли, бывшей в общинном владении, в подворную собственность» (Там же: 25).

Собрав имеющиеся сведения по данному вопросу, Воронцов представил материал о времени перехода к общинному владению четвертных крестьян в таблице. По наблюдениям над 112 обществами различных уездов выходило, что 5 из них совершили переход еще в XVIII веке; 11 — в 1820-х годах; еще 20 — в 1830-х; 17 — в 1840-х; 35 — в 1850-х; 24 — в 1860-х годах (Там же: 29). Накопленные данные также давали возможность сделать вывод о том, что «обращение четвертного владения в душевое происходило ранее в восточных местностях России, нежели в центральных» (Там же: 20).

По мнению Воронцова, этому процессу способствовало три главных обстоятельства: Генеральное межевание конца XVIII века, реформа государственных крестьян графа П.Д. Киселева и специальное пореформенное межевание.

Генеральное межевание XVIII века отводило землю не каждому однодворцу отдельно, а целому селению. Ее разверстание отдавалось на откуп крестьянам. Из-за запутанности поземельных отношений и малоземелья крестьян наделы стали выделяться по количеству душ (Там же: 30–31).

Новый толчок этому процессу придало благожелательное отношение общины к реформе графа Киселева, которая в фискальных целях подчиняла однодворцев закону о круговой поруке в платеже податей. В этом отношении желание властей совпало с желанием народа, а «предложение правительства совпало с мыслью большинства» (Там же: 33).

Наконец, третья причина — размежевание пореформенных десятилетий, направленное на уничтожение чересполосицы. Поводом для него, как правило, становилась запутанность вопроса о праве на землю, чрезмерная дробность участков и неравномерное распределение земли, приводившее к недостаточности земельных угодий для пропитания семей. Большинство обществ пришло к выводу о правильности решения поравнять землю по ревизским душам (Там же: 35).

В том, что в большинстве случаев удалось достаточно безболезненно решить вопросы с размежеванием, Воронцов видел свидетельство развития «...социальных чувств в населении и отсутствии того индивидуализма, развивающегося на почве частной собственности, который является большим препятствием к мирному разрешению поземельных отношений». При этом он добавлял: «Но если, не ограничиваясь единовременным переделом земли, общество вводило его в обычную практику, это доказывает нечто большее, чем социальную покладистость населения; оно свидетельствует о сочувствии массы к идее, определяющей тот или другой склад социальных отношений» (Там же: 36–37).

Конечно, переход к общинному владению был сложным, требующим решения подавляющим числом голосов крестьян. Во время его обсуждения на сходах сталкивались интересы многоземельных и малоземельных общинников. В конечном итоге главным становилось мнение середняков, которое и перевешивало чашу споров. В целом, как считал Воронцов, «переход четвертного землевладения в общинное совершается потому, что последняя форма быта считается массою лучше удовлетворяющей его потребность в настоящем и будущем» (Там же: 43). «В тех случаях, когда переход на души совершался не целым обществом, несогласные отделялись и составляли особое общество, обыкновенно владеющее землей на четвертном праве...» (Там же: 47).

В отношении возможности перехода от четвертного землевладения к общинному в 1890-е годы Воронцов был более скептичен. Оно представлялось ему «гораздо более затруднительным, чем это было ранее, когда вдобавок ко всему прочему и самая земля не имела большой цены. Что же касается стремления к такому превращению, то оно существует в значительных размерах» (Там же).

Кроме четвертных Воронцов остановился и на судьбе других групп крестьян, владевших землей на подворном праве. В первую очередь к ним относились так называемые «вольные хле-

бопашцы». Став собственниками земельных участков по указу 1803 года, они к концу XIX века, согласно сведениям, имевшимся у Воронцова, в подавляющем числе владели землей на основе общинного права (Там же: 49). К общинным порядкам также перешли и ранее владевшие землей подворно иностранные колонисты в Тираспольском, Одесском, Бердянском, Острогожском уездах (Там же: 53–54).

Среди русских крестьян, владевших землей на условиях подворного права, числились и некоторые крестьянские общества, получившие земли в семейное наследственное владение в Поволжье от правительства. Так, в Самарском уезде имелось 103 таких общества, образованных в 1840–1860-х годах, когда власть хотела испытать, как среди переселившихся крестьян привьется эта форма владения. По земско-статистическим опросам, из 59 таких деревень в Петропавловской волости 56 заявили, что они хотели бы перейти на передел земли по душам. Причины подобного решения крестьяне видели в том, что «много стало безземельных», «пьяницы и ленивые хозяева много земли продают», «друг у друга полосы запахивают, и на это обществу нельзя жаловаться», «сильные домохозяева отбивают землю у слабых». В указанных деревнях идея о равномерной разверстке земли поддерживалась безземельными и мало-земельными крестьянами, а в некоторых обществах за нее выступало большинство населения (Там же: 54–55).

Все рассмотренные Воронцовым способы обращения крестьян к коренным переделам земли объединяло относительно недавнее начало их использования. С одной стороны, для него это служило свидетельством признания сельскими жителями эффективности наделения равными по своему качеству участками. С другой стороны — подтверждалась самодеятельность сельского мира в решении принципиального и жизненно важного вопроса сохранения согласия и взаимопонимания среди земледельцев. Вывод напрашивался сам собой: если в таких масштабах крестьяне выбирали общинную форму, значит, речь не могла идти об их косности и приверженности старине.

Идея передела в общине, по наблюдениям Воронцова, продолжала жить и развиваться в течение 30 лет, минувших после отмены крепостного права. Правда, она получила разное воплощение у бывших государственных и помещичьих крестьян.

Государственные крестьяне давно выработали обычай периодического перераспределения земли. Еще в дореформенную эпоху переделы совершались, как правило, в момент ревизии, в связи с чем эти явления слились в крестьянском сознании в одно целое. Передел превратился в такой же акт государственной инициативы, как и ревизия, как «санкционированный каждый раз в глазах народа верховной властью или как совершившийся в определенный момент», поэтому он «проходил спокойно, без споров и замешательства» (Там же: 57). Отсутствие ревизий после 1858 года заста-

вило государственных крестьян изменить свои взгляды и считать передел актом не общественным, а мирским, когда сроки переделов зависели от воли отдельной общины. Но для такой перемены в мнениях потребовалось 20–30 лет (Там же: 58).

Иную картину представляли убеждения помещичьих крестьян. При крепостном праве разверстание находилось в руках мира только оброчных имений. В барщинных хозяйствах все определялось волей помещиков, которые отдавали предпочтение разверстанию земли по тяглам. Поскольку барщинные имения преобладали, то Воронцов вполне резонно указывал, что в дореформенную эпоху крестьянин «в большинстве случаев не знал свободного регулирования землепользования» (Там же: 61).

Получив свободу, бывшие помещичьи крестьяне оказались перед выбором единицы разверстания отведенной земли. Главным стало отношение повинностей к доходности полученного надела. В Малороссии или в местностях, где земля окупала платежи (Херсонская, Курская губернии, южные уезды Рязанской, Орловской губерний и др.), крестьяне перешли от традиционной тяглового системы к ревизской разверстке земли и продолжали ее использовать в начале 1890-х годов. Главным вопросом в этих местностях являлось отношение к коренным переделам земли как средству уравнивания членов общины (Там же: 61).

В другой группе уездов, где доходность земли была не столь очевидна, крестьяне использовали несколько приемов уравнивания наделов. Вначале крестьяне попытались отказаться от тяглового разверстания и по примеру соседних государственных крестьян перейти к ревизской системе. И там, где различие между реальными и ревизскими душами не было разительным, там «распределение земли... хорошо удовлетворяло требованию соответствия величины надела потребностям семьи в пропитании», и сама система сохранялась надолго (Там же: 61–62). Участки земли, оставшиеся незанятыми после смерти или отлучки члена общины («выморочные» или «переселенческие»), легко брались родственниками или даже посторонними по согласованию с заинтересованными лицами. Община практически не вмешивалась в поземельные отношения, а землевладение приобретало почти подворную форму. Воронцов считал, что «такое состояние не благоприятствовало развитию общинного духа; общинный инстинкт (насколько таковой существовал у крепостного крестьянина), общинная мысль не имели импульсов к работе; частная инициатива и самостоятельность по отношению к земле получили широкое развитие» (Там же: 63–64).

Напротив, там, где платежи не соответствовали доходности, ревизская разверстка не давала желаемого результата, а община сталкивалась с новыми проблемами. Хозяева некоторых участков отказывались от предлагаемой земли. Если их количество было достаточно велико, то приходилось брать в расчет состоятельность

семьи и способность управляться с землей. В ход шел способ разверстки «по силе», «по работникам». Тем самым корректировалась ревизская система. Иногда это происходило сразу, иногда к ней приходили постепенно через перераспределение оставленных наделов со слабых семей на сильные. Осуществлялось это путем так называемых «свалок-навалок» (Там же: 64). По своей сути данный процесс означал возвращение к прежней тягловой системе. Распространен он был в северной и центральной части Рязанской, в Самарской и Московской губерниях (Там же: 68–69).

Но на этом поиски наиболее приемлемой формы разверстки земли не закончились. В 1880-е годы доходность наделов стала возрастать, а арендные цены на землю повысились. Крестьяне, ранее отказавшиеся от надельной земли, а чаще их дети, стали требовать ее вернуть. Естественно, подобные действия не могли не встретить сопротивления тех крестьян, которые пользовались их участками, когда земля была дешева, а повинности высоки. В большинстве случаев мир считал справедливым возвращение наделов. В результате «в некоторых общинах, — писал Воронцов, — ревизские наделы были многим возвращены; в других — требование их привело к переделу земли по ревизским душам или по наличным; в третьих — дело пока находится в неопределенном положении и может кончиться либо возвращением некоторых наделов, либо общим равенением земли» (Там же: 71).

Сущность обозначившихся противоречий Воронцов видел в столкновении производительной и потребительной норм разверстки общинной земли. Именно для реализации распределения угодий по производительной норме служили периодические «свалки-навалки» (Там же: 73). Однако с ростом доходности земли это средство потеряло смысл, поскольку главным стало приведение «размеров семейных участков в соответствие с числом едоков; но для удовлетворения этой цели пригоднее другое средство — общие (а не частные) коренные переделы» (Там же: 77). Слабой стороной «свалок-навалок» являлось то, что они вели к неустойчивости семейных участков и развивали «сильную и нецелесообразную» чересполосицу. Воронцов отдавал предпочтение общим переделам по нескольким причинам. По его мнению, «подушная разверстка земли, имеющая целью обеспечение продовольствия семьи и принимаемая общинами там, где земля дает чистый доход, может сохраняться неизменно очень долго, как потому, что крестьянин приобретает средства существования отработкою не только своей, но и наемной земли, и недостаток надела может пополнять арендой или доходом с промысла, так и потому, что сжимание и расширение потребления мало отражается на общем ходе хозяйства, — а известно, что крестьянин гораздо больше дорожит интересами производства, чем потребления» (Там же: 78).

Описав основные формы разверстания земли у государственных и бывших помещичьих крестьян, Воронцов фиксировал несо-

мненный факт того, что первая категория крестьян начала переход к переделу земли по душам в первой половине 1870-х годов, когда были зафиксированы только единичные случаи. В конце 70-х — начале 80-х годов XIX века это стало у них всеобщим явлением (Там же: 79–80). Бывшие помещичьи крестьяне пришли к этому позднее. Принципиально важным для народнического экономиста являлось то, что этот процесс, хотя и развивался медленнее, чем у бывших государственных крестьян, но приобрел всероссийские масштабы.

Однако, констатируя этот несомненный, как ему казалось, факт, Воронцов отнюдь не был склонен представлять его в виде бесконфликтного процесса. Напротив, община представлялась ареной, на которой шла постоянная, то затихающая, то вновь разгорающаяся *борьба за переделы*. Воронцова интересовали мотивы, в том числе и психологические, которыми руководствовались противники и сторонники переделов.

К числу первых относились семьи с большим числом умерших душ, а также кулаки-мироеды, захватившие в свои руки наделы переселенцев и других общинников. Указывал Воронцов и на объективную причину несогласия на переделы, которая объединяла состоятельных и бедных членов общины: «Где плоха почва или очень тяжелы платежи, там против передела стоят бедные и малоземельные крестьяне, думающие, что им трудно будет справиться с большой тягостью, связанной с расширением их участков» (Там же: 102).

Аргументы против переделов у бывших государственных и бывших помещичьих крестьян различались. Первые напирала на то, что раньше передел всегда совпадал с проведением ревизии, следовательно, передел по инициативе мира является незаконным (Там же: 103). Состоятельные крестьяне из числа бывших помещичьих указывали на тот факт, что многоземельные сельские жители понесли большие траты в виде издельной повинности, выкупных и оброчных платежей, когда земля еще не стоила столь дорого. Кроме того, обращали внимание на неодинаковую степень обработки и удобренности участков разных семей (Там же: 104). В ответ на эти замечания сторонники переделов утверждали, что эксплуатация большего, чем полагалось, количества земли давно окупала понесенные траты, в то время как лица, имевшие ее меньше, чем полагалось, понесли гораздо большие потери, арендуя недостающие угодья (Там же: 108).

Воронцов был прекрасно осведомлен, что разногласия среди общинников отнюдь не выливались в формы академической дискуссии. Для доказательства справедливости собственной точки зрения противники переделов не ограничивались простой агитацией, а грозили «насилием, даже смертоубийством», иногда прибегали «к прямым подлогам и обманам», пытались задержать проведение передела «подкупом, опаиванием и т.п.». Бывали случаи, когда недовольные переделом отказывались брать предназначенный им

участок земли и в знак протеста «засевали старые полосы» (Там же: 110–111). Сторонники переделов также не стеснялись в средствах, использовали насилие, чтобы «добиться составления законного большинства». Прибегали они к угрозам и к «выволочкам». Еще одной из форм насилия Воронцов считал пассивное сопротивление, когда безземельные крестьяне отказывались отбывать повинности (Там же: 111–112).

Указывая на происходившие столкновения, Воронцов тем не менее подчеркивал, что община чаще всего стремилась примирить разные подходы. Так, «для смягчения протестов против передела община постановляет давать землю не всем наличным душам мужского пола, а начиная с известного возраста... Еще чаще против передела составляют приговор, чтобы удобренные или ближайшие к усадьбе участки полевой земли не подвергались переделу... благодаря чему против передела перестают протестовать члены общины, опасаящиеся, что их труды по возвышению культуры не будут ими использованы в полной мере» (Там же: 112–113). В свою очередь, и противники переделов шли на уступки: «принимают меры к устранению наиболее резких проявлений неравномерности в существующем распределении земли, соглашаются на частые переделы и в крайнем случае уступают наделы умерших ревизских душ» (Там же: 113). В конечном итоге взаимные уступки часто приводили к примирению и компромиссу.

Кроме перечисленных причин переделы задерживались и условиями хозяйства: значительной недоимкой, лежащей на обществе, чрезмерной чересполосицей. Еще достаточно сильной была и надежда на то, что государство обеспечит безземельных необходимым наделом. Сказывалось также опасение, что с увеличением разверстных единиц начальство обложит налогом новые души. Наконец, нельзя было сбрасывать со счетов и неумение крестьян определить единицу разверстки, преодолеть технические трудности, вызываемые переделом (Там же: 115–117).

Указанные причины Воронцов относил к так называемым внутренним факторам. Но он не останавливался только на них, и обращался к внешним объективным причинам.

В первую очередь народнический экономист указывал на то, что переделы легче совершаются в крупных общинах, поскольку значительный размер надела способствовал равнению земли между крестьянами, и земледелец, у которого сокращалось землепользование, получал ее все-таки в достаточном количестве, чтобы занять наличные рабочие силы. Напротив, в общинах с малым количеством земли стремление к переделу (равнению) пропадало даже у малоземельных крестьян (Там же: 119–120).

Сказывалось и влияние хорошего качества земли. Высокая доходность наделов обостряла борьбу за передел: старые владельцы упорнее держались за старые участки, а малоземельные члены общины настойчивее стремились расширить имевшиеся у них

площади. Особенно сильно это проявлялось в тех местах, где было мало сдаваемой в аренду земли: «Сокращение участка после передела грозит многим членам общины таким уменьшением дохода от хозяйства, что его не хватит на удовлетворение потребностей семьи, а снять землю на стороне оказывается очень затруднительно» (Там же: 123).

Отмечал Воронцов и такой фактор, как «быстрое размножение населения» и семейные разделы. Чем быстрее росло население, тем больше было несоответствие между числом наличных душ и количеством земли, распределяемом при ревизии. Семейные разделы способствовали проведению переделов тем, что давали возможность быстрее образоваться большинству в $\frac{2}{3}$ числа голосов, необходимому для принятия решения. Правда, для старших в семье опасность раздробления надела побуждала «держаться за ревизскую разверстку земли», поскольку она стесняла семейные разделы. Однако утверждение, что старики были опорой «общинного гнета», являлось, по мнению Воронцова, заблуждением. На сохранении общинных порядков настаивала и молодежь, не только из-за материальных интересов, а и по нравственным причинам (Там же: 127–128).

Кроме названных мотивов к числу факторов, влиявших на проведение переделов, относились степень развития промыслов (в том числе и отхожих), грамотность населения, уровень благосостояния, степень его равномерности и т.п. (Там же: 130).

Наряду с этим Воронцов особенно выделял тот факт, что в общинах за передел земли выступали не только те домохозяева, участки которых должны были увеличиться или остаться неизменными, но и те, кто явно должен был получить меньшее количество земли. На основании этого он делал вывод о том, что побудительными мотивами являлись не только эгоистические интересы, но и «идеалистические свойства», давление общественного мнения, известная привычка и привязанность к общинным порядкам. Нравственные принципы находили свое отражение в многочисленных приговорах сходов. При их рассмотрении выяснялось, что наиболее часто крестьяне обращали внимание на необходимость облегчить положение членов общины, чрезмерно обремененных платежами, равномернее распределить запущенные недоимки, решить проблему так называемых пустовых душ, за которые требовалось уплачивать подати. «Иначе говоря, — заключал Воронцов, — население отдает предпочтение общине, как социально-бытовой форме, как организации, представляющей не только известные выгоды в настоящем, но и серьезные гарантии за будущее» (Там же: 137–138, 140).

В подтверждение собственного мнения народнический экономист ссылался на проведенный опрос крестьян Московской губернии статистиком В.И. Орловым, по наблюдениям которого выходило, что многие крестьяне просто не представляли иной формы

землевладения, кроме общинной. «В тех общинах, где хозяйство всех или большинства дворов находится в исправном состоянии,... стоят за сохранение мирского землевладения, — писал Воронцов. — ...В общинах же, где земледельческое хозяйство большинства дворов находится в упадке,... наиболее состоятельные крестьяне сочувственно относятся к подворно-наследственному владению, при котором была бы уничтожена круговая порука и устранены переделы земли. Но притом никто не высказывается за уничтожение чересполосности владения и за округление подворных участков; наоборот, почти все настаивали на том, что разверстание мирской земли на округленные подворные участки было бы не выгодно в хозяйственном отношении... Что же касается до крестьян бедных, маломощных, то те из них, которые поддерживают свое земледельческое хозяйство, крепко стоят за сохранение мирского землевладения, как за единственное условие своей хозяйственной самостоятельности; те же крестьяне, которые лишились возможности вести земледельческое хозяйство... как и наиболее состоятельные, желали бы замены мирского землевладения подворно-наследственным, дабы иметь возможность навсегда отказаться от земли и тем освободить себя от связанных с ней платежей. Наконец, есть малочисленный разряд крестьян, по мнению которых мирское землевладение с круговой порукою невыгодно, потому что лишает их возможности скупать землю малосильных дворов и недоимщиков. К этому разряду принадлежат крестьяне-капиталисты...» (Там же: 141–142).

Сторонники общинного владения землей придерживались того мнения, что при переходе на подворную систему при сохранении чересполосности «некоторые хозяева внесут такие изменения в севооборот, которые сделают невозможным пастьбу скота на общем пару» (Там же: 142). При этом удобрение земли не только не увеличится, но может и сократиться. Подворное владение приведет к такому дроблению собственности, что многие участки придется продать. Противники общины, в свою очередь, утверждали, что при ней исправный хозяин вынужден работать за других, при переделах они лишаются лучшей земли. При частном же владении эти недостатки были бы устранены. Кроме того, богатый крестьянин мог бы «округлить» свой участок за счет соседей (Там же: 142–143).

По мнению Воронцова, «масса средних и бедных хозяев стоят за общину по причине разнообразного качества почвы и неодинакового расстояния полей от усадьбы, а также потому, что бросивший почему-либо хлебопашество, сохраняя в общине право на землю, может, поправившись, возвратить свой участок, при подворном же владении теряет его навсегда» (Там же: 143).

В переделах проявлялось желание уравнивать тягости, лежащие на безземельных и малоземельных членах общины по отбыванию воинской и мирских натуральных повинностей, к которым отдель-

ные дворы привлекались по величине рабочего состояния семьи. В связи с этим к числу причин переделов Воронцов относил и введение воинской повинности, согласно которой с 1878 года в солдаты пошли молодые люди, родившиеся после ревизии и потому оставшиеся без земли (Там же: 145–146). По сравнению с основными мотивами переделов другие, более второстепенные, носили преимущественно сельскохозяйственный характер: желание устранить разнокачественность участков, их раздробленность в результате семейных разделов, стремление удержать на примерно одинаковом уровне удобряемость полей или разработку общинной земли, сделать более широкими душевые полосы, уменьшить чересполосицу, получившим распространение в результате «свалки-навалки», а в некоторых случаях причиной становилась простая «жадность к безземельным» (Там же: 146).

Рассуждения Воронцова о причинах борьбы между сторонниками и противниками проведения переделов объективно подводили его к заключению о способности общины обеспечить справедливое распределение земли между членами сельского мира. Напрямую он не делал такого заключения, но логика его рассуждений и способ представления материала подводили читателя к этому выводу. Последовательное перечисление Воронцовым объективных (как внутренних, так и внешних), а также субъективных (морально-психологических) причин выбора крестьянами общинной формы землевладения служила демонстрацией их веры в возможность обеспечить при существовавших порядках справедливость и высокую нравственность межличностных отношений.

Но Воронцов покривил бы душой против истины, если бы пытался игнорировать процессы иного толка, в первую очередь зафиксированные *индивидуалистические течения в современной общине*. Первым их проявлением народнический экономист считал развитие личных прав отдельных членов общины и безучастность мира в распоряжении общественной землей. Они были свойственны главным образом бывшим помещичьим крестьянам в местностях, где существовал большой спрос на землю со стороны «промышленных классов». Признаком преобладания личного начала, по мнению Воронцова, являлось развитие права хозяина распоряжаться своим участком — дарить, продавать, завещать. Это право дополнялось невмешательством общины в определение величины участков своих членов, как это наблюдалось, например, во многих местностях черноземной полосы, где участки отдельных лиц оставались неизменными в течение нескольких десятилетий (Там же: 155–156, 158).

Естественно, такая обстановка формировала отрицательное отношение к переделам земельных угодий. На это явление Воронцов смотрел «не иначе как на переходный момент в эволюции общинно-земельной идеи...». Лозунгом данного этапа могли стать слова одного из крестьян южных губерний: «Хиба кто позволит, щоб его

наделы перешли кому-нибудь другому: 20 лет каждый из нас выкупал землю, не допивая, не доедая, а тут изволь отдать их другому ни за что, ни про что. Коли уж на то пошло, щоб у мене отнять часть наделов, то пусть тот, кому они достанутся, заплатит мне за раз весь тот выкуп, который я вносил ежегодно в продолжение 20 лет» (Там же: 16, 166).

Следующим шагом в направлении индивидуализации хозяйственной деятельности становился *приговор о переходе к подворному владению*. Эта тенденция наиболее явно проявлялась среди бывших помещичьих крестьян в тех местах, где земля дорожала и где было мало государственных крестьян, как, например, в Харьковской, в некоторых уездах Курской и Петербургской губерний. Здесь «подворное владение, по-видимому, пустило корни еще в пореформенное время, и новейшая эпоха лишь наследовала порядки, развившиеся ранее» (Там же: 156, 161).

Однако Воронцов считал переход к подворному владению не следствием осознания членами общины преимуществ данного способа хозяйствования, а преимущественно недоразумением, вызванным желанием избавиться от круговой поруки или влиянием сильных членов общины, стремившихся подобным способом закрепить за собой выгодное для них распределение земли. Настоящими случаями разрушения общины Воронцов предлагал считать лишь те, которые происходили при составлении приговора и перерезке земли в натуре с отведением участка в одно место (Там же: 170).

Воронцов не только констатировал выявленную тенденцию, но и пытался определить ее причины. На первом месте, по наблюдениям земских исследований, находился выкуп крестьянами своих угодий. Поскольку выкуп превращал землепользователя в собственника, то общинник считал, что ему должна будет принадлежать земля, находившаяся у него от передела до передела. Очень часто причиной становилась боязнь круговой поруки. Еще одним поводом являлось желание продать землю, реже — сельскохозяйственные соображения. Например, желание сохранить возможность использовать сделанные сельскохозяйственные улучшения (Там же: 175–177).

Изучение Воронцовым приговоров сходов убедило его в том, что многие из них были сделаны поспешно, без серьезного изучения их последствий. Не учитывались, например, возможности исправить существовавшие недостатки при помощи общины. К тому же приговоры, как правило, были лишены юридической силы. Опираясь на имевшиеся в его распоряжении сведения, Воронцов приходил к выводу, что случаи действительного, а не формального перехода к подворному владению в черноземной полосе были весьма редки (Там же: 179).

Наряду с превращением мирского владения в подворное народнический экономист отмечал такое явление, как *выкуп общинной*

земли отдельными крестьянами, которое, на его взгляд, также свидетельствовало о стремлении крестьян стать собственниками. Сгруппировав имевшиеся сведения, Воронцов пришел к выводу, что операция данного рода встречалась крайне редко, и в нечерноземных местностях практиковалась чаще, чем в черноземных (Там же: 197).

Мотивы выкупа были различны. Главным образом они относились к желанию переселенцев получить от общества увольнительные свидетельства, без которых невозможно было устроиться на стороне. А они выдавались только при условии выкупа земельного надела. Кроме того, наделы приобретались с целью продажи для получения средств к переселению. Еще один повод состоял в боязни круговой поруки. Эта боязнь особенно была свойственна лицам, перебравшимся в город на хорошие заработки, но не желавшим причисляться к мещанам или купцам. Еще одна причина состояла в том, что некоторые крестьяне стремились обезопасить себя от сокращения участка земли при переделе и желали свободно хозяйничать на принадлежавшей им земельной собственности (Там же: 197–198, 203–205).

Из имевшихся в распоряжении Воронцова материалов следовало, что, как правило, земля, перешедшая в собственность, оставалась в чересполосице с общественными угодьями, хотя по закону владелец мог требовать ее отведения в одно место. Редкость подобного шага объяснялась как осознанием неудобства заводить особое хозяйство на небольших по размеру участках, так и теми препонами, которые ставила община выделу земли из состава мирской (Там же: 206).

В целом, одной из основных причин слабого развития досрочного выкупа Воронцов считал малоценность земли и высоту налогового обложения. Именно поэтому наиболее интенсивно участки досрочно выкупались не в плодородных местностях, а в промышленных губерниях (Владимирская, Ярославская, Московская, Тверская, Костромская), где были развиты неземледельческие заработки, существенных успехов достигло денежное хозяйство, а население демонстрировало высокую социальную развитость (Там же: 210–211).

По мнению Воронцова, несмотря на крайнюю ограниченность выкупа земли в начале 1890-х годов, в дальнейшем этот процесс должен был усиливаться. Вызывалось это тем, что к концу XIX века значительная часть ценности земли помещичьих крестьян уже была покрыта выкупными платежами, а реальная продажная цена возросла в огромной степени по сравнению с оценкой земли для выкупа. Возрастал искус обратить землю в собственность за полцены или нажиться на ее перепродаже по цене, в 3–5 раз превышавшей суммы, внесенные в казначейство. Такая опасность была весьма серьезной, и в целях ее предотвращения Воронцов предлагал отменить 165 статью Положения о выкупе, которая давала «возмож-

ность одному богатому крестьянину обратить в свою исключительную собственность землю, на половину и две трети выкупленную другими — бедняками, не имевшими средств для уплаты всего выкупного долга» (Там же: 211–213). Отмена статьи казалась Воронцову желательной еще и потому, что ее применение ограничивалось только бывшими помещичьими крестьянами и не распространялось на государственных. Воронцов в очередной раз стремился сохранить общинные права, предотвратить разрушение крестьянского мира. Желание народнического экономиста сделать досрочный выкуп наделов отдельно от общины невыгодным совпадало и с общими настроениями общины.

Продажа земли целым обществом представлялась Воронцову явлением совершенно недопустимым. Правда, по его наблюдениям, подобная практика встречалась крайне редко и преимущественно в пригородных и промышленных местностях.

Нет необходимости приводить аргументы в доказательство того, что Воронцов был последовательным и принципиальным противником перехода крестьян на путь индивидуального хозяйствования и выдела из общины. Сельский мир представлялся ему хотя и ослабленным индивидуалистическими тенденциями, но все еще надежным убежищем от негативных последствий капиталистической эволюции России. С целью доказательства справедливости принимаемых общиной решений в вопросах распределения участков Воронцов охарактеризовал разные **системы разверстки крестьянской земли**.

Наиболее старой, существовавшей еще при крепостном праве, была тяговая (тяговая) система. Она в значительной степени уже устарела, видоизменялась в течение 30 лет, прошедших после реформы 1861 года, или переходила в другие системы. Но существовали и общины, в которых ее использование продолжалось. Как правило, такие общества отличались небольшими размерами (несколько дворов или же несколько десятков дворов), небольшим наделом, разбросанным в нескольких кусках. «В такой небольшой общине, — писал Воронцов, — скорее может сохраниться равномерность в распределении земли, отсутствовать протест против старой разверстки из-за нравственных... мотивов, и потому в них более возможно сохранение старого обычая, который рушится при других условиях. ...Распределение земли по душам, а не дворам... привело бы к слишком большой дробности отдельных участков земли, способной очень затруднить ее обработку» (Там же: 225).

Другая старинная система разверстки земли — по ревизским душам — также отживала, по мнению Воронцова, свой век (Там же: 226). После отмены крепостного права крестьяне получили землю по числу мужских душ в списке X ревизии. Но в любой системе существуют исключения. Так произошло и с разверсткой по ревизским душам. Кто-то из сельских жителей отсутствовал по месту жительства, какие-то семьи сами отказывались от ча-

сти надела, и их участки передавались другим членам общества. Из-за низкой цены земля перераспределялась и на вновь пришедших членов. К тому же после последней ревизии прошло уже много лет, и приближался день, когда все ревизские души вымрут. В результате естественной убыли общины вынуждены были прибегать к различным поправкам к проведенной ранее разверстке. Поэтому в общинах начала 1890-х годов нельзя было встретить ни одной, где земля была бы распределена по ревизскому составу (Там же: 227).

В качестве переходной от старой к новым системам Воронцов называл разверстку наделов по «живым» или «наличным ревизским душам» и так называемую «смешанную» разверстку. «Разверстка по живым ревизским душам, — отмечал Воронцов, — наблюдается в обществах, где землей дорожат и от нее не отказываются; разверстка по наличным ревизским душам начинает входить в практику в общинах, где бывают большие выселения или частые отлучки многих крестьян на продолжительное время на заработки с оставлением земли на обществе» (Там же: 235).

Смешанная разверстка была построена на ревизском и наличном подходе. При ней землю получали все наличные души, но записанным в ревизии полагался больший по размерам участок, а родившимся после ревизии — меньший. Другая модификация смешанной разверстки состояла в выделении одинакового количества земли только на живые ревизские и старшие не-ревизские души. Смешанная система, как правило, приходила на смену ревизской и устанавливалась путем не общего, а частного передела, когда по приговору схода с ревизских хозяев снимали наделы умерших ревизских душ и передавали наличным (не-ревизским) душам. Она являлась своего рода компромиссом. Иногда это был «компромисс между справедливыми требованиями безземельных и эгоистическими стремлениями большеземельных членов общин, пользующихся отсутствием ревизии для того, чтобы отдалить коренные переделы по наличным душам: они соглашались уступить наделы умерших членов и этим на время сохранять свои, хотя и сокращенные, но все-таки превышающие долю наличной души участки. В других случаях... — неодинаковое наделение землей ревизских и не-ревизских душ имеет этическое оправдание в той тягости повинностей, какую вынесли ревизские хозяева в первые годы после ревизии... и каких не знали члены общины, родившиеся и выросшие при новых порядках» (Там же: 236).

Именно стремление к справедливому распределению земли лежало в основе новых систем разверстки земли. Они были основаны на принципе равнения. Но он неминуемо вел к наделению землей в соотношении между ее производительностью и платежами, лежащими на ней (Там же: 243). В зависимости от того, насколько доход от земли был больше или меньше суммы повинностей, на первый план выдвигалось или уравнение выгод пользования участка-

ми, или равномерное распределение податной нагрузки. В первом случае мерой участия каждой семьи в пользовании угодьями становились потребности. Во втором — платежная сила и лежащая в ее основе производительная способность. Другими словами, использовалась или потребительская, или производительная норма (Там же: 244).

Именно такую классификацию для Московской губернии первым предложил Орлов. В дальнейшем она получила подтверждение и в других местностях России. Как показывали собранные материалы, распределение земли по производительной норме происходило преимущественно у бывших помещичьих крестьян, наделы которых были обложены высокими платежами. У бывших государственных и удельных крестьян она встречалась лишь в общинах с плохой почвой. В черноземных районах господствовала подушная разверстка. Но с течением времени и ростом доходности земли производительная разверстка постепенно превращалась в разверстку по потребительской норме. Выведенный Орловым принцип в целом подтверждался, но существовали и некоторые исключения, отличавшиеся «гораздо большим разнообразием и подвижностью» (Там же: 247–248).

Итак, существовавшие системы разверстки земли, приспособляемые общиной к конкретной местности, давали возможность, если не удовлетворить потребность крестьян в пашенных угодьях, то, по крайней мере, минимизировать негативные последствия малоземелья. Принципы справедливости и равенства, которыми руководствовались сельские жители, не только давали, по мнению Воронцова, возможность избежать разорения значительной части общинников, но и добиться относительной социальной стабильности, внутриобщинного мира.

В этом контексте логичным и обоснованным выглядело обращение Воронцова к рассмотрению **состава лиц, участвовавших в пользовании мирской землей**. По его мнению, община конца XIX века допускала отступления от существовавших систем разверстки земельных угодий. Основаниями для этого являлись: непостоянство действительного состава общины и несоответствие между лицами, числившимися в общине и фактически принадлежавшими к ней. В пореформенное время «натуральное хозяйство стало обращаться в денежное, патриархальное — в коммерческое со всей неустоячивостью, свойственной работе на неопределенные рынки», «нарушение прежней однородности состава пошло быстрыми шагами» (Там же: 298). Состав сельских обществ то расширялся, то сужался по сравнению с тем положением, которое существовало при последовательном проведении коренного передела земли.

Все чаще община прибегала к исключению из числа наделяемых земель лиц, которые давно отсутствовали по месту проживания (т.н. «шалтаев»). Исключению также подлежали недоимщики и не-

исправные плательщики податей. Кроме того, членами общины переставали считаться крестьяне, хотя и жившие на земле, но не занимавшиеся хлебопашеством (Там же: 300, 302). Обычаи и правила общин, применявшиеся в отношении этих крестьян, были разнообразны, но итог, как правило, один и тот же.

Различно было и отношение общин к пришлым. К ним принадлежали приписанные к общине для счета, принятые в зятья, усыновленные, приводные, незаконнорожденные дети, просто посторонние лица, жившие в общине. Одни общества давали им землю, другие нет. Главными причинами в принятии решения являлись вопросы размера и ценности земли. Там, где земля не особенно ценилась, ее охотно отводили людям, не имевшим права на надел (Там же: 310).

Воронцов представил интересный материал о правах на землю женщин и малолетних сирот. В некоторых местностях женщины были наделены достаточно широкими правами. Например, дочь нередко сохраняла право на землю умершего владельца даже в том случае, если выходила замуж за постороннее обществом лицо. В общинах, где практиковалась ревизская разверстка земли, женщины сохраняли право на землю только до нового передела или выхода замуж за иносельца, а местами и за однообщинника. В целом же Воронцов приходил к выводу, что «принципиально право женщин на надел вполне примиримо с *идеями* общинного землевладения, и последнее, по-видимому, находится на пути признания этого права фактически» (Там же: 317). «Сиротские» наделы, как правило, передавались до совершеннолетия ребенка избранному обществом опекуну, но бывали случаи, когда участки обращались в «мироплатимые» (Там же: 318).

Таким образом, община, несмотря на произошедшие изменения в пореформенное время, все так же стояла за защиту прав ее членов, принимала на себя в некоторых случаях функции призрения и гарантии их прав. Главным в определении принадлежности к сельскому обществу оставался труд на земле, который гарантировал получение надела, признание хозяйственной состоятельности и уважение односельчан.

Справедливость общинных порядков была самым непосредственным образом связана с вопросом о *равномерности распределения земли*. Воронцов убедительно доказывал, что не все семьи при общинном владении земель участвовали в пользовании мирскими угодьями. Он пытался также определить, насколько велика степень неравномерности разверстки участков при разных условиях и способах ее проведения (ревизская или наличная).

Прежде всего Воронцов привел данные о безземельных членах общины. Они были извлечены из земско-статистических сборников, составленных преимущественно на основе подворных опросов. Однако в них не всегда сообщалось о происхождении безземельных. Воронцов постарался восполнить этот пробел и пришел к выводу,

что подавляющее число безземельных дворов принадлежало к разряду семей, не имевших права на участие в мирской жизни: бывшие дворовые крестьяне, николаевские солдаты и их дети, разные лица, приписанные к обществу без права на землю (Там же: 327). Количество же людей, лишившихся земли по решению общин, было ничтожно. Так, в Мценском и Елецком уездах к их числу относился лишь 1% семей, имевших право на мирскую землю. В Болховском — 1,7%, в Кромском и Карачевском — менее 2%, в Трубчевском — около 3,5% (Там же: 328).

Рассматривал Воронцов и вопрос об отношении размеров семейного участка к числу едоков. Он обнаружил существование значительной разницы между общинами с ревизской и наличной разверсткой земли. По мнению экономиста, оценивать положение в них следовало «с точки зрения интересов потребления». В связи с этим эффективность распределения земли следовало рассматривать не через соотношение участков разных семей между собой, а через соотношение «величины участка семьи к ее потребностям, измеряемым числом душ обоего пола». Разверстка земли по наличным душам мужского пола (ревизская), «хотя бы она вела к образованию крупных участков, — может лучше удовлетворять высказанному требованию, если крупные участки даются при ней соответственно крупным семьям» (Там же: 333). В дальнейшем вместе с выделом из такой семьи взрослых сыновей количество наличной земли в наделе будет выравниваться. А наличная разверстка вела к уменьшению неравномерности в распределении земли, сокращала разницу между многоземельными и малоземельными группами семей, увеличивала численность лучше обеспеченных земель дворов.

Еще один вопрос, к которому обратился автор, касался того, как передел земли отражался на благосостоянии крестьян, терявших и выигрывавших на величине полученной земли. Воронцов считал, что ответ не находился в прямо пропорциональной зависимости от величины полученного участка. Это было вызвано тем, что крестьянин хозяйствовал не только на общинной, но и на арендованной земле. Кроме того, «чем менее крестьяне занимаются земледелием, тем более у них остается времени для подсобных заработков, к которым прибегает большая половина населения даже черноземной полосы. По этим причинам благосостояние населения вообще и тем более благосостояние отдельных хозяев не находится в исключительной зависимости от величины участка земли, полученного по мирской разверстке» (Там же: 339).

Зафиксировав, таким образом, несомненные преимущества наличной разверстки земли по сравнению с ревизской и показав зависимость благосостояния крестьянства от наличия подсобных заработков, арендованной земли, Воронцов завершал рассмотрение поземельных отношений в общине в статике. Выявленные им закономерности и существовавшие исключения относились к этапу ко-

ренных переделов, закреплявших основные правила на определенное количество лет.

Однако община *распоряжалась мирской землей и в промежутке между общими переделами*, а ее количество не оставалось неизменным, менялось как при помощи личных соглашений членов общины, так и путем вмешательства мира (Там же: 350).

Права общины в этом вопросе отличались в разных местностях страны. Там, где общества существовали давно и где успели выработаться соответствующие правила, «права отдельных лиц на землю ясны и узки, — писал Воронцов. — Еще в большей степени сказанное относится к случаям, где по тяжести платежей община должна вмешиваться в землепользование своих членов в промежутке между общими переделами; здесь юрисдикция общины вытекает из того, что отдельные ее члены не претендуют на особенные права на землю и добровольно передают миру ненужный им надел. Наконец, есть разряд общин, где мир не довольствуется вмешательством в землепользование в момент общего передела, где в видах равномерного распределения земли он систематически практикует частые переделы, или, не совершая таковых правильно периодически, он налагает стеснение на право распоряжения отдельных лиц своими участками, имея целью предупреждение скопления земли в одних руках и удержание ее за теми крестьянами, которые извлекают из-под нее доход собственным хозяйством, а не сдачею в аренду» (Там же: 352).

В зависимости от прав на полученные участки земли, которыми обладали конкретные общинники, а также в связи с длительностью промежутков времени между переделами происходило накопление на общине так называемых «мироплатимых», «убылых», «пустовых» душ. Под ними понимались наделы, не пристроенные в руки отдельных домохозяев и лежавшие своими платежами на всем обществе. Меньше всего таких душ было в местностях, где были широки права лиц, и где земля окупала платежи. Там всегда находились охотники принять такую землю (Херсонская, Курская губернии). Напротив, наибольшее число мироплатимых наделов имелось в местах, где сохранялась ревизская разверстка, существовали неблагоприятные условия для хозяйствования, где крестьяне были разорены и, бросив свои наделы, уходили на неопределенное время на сторону, а их платежи переходили на общину (Самарская губерния) (Там же: 360).

Состав мироплатимых наделов также находился в зависимости от прав отдельных членов в промежутке между переделами. Там, где дела обстояли относительно благополучно, участок переходил в руки ближайших или дальних родственников. В такой местности и переселенец легко находил желающего взять участок в аренду за деньги. Здесь обществу поступали лишь участки совершенно безродных хозяев. Мироплатимые души преимущественно состояли из выморочных наделов, наделов переселенцев,

лиц безвестно пропавших или давно отсутствовавших, сосланных в Сибирь, наделов сирот, взятых в опеку общиной до совершеннолетия, наделов, отобранных у неисправимых недоимщиков. К их числу примыкали участки, оказавшиеся после передела свободными, лишними и оставленными про запас на всякий случай (Там же: 361–362).

Наиболее распространенными формами использования таких участков являлись: сдача мироплатимой земли в аренду за подати или по вольной цене, разверстка ее по всем домохозяевам, отдача земли за подати в распоряжение малоземельных и безземельных членов общины. Наряду с этим нередко практиковалась навалка земли на сильных хозяев или обращение этой земли на мирские цели (толока, общественная запашка и т.п.). Выбор этих способов зависел от трех обстоятельств: отношения между доходностью наделов и платежами, от величины временных промежутков между переделами и «от живости общинных инстинктов в населении» (Там же: 366).

Там, где земля была плоха, желавших получить пустующие наделы практически не было, поэтому община вынуждена была искать «охотников» или наваливать их на домохозяев, способных вынести бремя платежей, или даже забросить землю, а раскладывать между членами общества одни платежи. Там, где давно не было общего передела, вполне естественным представлялось использовать мироплатимые наделы для сглаживания несоответствия между личным составом семей и величиной их участков. А там, где промежутки между переделами были более короткими или в общинах относительно недавно произошло равнение земли, община распоряжалась мироплатимыми землями в интересах всего общества. Земля обращалась в общественную запашку, отводилась под выгон, сдавалась в аренду в пользу мирской кассы (Там же: 366–377).

Опираясь на выявленные факты, Воронцов выделил несколько форм распоряжения мирской землей в промежутках между общинами ее переделами: 1) Раздел мироплатимой земли между всеми членами общества; 2) обращение мироплатимой земли в общественные угодья, под общественную запашку, на уплату жалованья должностным лицам и т.п.; 3) сдача мироплатимой земли в аренду за платежи или по вольной цене; 4) отдача мироплатимых наделов безземельным и малоземельным членам общества; 5) навалка земли на сильных хозяев и частные ее переделы («свалка-навалка»).

Пытался Воронцов сделать и «привязку» выявленных им способов к различным регионам страны. Так, в южной степной полосе (Екатеринославская, Херсонская, Таврическая губернии) преобладало пользование землей в интересах всего союза: «отведение под толоку или общественную запашку, разверстка между всеми домохозяевами, сдача в аренду». В восточных степях (главным образом в Саратовской губернии), где благосостояние крестьян было подорвано неурожаями до такой степени, что кре-

стьяне перестали дорожить землей и главная масса мироплатимых душ образовалась из-за добровольного отказа от земельного участка, на первый план выступала разверстка мироплатимых наделов между зажиточными домохозяевами, принимавшая все более и более характер частных переделов. В Центральной России преобладал тот или иной способ, использование которого зависело от «качества почвы и живости общинного инстинкта». Скажем, в Курской губернии свободные наделы обращались или для сдачи в аренду, или поступали в разверстку между всеми домохозяевами. В Елецком уезде было распространено «стремление распорядиться мироплатимой землей в интересах малоземельных членов в общинах, удержавших ревизскую разверстку земли». А в Михайловском уезде, напротив, «отдача свободных наделов малоземельным встречается крайне редко». Да и вообще, по наблюдениям Воронцова, в этой полосе, там, где земля не окупала лежавших на ней платежей, более была распространена «насильственная передача свободных наделов исправным домохозяевам». По его мнению, община принимала в расчет силы и средства крестьянских дворов, и ее действия были направлены на то, чтобы навалка земли не привела «к еще большему их ослаблению и, пожалуй, к полной несостоятельности» (Там же: 368–369).

Особый интерес Воронцова вызывало обращение мироплатимых наделов в пользование безземельных и малоземельных членов. Такой способ использовался по разным причинам. Это могло быть вызвано чувством сострадания, желанием помочь неимущим, когда земля отдавалась бесплатно вдовам, сиротам, больным, старикам. В других общинах свободные наделы отдавались бессрочно отпускным или отставным солдатам старой службы. В-третьих, такой способ должен был смягчить недостатки несовершенной системы разверстки земли. В данном случае земля переходила «бессыновникам», семьям с большим числом женщин (при раскладке земли по душам мужского пола). Делалось это с целью «ослабить недовольство бедных существовавшей (обыкновенно ревизской) разверсткой земли и отсрочить таким образом общий ее передел» (Там же: 369).

Подробно рассматривал Воронцов и способы распоряжения землями в местностях, где земля не окупала платежей. Здесь отказы составляли постоянное, широко распространенное явление и теряли характер случайного распоряжения «пустовыми» или «убылыми» душами. Передел земли совершался периодически и постоянно. Разверстка земли происходила «...не по потребности крестьян в земле, как в средстве прокормления, а по их состоятельности, измеренной или числом рабочих членов, или количеством скота...». Некоторые общины не ограничивались только величиной «силы» хозяйства, но принимали в расчет такие условия, как, например, «факт избежания семьей военной службы, ведущей к накидке пустовой души, или отдачи члена семьи в солдаты, за что она осво-

бождается от лишнего участка» (Там же: 370). Фактически «свалки-навалки», которые проводились под тщательным контролем общины, представляли собой «частный коренной передел в узком смысле слова». Своей целью они имели равномерное распределение существовавших платежей. По мнению Воронцова, они могли продолжаться до тех пор, пока ценность земли не повысится или не понизятся платежи (Там же: 371, 375).

Как и общие переделы, проводимое в промежутке между ними перераспределение угодий преследовало одну и ту же цель обеспечения справедливости и равенства членов общины в землепользовании. Распространение разных способов осуществления данной операции практически на всей территории Европейской части России служило для Воронцова подтверждением как укорененности обычаев и правил, так и присущей общине системе моральных ценностей, отступление от которой было в представлении крестьян не меньшим преступлением, чем нарушение заветов в хозяйственной сфере.

Рассмотрев количественные параметры обеспечения общинников землей, Воронцов не оставил без внимания и **порядки качественного уравнивания землепользования**. Как он писал, община стремилась наделить всех своих членов равноценными участками земли. Однако она лишь в редких случаях прибегала к предоставлению сплошных кусков, при которых качественные недостатки отводимых полос восполнялись бы соответствующим увеличением площади.

Главным и почти повсеместно распространенным приемом такого уравнивания являлась разбивка поля на несколько частей («конов», «столбов», «ярусов»), отличавшихся между собой качеством почвы, удаленностью от усадьбы, рельефом. Всем членам мира в этих частях предоставлялась определенная доля. Как отмечал Воронцов, «та чересполосица владений, которая является результатом разделения мирской земли на несколько полей в целях сельскохозяйственных, значительно усиливается благодаря еще большему раздроблению каждого поля уже в интересах строгого уравнивания» (Там же: 398).

Народнический экономист приводил интересную сводку материалов о том, на сколько долей в разных частях России разбивалась с этой целью пахотная земля. Так, в южной черноземной полосе число полос было гораздо меньше по сравнению с переходными от чернозема регионами, и тем более у нечерноземных (с плохой почвой). По сведениям Воронцова, получалось, что число полос в пахотном поле могло колебаться от 1 до 100 и более (Там же: 401).

В зависимости от этого находился и размер пайка, достававшегося членам общины при переделе. Например, в степной полосе он достигал десятины и более. В нечерноземных губерниях ширина полос, напротив, измерялась нередко аршинами, «лаптями», «ступнями». В результате лица, получившие в пользование одну

полосу, не имели возможности обрабатывать свой надел. Налицо была проблема, требующая решения, и община выработала способ устранения этого недостатка. Господствующей мерой стал обмен участков с целью увеличения их ширины (Там же: 402). В целом достижение полного качественного равенства могло привести к чрезмерной дробности, затруднявшей ведение хозяйства. В связи с этим община прибегала к довольно оригинальному приему: она мирилась с тем, что некоторые ее члены получали лучшие по сравнению с другими лицами участки. Но при этом община постановляла, что через известный промежуток времени будет проводиться «пересадка» с одних участков на другие или предстоит новое перераспределение земли по жребию (Там же: 407–408).

Кроме названной причины жеребьевки использовались и в других целях. Например, в южных губерниях при господстве переложного хозяйства, переход с толоки на пашню каждый раз сопровождался новым перераспределением земли с помощью жеребьевки (Там же: 409). Статистика жеребьевок, проработанная Воронцовым, показывала, что они были распространены в России весьма неравномерно. В некоторых уездах их почти не использовали, в некоторых — число общин, практиковавших жеребьевки, доходило до 50% и даже 80–90% (Там же: 409–410).

Если говорить о периодичности жеребьевок, то в черноземной полосе наблюдались короткие (до 6 лет) промежутки, в нечерноземной — длинные (10–20 лет). Наиболее краткие промежутки наблюдались в степной полосе, что объяснялось Воронцовым необходимостью обмена толоки на пашню с целью восстановления плодородия почвы (Там же: 410).

Наряду с описанием способов качественного уравнивания землепользования Воронцов поднимал весьма важный и дискуссионный в начале 1890-х годов вопрос о **влиянии общинного владения на удобрение полей**. Другими словами, насколько коренные переделы земли служили препятствием к повышению сельскохозяйственной культуры (Там же: 410). По его мнению, не переделы и жеребьевки мешали этому агротехническому мероприятию, а отсутствие у крестьян убеждения в необходимости подобной операции и разные неблагоприятные условия, свойственные крестьянскому хозяйству (недостаток скота, частые переверстки, отдаленность полей от усадьбы и т.п.). Причины слабого распространения удобрения крестьянских полей Воронцов усматривал в том, что «замечное истощение почвы проявилось на черноземе лишь в последние 15–20 лет, местами и того позже; что в некоторых местностях польза удобрения отрицается даже многими крупными землевладельцами» (Там же: 412).

Подводя итог рассмотрения этого частного вопроса, Воронцов делал вывод, который затрагивал гораздо более широкий круг проблем деятельности сельских жителей: «Итак, неудобства в расположении надела, отсутствие сколько-нибудь организованного креди-

та и проистекающая отсюда необходимость продавать труд в самое горячее для земледельца время; условия найма удобней, без которых крестьянину обойтись невозможно; отсутствие древесного топлива; слабое развитие промыслов, на которые бы падала часть расходов по содержанию семьи, — вот целый ряд обстоятельств, препятствующих более или менее широкому применению крестьянами удобрения своих полей» (Там же: 415). Там же, где переделы действительно мешали удобрению полей (часто повторяемый обмен участков, отказ состоятельных крестьян в ожидании ревизии удобрять свои участки и др.), вопрос заключался не в их существовании, а во временной неопределенности их проведения (Там же: 416, 419–420).

В связи с этим Воронцов провел изучение вопроса о сроках общинных переделов. Им был «перелопачен» гигантский фактический материал, который дал возможность сделать заключение, что более чем в половине обследованных общин были установлены продолжительные сроки переделов (от 10 до 20 лет). Около 8–9% назначили средние сроки в 7–9 лет. 13% приняли короткие сроки (от 1 до 5 лет). И только 6% не назначили никаких сроков для следующего передела. Короткие сроки переделов были характерны для общин восточных и южных степей, где земля почти не удобрялась. Общества центральной полосы обычно назначали длительные сроки для переделов (Там же: 422). Устранить недостатки коренных переделов земли Воронцов считал возможным путем назначения для них более длинных сроков нахождения земли в определенных руках, чтобы «удобрение полей сделалось обычным приемом массы членов общины, как скоро они считают его полезным» (Там же).

Что же касается жеребьевок, которые Воронцов считал «наибольшим препятствием сельскохозяйственным улучшениям», то они повторялись все реже и реже, и даже совсем отменялись или на всем поле, или в его удобренной части (Там же: 425–426). Жеребьевки и переделы могли проводиться и при помощи так называемой «подвижки». При использовании такого способа члены общины не получали новых участков, а лишь подвигались, на сколько нужно в одну или другую сторону. В результате такой операции большинство хозяев сохраняли за собой большую или меньшую часть собственного надела (Там же: 426).

В очередной раз Воронцов частными выводами дополнял и расширял собственную аргументацию, направленную на доказательство жизненной силы, стойкости и гибкости общины при решении как хозяйственных, так и связанных с ними социальных вопросов. Даже объяснение такому очевидному недостатку крестьянской агрикультуры, как отказ от унавоживания полей, он находил не в традиционности общинных поземельных правил, а в общем тяжелом экономическом положении крестьянского хозяйства.

Завершив рассмотрение действий общины, связанных с пахотной землей, Воронцов обратился к порядкам пользования ею дру-

гими видами угодий: *сенокосами, выгонами, лесами и крестьянскими усадьбами*.

По данным земской статистики, *сенокос* имелся далеко не у всех общин. Например, бывшие помещичьи крестьяне получили по реформе 1861 года крайне мало таких угодий. К тому же из-за нехватки пашенной земли часть из них пошла под пашни, часть — для сдачи в аренду. В результате большая часть общин черноземной полосы совсем не имела лугов. В степной полосе этот недостаток возмещался возможностью использовать под сенокосы участки, находившиеся в залежи (Там же: 459).

Сенокос подлежал разверстке большей частью ежегодно. Общинники обращали внимание на урожай травы в данном году и делили луга на неопределенное количество частей, неравных по площади, но обещавших одинаковое количество травы. Эти участки распределялись по жребью между отдельными хозяевами или группами хозяев. Существовали, однако, и общества, которые делили сенокосные угодья не каждый год, а раз в несколько лет, например, вместе с разделом пашни. Другой довольно распространенный способ состоял в уборке покоса всем миром с последующим разделом сена между общинниками. Он использовался в тех местах, где по незначительности, разнокачественности и неудобному положению покоса представлялось затруднительным разделить его между хозяевами (Там же: 461–463).

Пастбища находились в постоянном пользовании только на южной и восточной окраинах России, где и встречалось уравнение их пользования. Здесь площадь, отводимая под пастбища, была обширна, и численность скота служила показателем состоятельности крестьянина. Правда, выявленная земскими статистиками борьба за «урегулированное пользование пастбищами» развернулась, как писал Воронцов, в течение последних 10–15 лет (Там же: 470–471). Общины центральной части страны относились к подобному уравнению прав своих членов довольно индифферентно.

Нормировка использования пастбищ обычно заключалась в назначении числа голов скота, которые предполагалось пустить бесплатно на выпас каждому хозяину, или в обложении каждой головы скота, выпускаемой на общественные угодья, особым сбором. Также практиковался такой способ, как отрезка под толоку от каждого хозяина участка, пропорционального имевшемуся у него скота. Существовало и отведение выгона бедным хозяевам отдельно от богатых (Там же: 471–472).

Но в целом никаких проблем с распределением пастбищ не возникало. Они появлялись только там, где «...по недостаточной величине или по дурнокачественности почвы надела вся земля общества или значительная ее часть обращена в выгон». В таких обществах практиковалась «свалка-навалка» душ. В некоторых из них был поставлен вопрос об отведении части выгона под распашку для «бескотных хозяев». Здесь каждый хозяин имел право «...пасти

на общественном выгоне определенное количество скота (по числу ревизских душ), у кого же скота меньше нормы, тот имеет право пользоваться остальной землей для посева хлеба; уравнивание земельпользования производится при помощи ежегодно повторяющейся перевалки душ пашенных и выгонных, причем общий размер выгона остается неизменным» (Там же: 472–473).

Усадебная земля имела большую ценность по сравнению с другими угодьями. Права хозяев на нее, естественно, были шире, чем права на пахотную землю. Они выражались в том, что: во-первых, усадьбы считались как бы в частном владении и могли свободно переходить из рук в руки; во-вторых, регулирование владением усадебной землей возникло позднее нормировки пользования другими угодьями; в-третьих, регулирование усадебных угодий совершалось с большим вниманием к интересам владельцев по сравнению с пашней (Там же: 477).

«Вмешательство общины в пользование усадебным угодьем обнаруживается тем ближе к нашему времени, чем позже заселилась местность...», — отмечал Воронцов. Поскольку степная полоса заселялась гораздо позже, то здесь наблюдалась «большая неравномерность усадебных участков отдельных членов» и «присутствие немалого числа посторонних владельцев». Именно поэтому разворачивалась борьба за общинное регулирование усадебной земли. Например, во всех селениях бывших государственных крестьян Славяносербского уезда происходили «горячие споры, всюду крестьяне жалуются на неравномерность в распределении усадебной земли и громко высказываются за изменение таких порядков» (Там же: 478–479, 481).

Уравнивание пользования усадебными участками в тех местах, где оно вошло в практику, обычно осуществлялось одним из 4 способов: 1) прямым перераспределением земли между членами общины; 2) расширением участков малоусадебных лиц через обращение под усадебные культуры пахотной земли; 3) уравниванием излишнего и недостаточного усадебного участка отрезкой и прирезкой пахотного поля; 4) обложением всей или излишней доли усадьбы особым сбором (Там же: 489). Из них Воронцов считал наиболее распространенным уравнивание усадебных мест путем соответствующего сокращения или расширения пахотного поля. За ним следовал способ отрезок-прирезок угодий. На третьем месте по распространенности находилось обложение усадьбы денежным платежом. И, наконец, использовалось расширение усадебного угодья малоземельных членов общины за счет общинного выгона или пашни (Там же: 490).

Лес представлял значительную ценность для крестьян и как строительный материал, и как топливо. Правда, в Черноземье для отопления использовалась солома, а в степной полосе навоз. По условиям отмены крепостного права, бывшие помещичьи и государственные крестьяне были поставлены в разные условия. Первые

были лишены леса, а вторые — сохранили право получения в надел вместе с другими угодьями и леса. Лесные участки бывших государственных крестьян были обложены особым лесным налогом (Там же: 491). Это не спасло от нерасчетливого использования леса. «Крестьяне стали очень быстро сводить леса», не соблюдая никаких правил. «Неверность дохода от земли» заставляла использовать лесные угодья в качестве некоего запасного фонда, к которому «обращались в затруднительных случаях... существования» (продажа с целью уплаты податей, обеспечение продовольствием и т.п.). Однако, по словам Воронцова, ситуация менялась в лучшую сторону: сельские общества стали принимать меры, направленные на ограничение вырубки и на выращивание на месте вырубленного нового леса (Там же: 492).

Лесные угодья распределялись между семьями по тем же единицам, что и пашня. При этом внимание обращалось на то, чтобы уравнивать качество получаемых членами общины лесных материалов. Способы такого уравнивания отличались чрезвычайным разнообразием. Например, в Московской губернии все деревья, подлежащие разделу, сосчитывались и делились сообразно их качеству на несколько разрядов. Затем определялось, сколько корней каждого разряда приходилось на душу. Весь выявленный лес делился на доли, а затем бросался жребий. Из приходившейся на группу крестьян доли каждый получал доставшийся ему участок. В расчет принималось все: обхват и длина ствола, его правильность, количество сучков, порода дерева и т.п. Мелкий лес и кустарник развешивался делянками или полосами, «уравнение душевых участков достигается их увеличением или уменьшением, сообразно качеству поросли» (Там же: 493–494).

Кроме разверстки леса в натуре существовали и другие способы. Некоторые общества определяли время для совместной рубки леса, другие вычисляли количество дров с душевого участка, третьи ограничивали использование леса только запрещением его продажи на сторону. Наконец, встречались и такие общины, которые допускали свободное пользование лесом (Там же: 494–495).

Изучение Воронцовым регулирования общиной непашенных угодий еще раз подтверждало существовавшие в крестьянском мире правила равенства и справедливости. И в этом вопросе они оставались постоянными и неизменными в разных местностях страны. Народнический экономист в очередной раз настойчиво и последовательно проводил эту мысль и стремился закрепить ее в сознании читателей.

Большой интерес для Воронцова представлял вопрос об **организационных формах** общины. В первую очередь он сопереживал с их эволюцией в настоящем и будущем. Исследователь выделял несколько видов крестьянских обществ. В соответствии с использованной им классификацией, если община занимала целое селение, она называлась *простой*. Если существовала только в части

селения, то именовалась *раздельной* или *дробной*. А если в состав общины входило несколько селений или частей — *сложной* или *составной (волостной)*. В количественном отношении преобладали простые общины, затем следовали раздельные, и реже всего встречались составные.

Раздельные общины были распространены среди бывших помещичьих крестьян. Причиной этому служило то, что при крепостном праве отдельные части селения могли принадлежать разным владельцам. Среди бывших государственных крестьян такие общины образовались путем распада крупного поселения, ранее составлявшего одну общину, на две или более частей (Там же: 535). Сложные общины, по проведенным Воронцовым изысканиям, существовали в каждом уезде в количестве от 4 до 10. В огромном большинстве они принадлежали к разряду бывших государственных крестьян. Появились такие общины в результате расселения крестьян из одного села без прекращения хозяйственной связи с коренным поселением. В южных регионах страны образование сложных общин являлось естественным моментом колонизации степей (Там же: 538, 541). Таким же естественным моментом являлось и распадение сложной формы общины на простую. Связано это было с тем, что большая величина общины мешала выполнению возложенных на нее функций (сложность проведения общего схода, распределения земли и т.п.) и препятствовала хорошему знанию хозяйственного положения каждого члена общества (Там же: 541). Воронцов указывал, что сложные общины пытались примирить разные противоречия и несогласия с интересами целого союза. Останавливался он и на процессе разложения сложных общин и установлении порядков, приходящих им на замену.

Очень многое в этом процессе, по замечанию Воронцова, зависело от психологических моментов. Если распределение земли между селами делалось с должным вниманием к интересам всех поселений, какими бы мелкими они ни были, «в таком случае сложная община имеет много шансов на благополучное существование. Если же, напротив, крупные села, имея больше голосов, обижают мелкие... при таких и подобных им обстоятельствах в общине будет назревать недовольство существующим, стремление к разделению, которое рано или поздно осуществится» (Там же: 543). В этом отношении спасению сложной общины не могло способствовать даже коллективное владение сенокосными или лесными угодьями. Напротив, оно вело «к еще большим ссорам совладельцев». Причиной этого становилось различное использование угодий (Там же: 544–545).

Однако наряду с распадением сложных и крупных общин Воронцов отмечал и противоположную тенденцию, когда несколько небольших по количеству дворов общин считали возможным и необходимым соединять усилия для улучшения своего состояния. Это

наблюдалось, например, при принятии решения о совместном с соседями выпасе скота. При этом требовалось, чтобы было заведено общее стадо и «озимые, яровые и паровые клины всех общин были смежны друг с другом». Такой союз нескольких общин встречался довольно часто. Например, в Московской губернии к нему прибегали $\frac{2}{3}$ обществ. Следующим шагом в этом направлении становилось уничтожение границы между землями и сведение двух площадей в одну. Но при этом каждая отдельная община получала именно тот размер участка, какой она вложила в общее владение (Там же: 545–546).

В дальнейшем вполне естественным становилось «слитие» нескольких общин в одну при равном разверстании земли между всеми домохозяевами. «Такое соединение, иногда совершаемое на определенный срок, всего легче устраивается в случаях равного у всех общин надела», — писал Воронцов. Естественно, препятствием являлось «резкое различие в имущественной состоятельности разных общин». Однако нередки были случаи слияния двух и более общин, несмотря на различие в величине надела, а «мелкие различия иногда уравниваются денежными приплатами» (Там же: 547).

Рассматривая различные варианты эволюции форм общины, Воронцов не напрямую, в значительной мере опосредованно, но настойчиво проводил мысль о том, что на подобные действия способен отнюдь не стагнирующий, а, напротив, полный сил институт народной жизни.

Затаенные, но вместе с тем существенные потенции проявлялись и в пользовании *несельскохозяйственными общинными угодьями*. Воронцов останавливался на таких вопросах, как эксплуатация крестьянским миром имевшихся на его землях каменоломней, залежей глины, торфа, рыбной ловли, мельниц и т.п.

В тех случаях, когда такие угодья использовались не для извлечения дохода, а только для удовлетворения потребностей членов общества, община не применяла строгих правил регулирования. А вот «Там же, где сбыт на сторону изделий доставляет производителям порядочный доход или грозит истощением нужного самим крестьянам материала, общество нередко вносит ограничения в право пользования угодьем, запрещая продажу продуктов на сторону, облагая добычу его известным сбором, развертывая угодье между членами по принятому для разверстки земли основанию и т.п. В тех случаях, когда это возможно, общество извлекает из принадлежащего ему угодья доход путем сдачи его в аренду под разработку» (Там же: 551).

Вода играла в хозяйственной жизни крестьян существенную роль и служила «объектом особых мероприятий:

- 1) как предмет потребления в крестьянском быту и хозяйстве;
- 2) как источник для другого предмета потребления — рыбы;
- 3) как источник двигательной силы» (Там же: 555–556).

Каких-то особых правил в использовании воды не существовало. В том случае, когда требовались затраты денежных средств и физического труда для рытья колодцев, устройства запруд, плотин и содержания всех этих сооружений в исправном состоянии, община развертывала их по душам, дворам и т.п. Но существовала и строгая регламентация в случае недостатка водных ресурсов.

Рыбные ловли или предназначались для использования членами общины, или для сдачи в аренду, но при условии предоставления общинникам права ловли рыбы небольшими снарядами. В первом случае практиковались совместные ловли всеми крестьянами. Интересный пример такого пользования ловлями несколькими деревнями давала Наровская волость Ямбургского уезда, где берег разбивался на 12–15 участков, соответственно числу прибрежных деревень. Ширина участка несколько превышала ширину невода (около 200 сажень). Лов совершался целую зиму артелью из 10 человек обоего пола (Там же: 557).

Эксплуатация воды в качестве *двигателя* была сопряжена со значительными затратами, и поэтому могла быть доступна только немногим членам общины. А общество, пытаясь извлечь выгоду, сдавало берега реки в аренду под постройку мельниц. Практиковались и другие способы — строительство собственной мельницы и наем для ее эксплуатации мельника, переход в собственность общины сооружений бывших арендаторов, покупка мельниц на стороне. Поскольку берега реки принадлежали разным владельцам, то нередко были случаи принадлежности мельниц разным обществам (Там же: 559).

Однако общие интересы общины далеко не всегда проявлялись и закреплялись в совместной практике крестьян. Негативные последствия индивидуалистических тенденций явно просматривались в приводимых Воронцовым *данных об общественных запашках* в разных регионах страны. Цель их создания состояла или в заполнении хлебных магазинов, или в удовлетворении различных временных или постоянных мирских нужд, в число которых входили: жалованье священникам, низшим должностным лицам, средства для оплаты арендованной земли, для поддержки училищ, для содержания сирот, дряхлых и т.п. (Там же: 562). Уже перечисление целей, на которые предназначались средства, получаемые с общественных запашек, свидетельствовало о непостоянстве их использования и существования. И это подтверждалось историей их организации и функционирования. Общественные запашки появились еще в дореформенное время преимущественно у государственных крестьян и военных поселян. После отмены крепостного права они стали быстро исчезать. Главным в уничтожении общественных запашек являлось их устранение как «средства для пополнения продовольственных магазинов» (Там же: 563–564). Подобные факты были весьма распространенными, но не повсеместными. В некоторых местах общественные запашки сохранились, но развивать-

ся им предстояло в сильно изменившихся условиях: во-первых, исчезла посторонняя власть, настаивавшая на учреждении запашек, во-вторых, сильное распространение получило крестьянское малоземелье, в-третьих, происходило «резкое расчленение» общины на богатых и бедных (Там же: 565). При опросе крестьян по вопросу организации общественных запашек в пореформенное время выяснилось, что они появились «не по свободной инициативе обществ, а под влиянием со стороны, по совету помещика или мирового посредника, по предложению земства, “по предписанию волости” и т.п.» (Там же: 567).

Так, из 169 опрошенных обществ трех уездов Саратовской губернии 146 высказались против общественной запашки и только 23 за нее. Причины такого отношения заключались в сложности привлечь крестьян к совместной работе в тех местах, где многие лица уходили на сторонние заработки, где существовало устойчивое нежелание отводить под общественную запашку часть надела. Несмотря на то, что сторонники общественной запашки настаивали, что трудом легче сделать взнос в хлебный магазин, это мнение не встречало поддержки большинства общины. Хотя «работа для крестьянина всегда не так ценна, как продукт ее, уже выраженный в конкретной форме», каждый вносивший запасной хлеб, писал Воронцов, «смотрит на вложенное им зерно как на свою собственность и требует, чтобы оно пошло не нуждающемуся, а ему, всыпавшему». Наряду с этим было «замечено, что между богатыми и кулаками встречается больше противников, чем сторонников общественных запашек, а между бедными — наоборот» (Там же: 568–569, 571).

В результате оказывалось, что «общественные запашки, по крайней мере имеющие целью образование хлебных запасов, распространены почти исключительно в сравнительно редко населенной, степной полосе». Под них отводились наделные или арендованные земли. В первом случае — мироплатимая или нарочно отрезанная с соответствующим уменьшением наделов всех хозяев. К арендованной земле прибегали преимущественно бывшие помещичьи крестьяне, главным образом дарственники, лица, получившие наименьший надел. В среднем крестьяне на юге страны выделяли по 1 десятине от 7–8 дворов (Там же: 572–573).

В большинстве случаев под общественную запашку отводили лучшие и наиболее близкие к поселению земли. Но там, где к общественным запашкам было весьма скептическое отношение, под них выделялись худшие и дальние участки. «Обработка земли, находящаяся под общественной запашкой, — писал Воронцов, — производится или наймом, или собственным трудом членов общины. Первый вид встречается сравнительно редко и применяется или ко всем операциям, или только к некоторым» (Там же: 574–575). Наиболее распространенным способом обработки запашек Воронцов считал «исполнение каждым хозяином тех работ, какие возможны по его

хозяйственной состоятельности... Чаще всего встречается порядок, при котором на хозяевах, имеющих скот, лежат только работы, требующие участия последнего, а на бесскотных — исполнение остальных работ» (Там же: 576). «Принятое распределение работ, — отмечал народнический экономист, — не всегда строго соблюдается, причем наичаще, по-видимому, встречаются случаи, когда зажиточные хозяева берут на себя больше работы; в некоторых случаях это делается потому, что они имеют особые выгоды от пользования общественной толокой» (Там же: 577). Работа на общественной запашке распределялась или между хозяевами, или частями общества. Распоряжение хозяйственными действиями лежало или на сходе, или на особо выбранных для этой цели лицах. За неисполнение возложенной на хозяев работы в некоторых общинах крестьяне штрафовались водкой или деньгами. Также в некоторых общинах денежным сбором облагались хозяева, отсутствовавшие в поселении и поэтому не принявшие участие в работе (Там же: 578).

При всем сочувствии Воронцова к совместным работам крестьян объективное рассмотрение использования общественных запашек не давало ему права сделать вывод об их широком распространении. Скорее, наоборот, напрашивалась констатация сдержанного, если не сказать настороженного, отношения крестьян к внедрению подобной практики.

А вот такие *общественные предприятия*, как осушение болот, устройство прудов и лиманов для орошения полей, расчистка лесов, укрепление летучих песков и т.п., Воронцов широко освещал и активно пропагандировал. Эти хозяйственные работы не принадлежали к числу обязательных повинностей, таких как починка мостов и дорог, устройство изгородей вокруг полей. Но имели они не меньшее, если не большее значение для развития самодельности общин. Такие работы производились или личным трудом всего общества, или наймом. Трудовые или финансовые затраты распределялись в большинстве случаев по надельным душам.

В нечерноземной России чаще всего практиковалась осушка болот для обращения их в покосы. Например, в Московской губернии число деревень, принимавших участие в подобных мероприятиях за десятилетие (в 1880-е гг.), колебалось от 180 до 200 (14–16% всех деревень) (Там же: 580).

Не менее масштабными были работы и по орошению лугов, садов, образованию водохранилищ. Например, в Новоузенском уезде коллективным трудом общин было устроено до 1000 прудов (для водопоя скота или для орошения лугов) и несколько сот колодцев. По мнению Воронцова, слабая сторона орошения полей состояла в том, что работы совершались без руководства специалистов и нередко заканчивались неудачей (Там же: 582–583). Подобный вывод был вполне объясним, учитывая принадлежность народническо-

го экономиста к сторонникам так называемой «теории малых дел», в которой существенное место отводилось деятельности квалифицированных земских служащих.

Воронцов посчитал необходимым затронуть и вопрос о действовавшей в общине разверстке платежей, которые, как правило, раскладывались на землю по тем же единицам, что и разверстка участков. Правда, в некоторых местностях степной полосы, где крестьяне имели возможность арендовать большое количество земли и держать много скота, именно скот начинал становиться лучшим показателем зажиточности крестьянина (Там же: 587–588).

* * *

Рассмотрение содержания книги Воронцова позволяет отнести ее к категории фундаментальных работ и согласиться с большинством оценок Чупрова, приведенных в начале статьи. Действительно, по охвату материала, детальности и скрупулезности проведенного анализа она не имела себе равных. И это на фоне того, что в пореформенное время наблюдался буквально обвальный рост интереса к общинной проблематике. Достаточно сказать, что «если к 1850 г. о сельской общине в России было издано только четыре работы, а к 1855 — пять, то за пятилетие с 1856 по 1860 г. — 99, а к 1880 — 546. По другим библиографическим подсчетам, за 1876–1904 гг. вышло в свет более 2 тыс. книг и статей, посвященных сельской общине» (Александров, 1976: 3).

Благодаря проведенному исследованию Воронцову удалось убедительно доказать, что община не являлась рудиментом прошлого, как считали представители либерального и марксистского течений общественной мысли. В процессе социально-экономической эволюции пореформенного времени она сумела не только сохранить присущие ей в течение веков функции защиты сельского мира, но и выработать новые средства, направленные на реализацию принципов равенства и справедливости, на адаптацию жителей деревни к условиям рыночной экономики. Община активно сопротивлялась проникновению товарно-денежных отношений, однако эффективность этих средств уже не везде и не всегда была высокой. Явно обозначившаяся индивидуалистическая тенденция, на что совершенно справедливо указывал народнический экономист, все более набирала силу и угрожала разрушением общинной организации.

Для доказательства своей позиции Воронцов активно использовал позитивистский принцип экспозиции материала, включавший широкое представление примеров, иллюстрировавших выдвинутый аргумент. Причем это делалось не только в тексте, но и в качестве приложений к определенным разделам книги. Автор словно

пытался объемом информации подавить любые сомнения в отношении проведенной им интерпретации собранных сведений. И во многом оказывался заложником избранного подхода.

Пример не является доказательством. Собранные факты требуют не только группировки, но взвешенных и дополняющих друг друга выводов по каждому разделу. А Воронцов сознательно и намеренно воздерживался от этого, оставляя ответы на многие возникавшие вопросы размышлению читателей. Не представил он и обобщающего заключения сочинения. В результате, несмотря на намерение автора осветить весь комплекс проблем, связанных с существованием общины, книга приобрела характер очерковости.

Да и обратился Воронцов в первую очередь к распределительно-производственной функции общины, которая представлялась ему, несмотря на неоднократно подчеркиваемую объективность экспозиции материала, наиболее приемлемой для крестьянского мира и наиболее обеспечивающей существование сельских жителей по закону справедливости и согласия. Воронцов отнюдь не отрицал наличие индивидуалистических тенденций, которые набирали силу в пореформенной общине. Напротив, он опасался их, указывал на борьбу середняков за сохранение традиционных отношений. Однако в его исследовании преобладали в лучшем случае все более ослабевавшие надежды на спасительную силу общинной организации хозяйства.

Финансово-податные обязанности были представлены гораздо более скромно. Правотворческие, судебные меры и способы социальной защиты составляли своеобразный фон работы. Их существование признавалось, подразумевалось их влияние на жизнедеятельность крестьян, но впрямую они не рассматривались. А такие ее функции, как представительская, полицейская, культурно-воспитательная, религиозная были проигнорированы.

И, наконец, самый существенный недостаток, который, по нашему мнению, присущ «Крестьянской общине», состоит в том, что Воронцов практически не затронул противоречий, существовавших между общинным характером поземельных отношений и индивидуальной по своей сути хозяйственной практикой крестьянства. В действительности большинство проблем общины, отмеченных Воронцовым, выростали из них. Рассмотрение богатого и содержательного материала, которым он оперировал, под этим углом зрения могло бы разрушить многие заблуждения в отношении общинной крестьянской психологии, в частности о коллективизме сельских жителей. В действительности русский крестьянин, как и крестьянин любой страны, является индивидуалистом. Он крайне неохотно соглашается на совместные действия, если они напрямую не влияют на улучшение его благосостояния. И материалы Воронцова о достаточно прохладном отношении крестьян к общественным запашкам, может, даже вопреки его воле, это наглядно подтверждали. Побудительным мотивом к объединению и совместным согласован-

ным действиям сельских жителей могли стать только чрезвычайные внутренние или внешние обстоятельства. В обыденной жизни крестьянина волновали лишь конкретные вопросы быта и хозяйствования. В социально-политическом плане он достаточно долго мог оставаться безынициативным и инертным, полагаясь на присущие ему долготерпение и традиционное умение приспособливаться к неблагоприятным условиям существования.

Библиография

- Александров В.А. (1976). Сельская община в России (XVIII — начало XIX в.). М. Библиографический отдел. В.В. Крестьянская община (1892) // Русская мысль. № 7. С. 317–319.
- В.В. (Воронцов В.П.) (1896). Милостивый критик // Новое слово. № 7. С. 44–59.
- Воронцов В.П. (1892). Крестьянская община / Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. Т. 1. М.: Типография А.Н. Мамонтова и Ко.
- В.Я. (Яроцкий В.Г.) (1892). Новые книги В.В. Крестьянская община // Русское богатство. № 9. С. 22–26.
- Новые книги. В.В. Крестьянская община (1892) // Северный вестник. № 8. С. 68–73.
- Раевский М. (1892). Рефераты. В.В. Крестьянская община // Известия Императорского географического общества. Вып. 2. С. 227–235.
- Чупров А.И. (1893). Итоги общинного земледелия (В.В. Крестьянская община) // Русская мысль. № 9. С. 67–87.

To the anniversary of the half-forgotten book (V.P. Vorontsov's *Peasant Community*)

Vasily V. Zverev, DSc (History), Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 117292, Moscow, Dmitry Ulyanov St., 19. E-mail: v.v.zverev@bk.ru

Abstract. The article considers the main ideas of the outstanding Russian economist and publicist V.P. Vorontsov as represented in his work *Peasant Community* published in 1892. This book provides a detailed examination of the *zemstvo* statistical data in order to refute the theory of the rudimentary nature of the peasant community. To prove his ideas, Vorontsov used the objectivist approach in the selection and presentation of the data. He showed that in the post-reform era, the peasant community not only kept its functions of protecting the rural world but also developed new means for implementing the principles of equality and justice and for adapting peasants to the market economy. The peasant community resisted the commodity-money relations, but this resistance was not always effective. There was a growing individualistic trend which threatened to destroy the community organization. Vorontsov focused on the distribution-production functions of the peasant community rather than on its financial-tax, law-making, judicial functions and methods of social protection, and did not consider its representative, police, cultural-educational, religious functions or the contradictions between the communal nature of land relations and the individual economic practices of the peasantry. Vorontsov's book is a real encyclopedia of the activities and worldview of the Russian peasantry in the second half of the 19th century.

Key words: V.P. Vorontsov, peasant community, land redistribution, individualism of the peasantry, communal and household land tenure, agriculture

- ТЕОРИЯ Aleksandrov V.A. (1976) *Selskaya obshchina v Rossii (XVIII — nachalo XIX v.)* [Rural Community in Russia (18th — early 19th Centuries)]. Moscow.
- Bibliografichesky otdel. V.V. Krestyanskaya obshchina (1892) [Bibliographic department. V.V. Peasant community]. *Russkaya mysl*, no 7, pp. 317–319.
- Chuprov A.I. (1893) Itogi obshchinnogo zemledeliya (V.V. Krestyanskaya obshchina) [The results of communal agriculture (V.V. Peasant Community)]. *Russkaya mysl*, no 9, pp. 67–87.
- Novye knigi V.V. Krestyanskaya obshchina [New books. V.V. Peasant Community] (1892) *Severny vestnik*, no 8, pp. 68–73.
- Raevsky M. (1892) Referaty. V.V. Krestyanskaya obshchina [Abstracts. V.V. Peasant Community]. *Izvestiya Imperatorskogo geograficheskogo obshchestva*, vol. 2, pp. 227–235.
- V.V. (Vorontsov V.P.) (1896) Milostivy kritik [Gracious critic]. *Novoe slovo*, no 7, pp. 44–59.
- V.Ya. (Yarotsky V.G.) (1892) Novye knigi V.V. Krestyanskaya obshchina [New books by V.V. Peasant Community]. *Russkoe bogatstvo*, no. 9, pp. 22–26.
- Vorontsov V.P. (1892) Krestyanskaya obshchina [Peasant community]. *Itogi ekonomicheskogo issledovaniya Rossii po dannym zemskoy statistiki*, vol. 1. Moscow: Tipografiya A.N. Mamontova i Co.

Проблемы аграрной истории в научных трудах Григория Алексеевича Герасименко

П.С. Кабытов

Петр Серафимович Кабытов, заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, 443036, г. Самара, ул. Московское шоссе, 34. E-mail: Don.kabytov2012@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется научное наследие выдающегося советского и российского историка, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой истории Академии государственной службы при Президенте РФ Григория Алексеевича Герасименко, который внес большой вклад в разработку проблем аграрной истории России периода Великой российской революции. Определен корпус историографических источников, отражающий основные вехи биографии ученого. Основное внимание уделено анализу исследований ученого, которые были написаны и изданы в саратовский (1954–1980 гг.) и московский (1980–2005 гг.) периоды его жизни. Отмечено, что первоначально он изучал внутрипартийную борьбу в Советах в 1917 году в границах Саратовской губернии. Затем диапазон его исследований расширился, научная разработка этой проблемы велась в рамках Нижнего Поволжья и Поволжского региона. Выявлены факторы, повлиявшие на изменение исследовательской практики историка. Изучая историю Советов, Герасименко обратил внимание на деятельность низовых крестьянских организаций и борьбу крестьян против хуторян и отрубников. В московский период (1980–2005 гг.) научная деятельность Герасименко приобрела новый вектор. Проблематика его исследований расширилась. Монографии написаны на макро- и микроуровне и включают всероссийский, региональный, губернский, уездный и сельский уровни. Существенно расширилась источниковая база исследований, использован новый понятийный аппарат. В центре внимания историка оказалась проблема взаимоотношений власти и общества. Герасименко сформулировал новые концептуальные представления о месте и роли общественных исполнительных комитетов, масштабах аграрной революции 1917 года и о взаимоотношениях народа и власти на переломных этапах отечественной истории.

Ключевые слова: Григорий Алексеевич Герасименко, Саратовский государственный университет, Великая российская революция, сталинская аграрная реформа, низовые крестьянские организации, общественные исполнительные комитеты, Советы, внутрипартийная борьба, сельская поземельная община, аграрная революция

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-2-45-61

В 2021 году исполняется 90 лет со дня рождения выдающегося советского и российского историка Григория Алексеевича Герасименко (19.08.1931 — 13.08.2005). Научному сообществу историков

он известен как автор монографии о протестном движении крестьян в период столыпинской земельной реформы, а также ряда монографий по истории Великой российской революции. Справочные материалы об ученом содержатся в «Энциклопедии Саратовского края» (Энциклопедия, 2002: 58), биобиблиографическом словаре А.А. Чернобаева (Чернобаев, 2005: 208), на различных сайтах в интернете. Историография его научного творчества невелика. Помимо рецензий на его монографии, опубликованных в академических научных журналах, в новейший период автор этих строк попытался реконструировать биографию ученого. В результате, при поддержке исторического факультета Саратовского государственного университета, были изданы брошюра, книга и несколько статей, в которых предпринят анализ его научных трудов (Кабытов, 2007а; Кабытов, 2007б; Кабытов, 2009; Кабытов, 2016). В настоящей статье ставится цель показать вклад Герасименко в разработку проблем истории аграрной революции в России. В качестве источников использованы его научные труды, прежде всего монографии, привлекались также рецензии на них. В творчестве Герасименко нами условно выделяются два периода научной деятельности: саратовский и московский. Оба они хронологически почти равновелики: саратовский период длился около 26 лет, московский — 25.

Саратовский период

В саратовский период (1954–1980) карьера историка складывалась весьма успешно. Он прошел путь от студента, партийного работника, аспиранта, преподавателя, доцента до профессора и декана исторического факультета Саратовского университета. Исполняя обязанности декана, он возглавлял диссертационный совет при университете.

На историческом факультете студент Григорий Герасименко специализировался по истории ремесленных цехов средневекового германского города. Его учителем в то время был видный медиевист, доцент Всеволод Александрович Ермолаев. Затем два года (1959 — осень 1961 года) он осваивал новые социальные практики, работая в партийных органах в Саратове. В октябре 1961 года Герасименко был принят в аспирантуру по кафедре истории СССР, которой руководил профессор В.К. Медведев. Для кандидатской диссертации он предложил аспиранту тему: «Советы Нижнего Поволжья в 1917 году», которая для того времени, безусловно, была актуальной, малоизученной и дискуссионной. Как рассказывал позднее сам Герасименко, научный руководитель «настоятельно советовал аспиранту сосредоточиться на изучении истории партийной борьбы в Советах и особенностях установления советской власти в губернских и уездных центрах региона» (Кабытов, 2016: 69).

Аспиранту, прошедшему горнило боевых действий в качестве штурмана-летчика в Корейской войне, пришлось буквально с нуля начинать работу по выявлению и сбору документов, изучению большого количества научной литературы, документальных публикаций и воспоминаний участников Революции. Осваивая архивные практики и погружаясь в архивные фонды, он неожиданно для себя сделал открытие. Оказалось, что в областных архивах Нижнего Поволжья сохранилось громадное количество массовых источников, характеризующих процесс формирования местных органов Временного правительства, партийных организаций, советов низовых крестьянских депутатов, крестьянских съездов, а также различные стороны их многообразной деятельности в период Революции. Именно тогда он решил предпринять фронтальное изучение архивных материалов. Работая в государственных областных архивах Саратова, Волгограда и Астрахани, он встречался со старыми большевиками, что, несомненно, расширяло его представления о событиях 1917 года.

Отметим, что в ходе написания кандидатской диссертации он успешно овладел исследовательским инструментарием, сочетая исследовательскую работу на макро- и микроуровне. В последующих монографиях историк исследовал революционный процесс в границах Нижнего Поволжья, губернских и уездных центров, волостей и сел. В то же время он стремился преодолеть локальность, и в книге, опубликованной в соавторстве с Д.С. Точеным, реконструировал историю Советов в масштабе Поволжья (Герасименко, 1977).

Вполне естественно, что Герасименко использовал при анализе революционных событий марксистско-ленинскую методологию. Но обилие документального материала, с одной стороны, повлияло на расширение проблематики, а с другой, обусловило стремление ученого дать другую, нетрадиционную для того времени, интерпретацию событий. На наш взгляд, в научных исследованиях Герасименко были сформулированы новые концептуальные представления о революционных событиях 1917 года, и в рамках традиционного подхода историк смог предложить научному сообществу «новое оригинальное решение проблемы участия в политической жизни региона низовых крестьянских организаций, которые сыграли видную роль в развитии аграрной революции в Нижнем Поволжье» (Кабытов, 2016: 75).

Кандидатскую диссертацию Герасименко защитил в 1965 году в специализированном совете при Куйбышевском педагогическом институте. Этот успешный старт придал мощный импульс его дальнейшей научно-исследовательской работе. В саратовский период основной проблемой для него оставалась история Советов (Герасименко, 1966; Герасименко, 1972; Герасименко, 1980). После защиты он принял деятельное участие в подготовке и издании коллективной монографии поволжских историков «Октябрь в Поволжье», которая была инициирована академиком АН СССР И.И. Минцем

(Октябрь в Поволжье, 1967). Отметим, что академик весьма позитивно оценил вклад Герасименко в работу научного коллектива поволжских историков. Педагогическая и научная деятельность способствовали расширению коммуникативных связей с ведущими историками страны, специализирующимися на истории Великой российской революции. Герасименко вошел в состав Научного совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», его стали приглашать на ежегодные сессии Научного совета и всероссийские научные конференции, а после защиты докторской диссертации он стал одним из ведущих ученых страны по истории Великой российской революции.

В саратовский период Герасименко сосредоточился на изучении особенностей установления советской власти на местах. Эта тема нашла отражение как в упомянутых монографиях, так и в отдельной научно-популярной брошюре (Герасименко, 1968). В соавторстве с В.В. Васькиным он опубликовал труд о Февральской революции в Нижнем Поволжье (Васькин, 1976). В центре его внимания находились две проблемы: история советов и особенности установления советской власти в губернских и уездных центрах Нижнего Поволжья. Вслед за казанским историком И.М. Ионенко он особо подчеркивал роль солдат гарнизонов губернских центров в процессе создания и функционирования советов. В монографии «Февральская революция в Нижнем Поволжье» историк пишет об активной роли местных воинских частей в событиях Февраля 1917 года: «В непролетарских уездных центрах солдатские массы подчас выступали в качестве решающей революционной силы» (Васькин, 1976: 220). В ней был дан анализ революционных преобразований, как в уездных центрах, так и в сельской местности, поэтому приводились сведения о ходе аграрной революции в нижеволжской деревне. Здесь же в заключительной главе прослеживался процесс ликвидации органов местного самоуправления весной 1917 года, создания низовых крестьянских организаций и отмечалась их роль в развертывании массового аграрного движения. Но эти новые сюжеты генетически связаны уже с материалами докторской диссертации Герасименко.

Низовые крестьянские комитеты

После защиты кандидатской диссертации Герасименко консультируется с профессорами И.М. Ионенко, Е.И. Медведевым, учеными Московского университета Ю.С. Кукушкиным, В.М. Селунской, другими историками и приступает к сбору материалов по истории низовых крестьянских организаций в 1917 году. И вновь он применяет испытанный им метод — фронтальное изучение архивных материалов. Судя по всему, к тому времени он отчетливо осознал, что Революция 1917 года представляет собой единый многомерный про-

цесс, и только «при таком подходе можно понять сложный и противоречивый характер аграрной революции и выяснить роль и место низовых крестьянских организаций» как организаторов массового аграрного движения в 1917 году (Кабытов, 2016: 27).

Докторскую диссертацию «Классовая борьба в деревне и низовые крестьянские организации в 1917 — первой половине 1918 гг.» Герасименко защитил в 1973 году, спустя 8 лет после кандидатской. Через год он выпустил монографию, в которой был представлен процесс возникновения и деятельности низовых крестьянских организаций в период Великой российской революции (Герасименко, 1974). В диссертации и монографии был введен в научный оборот громадный комплекс архивных материалов, которые содержат ценнейшую историческую информацию о процессе формирования и деятельности низовых крестьянских организаций. Во многом успех исследователя был связан с тем, что он проделал большую работу по выявлению научной литературы по изучаемой проблеме, причем при ее анализе учитывалось влияние историографической и внутриполитической ситуации в стране на формирование концептуальных представлений ученых. Обосновывая актуальность изучаемой проблемы, историк с сожалением констатировал, что эта тема ранее практически не изучалась. И далее отмечал: «Никогда ранее не видели такого размаха движения и столь стремительных перемен в организации крестьянства» (Герасименко, 1974: 4). Историк фиксировал, что весной 1917 года возникли волостные общественные исполнительные комитеты, затем земельные комитеты, волостные земства и, наконец, советы. Весьма актуально звучит вывод о том, что «из калейдоскопа низовых крестьянских организаций жизнь отобрала классово-ориентированные советы» (Там же: 5).

При реконструкции процесса создания и деятельности низовых крестьянских организаций Герасименко сосредоточил внимание на наименее исследованных вопросах: времени их возникновения, социально-классовом и партийном составе, социальной сущности и характере деятельности, структуре и финансовом обеспечении. Лейтмотивом стало определение места и роли низовых крестьянских комитетов, земельных комитетов волостных земств и волостных советов в аграрной революции.

К числу несомненных достижений Герасименко следует отнести математико-статистическую обработку массовых источников, в том числе массивов анкет, опросных листов и других материалов, что позволило свести эти данные в статистические таблицы. Так, в таблице № 1 приведены сведения о выборах в волостные общественные исполнительные комитеты. Автором установлено, что крестьяне использовали разнообразные избирательные системы. Количественный состав и структура комитетов могут служить показателем революционного творчества масс, которые, не дожидаясь указаний от центральных и губернских органов власти, формировали собственную правовую базу. Как подчеркивает Герасименко, «крестья-

яне создавали свои органы самостоятельно» (Там же: 46). Здесь же приведены данные о структуре низовых организаций, отмечаются возникшие у крестьян трудности в определении функций и компетенций этих новых для них органов местного самоуправления. В этой связи крестьяне обращались к губернским и уездным властям с просьбами прислать им циркуляры, в которых были бы определены основные направления деятельности комитетов; помочь с разработкой уставов. Рефреном звучит мысль о том, что «старое ушло, а новое на его место поставить не успели» (Там же: 48), поэтому при выборах и определении направлений деятельности комитетов крестьяне руководствовались здравым смыслом. Основная деятельность этих комитетов была связана с организацией протестных действий крестьян, выступавших за ликвидацию помещичьего, казенного, церковного землевладения и возвращение владений землеустроенных в период столыпинской реформы крестьян в распоряжение сельских общин. Впечатляет таблица, в которой приведены сведения о социальном составе комитетов. По данным Герасименко, весной 1917 года в комитеты было избрано 2530 человек, из них 1904 (74,8%) крестьяне. Здесь же приведены сведения об избрании в эти организации рабочих — 60 человек (2,3%), представителей других социальных слоев (Там же: 55); о том, что когда в деревню стали возвращаться тысячи солдат, цензовые элементы вскоре были исключены из состава комитетов. К лету 1917 года «волостные комитеты стали однородно-сословными крестьянскими учреждениями» (Там же). Интересна таблица о партийном составе комитетов. Судя по этим данным, в них доминировали беспартийные члены, составлявшие 77,1% от общего числа, на долю эсеров приходилось — 20,4% (Там же: 94–95).

Автор приводил данные о финансовом положении крестьянских комитетов и делал вывод, что они не зависели от центральной власти: члены комитетов получали символическую зарплату, выполняя обязанности на общественных началах. Значительный интерес представляют статистические данные, характеризующие динамику возникновения волостных и сельских советов. Анализ статистики и делопроизводственной документации показал, что весной и летом 1917 года эти организации имели слабую опору в крестьянской среде и были рыхлыми в организационном плане (Там же: 74). На наш взгляд, они, так же как и советы в городах, в этот период являлись скорее общественными организациями, которые к осени 1917 года пытались взять на себя властные функции. Герасименко считал, что весной 1917 года волостные общественные исполнительные комитеты реально были ведущим звеном органов местного самоуправления.

В структуру низовых крестьянских организаций помимо волостных и сельских общественных комитетов Герасименко включил земельные комитеты, которые летом 1917 года стали перехватывать руководство аграрным движением. Далее он относил

к низовым крестьянским организациям волостные земства, подчеркивая, что крестьяне Нижнего Поволжья с недоверием отнеслись к проекту Временного правительства об организации земств в качестве органов местного самоуправления. Такая оценка, на наш взгляд, не совсем верна. Мы полагаем, что это была своеобразная дань времени, поскольку в историографической ситуации второй половины 1960-х — первой половины 1980-х годов позитивная оценка деятельности волостных земств не могла быть поддержана научным сообществом.

Новизна исследования Герасименко в том, что он, в отличие от предшественников, при реконструкции массового аграрного движения в нижеволжской деревне использует математико-статистический метод, с помощью которого им дана количественная характеристика борьбы крестьян за ликвидацию помещичьего, казенного и церковного землевладения. Динамика выступлений крестьян весной 1917 года свидетельствует о росте протестов, при этом отсутствует цикличность в протестном движении, которая связана с проведением сельскохозяйственных работ. В июне число выступлений резко возросло: с 65 в мае до 157. Аграрное движение летом 1917 года стало разнообразным по формам и их направленности, вовлекало в свою орбиту широкие крестьянские массы и приобретало все более острый и наступательный характер. Доминировали захваты помещичьих земель, сенокосов и пастбищ (Там же: 142). Осенью начались разгромы помещичьих имений. В сентябре число таких выступлений возросло до 15, в октябре до 24 (на октябрь приходится 20 захватов помещичьих имений), историк зафиксировал и случаи террора по отношению к владельцам имений (Там же: 172).

Новые данные приведены Герасименко о социальном расслоении деревни накануне Февральской революции. Нельзя не согласиться с выводами историка о том, что в ходе столыпинской земельной реформы и укрепления наделной земли в личную собственность в сельской поземельной общине преобладали бедняки и середняки. Первая мировая война усилила процесс социального расслоения нижеволжской деревни. Бедняцко-середняцкий слой рассматривал хуторян и отрубников как новых помещиков и хотел вернуть их земли в распоряжение общины, поэтому низовые крестьянские комитеты выступали за конфискацию всех частновладельческих земель, в том числе и владений землеустроенных крестьян. Так, в марте 1917 года было 4 выступления против хуторян и отрубников, в апреле 17, а в мае их число возросло до 65. Летом количество этой формы протеста крестьян колебалось от 61 в июне до 50 в августе. Преобладали захваты земель и ликвидация владений выделенцев (Там же: 146–149). Пик выступлений против «новых помещиков» приходится на сентябрь: по данным Герасименко, в губерниях Нижнего Поволжья их число составляло 76, в октябре историк зафиксировал спад этой формы движения крестьян до 36 (Там же: 175).

Как при создании низовых крестьянских комитетов, так и при организации протестных действий крестьяне опирались на революционное право, а потому легитимной основой для них выступали «постановления сельских сходов, резолюции волостных, губернских собраний», которые рассматривались как законы (Там же: 94-95).

В монографии дана позитивная оценка деятельности земельных комитетов, которые летом 1917 года фактически выступали организаторами массового аграрного движения. Используя в качестве правовой основы постановления сельских сходов, комитеты брали на учет помещичьи имения, составляя описи земельных владений, рабочего и продуктивного скота и сельскохозяйственного инвентаря. В то же время историк констатировал, что к осени 1917 года некоторые земельные комитеты стали утрачивать «роль руководящих центров в деревне» (Там же: 165).

В отличие от историков второй половины 1940-х — 1960-х годов, Герасименко не занимался выявлением роли и деятельности большевиков в деревне. Создавая яркую панораму аграрной революции в губерниях Нижнего Поволжья, он сосредоточил внимание на деятельности низовых крестьянских организаций, которые выступали органами народовластия, и подчеркивал, что именно солдаты придали мощный импульс в организации сельских поземельных общин на борьбу против помещичьего, казенного и церковного землевладения и ликвидацию владений хуторян и отрубников.

По-новому в монографии представлен процесс установления советской власти в уездных, волостных центрах и в сельской местности Нижнего Поволжья. Историк обработал и свел в таблицы громадный материал: опросные листы и делопроизводственные документы, содержащие ценнейшую информацию о различных сторонах деятельности советов. В монографии представлен не только статистический портрет состава волостных советов, но и проведена реконструкция их деятельности по основным направлениям: конфискация помещичьих земель, передача рабочего и продуктивного скота и сельскохозяйственного инвентаря советам и сельским общинам, ликвидация владений хуторян и отрубников, реализация «Декрета о земле». Не обойдены вниманием финансовая и производственная деятельность советов: доказано, что весной 1918 года советы фактически решали многие вопросы жизнедеятельности крестьян, но их эффективность не удовлетворяла центральную власть (Герасименко, 1980).

Монография Герасименко, по существу, представляет новый тип исторического исследования, в котором решен комплекс вопросов организации и деятельности низовых крестьянских организаций, выступавших органами народовластия в период Великой российской революции. На документальном материале, который был впервые введен в научный оборот, историк доказана ведущая роль крестьянских комитетов в организации массового аграрного движения. Концептуальные воззрения Герасименко были позитивно вос-

приняты научным сообществом страны, и в 1978 году его монография была издана в США (Gerasimenko, 1978). Этот в буквальном смысле прорыв в науке вывел ученого в число лидеров, определявших вектор этих научных исследований.

Московский период

В московский период (1980–2005) профессор Герасименко преподавал в Высшей комсомольской школе, а затем в Академии общественных наук при ЦК КПСС (Академии государственной службы при Президенте РФ), где руководил кафедрой истории СССР (позднее кафедра истории Российского государства) и возглавлял диссертационный совет. В качестве совместителя работал в Институте истории СССР (ИРИ РАН) и в Московском педагогическом институте имени В.И. Ленина. Его научные коммуникации по сравнению с Саратовом существенно возросли. Среди тех, кто активно сотрудничал с Герасименко, назовем выдающихся историков Е.Г. Гимпельсона, В.Г. Тюкавкина, Э.М. Щагина и др. В то же время он продолжал сохранять контакты с ведущими историками Поволжья и вплоть до своей кончины входил в состав диссертационного совета при Саратовском университете.

В этот период он продолжил изучение истории Великой российской революции. Проблематика существенно расширилась, но оставалась генетически связана с трудами, написанными им в стенах Саратовского университета. Герасименко обратил внимание на недостаточно изученные в советской историографии темы, такие как борьба крестьян против хуторян и отрубников в 1917 году и история создания волостных земств осенью 1917 года. Во время наших встреч в Москве и на конференциях в первой половине 1980-х годов он говорил о том, что эти проблемы чрезвычайно актуальны, ибо через их призму можно проследить взаимоотношения власти и общества, как накануне, так и в период Великой российской революции. При обсуждении этой проблематики он рассказывал, что в центральных государственных архивах Москвы и Ленинграда им выявлен огромный корпус источников, содержащий ценную информацию об общественных исполнительных комитетах. Тогда же он установил, что деятельность губернских и уездных комиссаров освещалась в научной литературе фрагментарно.

Подчеркнем тот факт, что в московский период в центре внимания историка оказались проблемы, которые приобрели особую актуальность в период перестройки, закончившейся крахом Советского Союза и становлением новой российской государственности. В этой связи особую значимость имеют монографии Герасименко, в которых реконструируются взаимоотношения власти и общества (Герасименко, 1990; Герасименко, 1992; Герасименко, 1995).

Особо отметим его участие в издании коллективной монографии об А.Ф. Керенском (Басманов, 1996).

Еще в начале 1980-х годов Герасименко приступил к написанию монографии, в которой попытался показать ход и масштабы противодействия российского крестьянства реализации аграрной политики правительства Столыпина. На первый взгляд эта монография (Герасименко, 1987) не вписывается в его новую проблематику, но это не так. Практически во всех работах автора, изданных в Саратове, содержится анализ взаимоотношений сельской поземельной общины с хуторянами и отрубниками в 1917 году. Мне довелось принимать участие в издании этой книги в качестве рецензента. Ее научным редактором стал выдающийся советский и российский историк В.Г. Тюкавкин, который в эти же годы занимался изучением истории великорусского крестьянства и столыпинской аграрной реформы (Тюкавкин, 2001).

Монография создавалась в сложное для советских историков время: историографическую ситуацию первой половины 1980-х годов характеризует усиление диктата партийных органов. С другой стороны, под влиянием «нового направления» в советской историографии стали возможны новые подходы в научно-исследовательской практике историков-аграрников. На наш взгляд, в этом труде Герасименко зримо присутствуют обе тенденции. Так, историк традиционно пишет «о провале аграрной политики царизма» (Герасименко, 1987: 141), что было, по его мнению, связано с обострением борьбы общины против столыпинского землеустройства. Вместе с тем он делает вывод о том, что столыпинская реформа способствовала ускорению модернизационных процессов в аграрном секторе экономики страны. По-новому звучал тезис о том, что издание указа 9 ноября 1906 года привело к росту оппозиционных настроений в российской деревне. По его мнению, «оппозиция не поддается какому-либо точному статистическому выражению — слишком разнообразным было ее проявление. Она представляется в виде огромного айсберга, большая часть которого скрыта от представителей власти» (Там же: 29). Герасименко выявил формы и методы протестных действий крестьян-общинников и воссоздал в книге масштабы борьбы крестьян против столыпинской аграрной реформы. Такой подход был обусловлен стремлением историка создать целостную картину протестного движения 1907–1916 годов, связав его с массовым движением крестьян против столыпинских выделенцев в 1917 году.

Во второй половине 1980-х годов под влиянием перестройки историографическая ситуация изменилась. Большинство ученых в условиях методологического кризиса вынуждены были осваивать новые научные практики взамен традиционных штампов, характерных для советской историографии, использовать другой понятийный аппарат, который позволял создавать объективную картину исторического процесса. Если в саратовский период Герасименко

употреблял такие понятия, как «мелкобуржуазные слои населения», «непролетарские партии», «империалистическая война», «буржуазно-демократическая революция» и др., то в 1990-е годы он оперирует дефинициями «народовластие», «народный фронт», «политическое равновесие», «народная программа». Само применение нового понятийного аппарата есть не что иное, как отход «от одномерного отражения революционного процесса, который был характерен для научных работ советских историков» (Кабытов, 2016: 117). Эволюция взглядов Герасименко была связана не только с изменившейся историографической ситуацией, но и, безусловно, с тем, что он разработал и читал курс «История российской исторической науки» в Саратовском государственном университете, а затем в Высшей комсомольской школе и в Академии государственной службы при Президенте РФ, опубликовав несколько учебных пособий по этой теме (Герасименко, 1998; Герасименко, 2002). В новых для историка условиях он творчески использовал многофакторный подход: для него было характерно стремление рассматривать исторические события на стыке разных сфер гуманитарного знания и воссоздать повседневную жизнь российского народа в условиях революционной эпохи.

Как нам представляется, в монографиях, изданных на рубеже 1990-х — 2000-х годов Герасименко использовал современный методологический инструментарий. Особенно наглядно это проявилось в его монографии «Первый акт народовластия в России», в которой он вновь обратился к истории общественных исполнительных комитетов, но уже на всероссийском уровне. Историографический анализ этого исследования дан нами в брошюре, посвященной жизни и творчеству Г.А. Герасименко (Кабытов, 2016: 111–116). Тем не менее остановимся на основных концептуальных представлениях автора. Прежде всего, в отличие от докторской диссертации, а затем монографии, в данной книге содержится более обстоятельный анализ историографии проблемы. Нельзя не согласиться с мнением историка о том, что уже в 1917 году «общественные исполнительные комитеты оказались на обочине истории. Первое время после ликвидации царизма политическая конъюнктура сложилась таким образом, что комитеты “просмотрели” и Временное правительство, сделавшее ставку на земства и думы, и большевики, идеалом которых были Советы» (Герасименко, 1992: 4). Далее он отметил, насколько превратной оказалась историографическая судьба этих организаций. По его мнению, «...историки рассматривали революцию 1917 г. в упрощенном виде, как противостояние пролетариата и буржуазии» (Там же: 5). Лишь в исследованиях 1920-х годов историк выявил наличие различных оценок деятельности комитетов. Но ситуация в стране к концу 1920-х изменилась: «На смену политическому плюрализму, характерному для 20-х годов, пришла жесткая регламентация интеллектуальной и культурной жизни, монополия ортодоксия, унылое единомыслие и нетерпимость к иному

мнению» (Там же: 8). Исследовательская практика советских историков надолго свелась к изучению стратегии и тактики большевистской партии, деятельности советов, рабочего и крестьянского движения. Авторы исследований 1950-х годов приходили к выводу о том, что комитеты были по составу буржуазно-помещичьи, а вхождение в них большевиков было ошибкой (Там же: 12–13). В то же время часть историков исключала волостные и сельские комитеты из системы общественных исполнительных комитетов, помещая их в революционно-демократический лагерь. Герасименко констатировал наличие пробелов в отечественной историографии, сформулировав вывод о том, что историки все еще не изучили социальный и партийный состав комитетов, его изменение под влиянием революции, проводимую комитетами политику и ее соотношение с политикой советов, городских дум и земств (Там же: 22).

В ходе реконструкции процесса образования общественных исполнительных комитетов в губернских центрах России Герасименко пришел к выводу, что они появились в результате революционного творчества масс. Многие комитеты «создавались непосредственно на митингах и собраниях, именно поэтому им давали разные названия, создавали различную структуру». В их состав вошли представители всех слоев населения, а финансовое обеспечение их деятельности осуществлялось за счет пожертвований. Новым являлся вывод о том, что «подавляющее большинство мест в исполнительных комитетах заняли представители средних слоев населения» (Там же: 57–58).

Новые материалы приведены Герасименко о процессе возникновения общественных исполнительных комитетов в уездных центрах. Им установлено, что это «оказалось под более сильным влиянием демократических элементов» (Там же: 72), чем в губернских городах, а в составе этих организаций большинство принадлежало крестьянам. Как и прежде, историк анализировал процесс создания волостных и сельских общественных исполнительных комитетов, которые возникли весной 1917 года, акцентируя внимание на активном участии в этом процессе сельских общин.

Нельзя не согласиться с выводом Герасименко о том, что в ходе революции в России была создана система народовластия, в которую он включает общественные исполнительные комитеты всех уровней: губернских уездных, волостных и сельских, которые «представляли собой звенья единого общественно-политического института, сложившегося в стране после свержения самодержавия» (Там же: 109).

Несомненным достижением исследователя является анализ функций и компетенций общественных исполнительных комитетов и их многообразной деятельности на разных этапах Революции. Значительное место отведено взаимоотношениям Временного правительства с общественными исполнительными комитетами. «Правительство, — делал вывод историк, — отнесло исполнитель-

ные комитеты к обычным общественным организациям и местную власть передало специально созданному институту комиссаров, основной костяк которых формировался за счет цензовых слоев населения. Этим актом оно нарушало единство народа, сложившееся в борьбе против самодержавия, подрывало основу народовластия» (Там же: 300).

Заключение

В научном наследии Григория Алексеевича Герасименко, которое насчитывает свыше 100 научных трудов, особо выделяются монографии об истории возникновения советов и внутривластных партийной борьбы в них. Одновременно в них рассматривается процесс установления советской власти, как в губернских центрах, так и в нижевожской деревне. Изучение этой проблематики стимулировало интерес историка к аграрной истории во время Великой российской революции. Уже в саратовский период историк стал изучать массовое аграрное движение и установил, что организаторами протестных действий крестьян, выступавших за отмену помещичьего, казенного и церковного землевладения в 1917 году, являлись низовые крестьянские комитеты. Они же поддерживали решения сельских сходо- в о ликвидации хуторских и отрубных хозяйств. При реконструкции истории низовых крестьянских организаций Герасименко воссоздал яркую панораму аграрной революции в нижевожской деревне. Во многом его концептуальные построения носили новаторский характер.

В московский период Герасименко создал цикл исследований по истории Великой российской революции, среди которых особо выделяются его книги о борьбе крестьян против столыпинского землеустройства и об общественных исполнительных комитетах. Эти монографии были написаны на всероссийском материале, но они генетически связаны с исследовательской практикой ученого саратовского периода. В них содержатся новые подходы и оценки сложных и противоречивых социальных процессов революционной эпохи. Его основной теоретический вывод заключен в емкой фразе: «Главной силой, определявшей ход событий [в 1917 г. — *П.К.*], являлся народ» (Герасименко, 1995: 5). Это теоретическое положение сохраняет актуальность и в настоящее время.

Библиография

- Аврус А.И., Данилов В.Н. (1997). Рецензия на кн.: Герасименко Г.А. Народ и власть (1917). М.: Воскресение. 1995. — 286 с. // Свободная мысль. № 7. С. 128–129.
- Басманов М.И., Герасименко Г.А., Гусев К.В. (1996). Александр Федорович Керенский. Саратов: Изд. центр Сарат. гос. экон. акад.

- Васькин В.В., Герасименко Г.А. (1975). Февральская революция в Нижнем Поволжье. Саратов: изд-во Саратовского ун-та.
- Герасименко Г.А. (1966). Партийная борьба в советах Нижнего Поволжья (1917 г.). Саратов: изд-во Саратовского ун-та.
- Герасименко Г.А. (1968). Победа Октябрьской революции в Саратовской губернии. Саратов: Приволжское кн. изд-во.
- Герасименко Г.А., Рашитов Ф.А. (1972). Советы Нижнего Поволжья в Октябрьской революции. Саратов: изд-во Саратовского ун-та.
- Герасименко Г.А. (1974). Низовые крестьянские организации в 1917 — первой половине 1918 гг. на материалах Нижнего Поволжья. Саратов: изд-во Саратовского университета.
- Герасименко Г.А., Точеный Д.С. (1977). Советы Поволжья в 1917 году. Борьба партий. Большевизация Советов. Октябрьские дни. Саратов: изд-во Саратовского ун-та.
- Герасименко Г.А., Семьянинов В.П. (1980). Советская власть в деревне на первом этапе Октября (на материалах Поволжья). Саратов: изд-во Саратовского ун-та.
- Герасименко Г.А. (1987). Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики / Науч. ред. В.Г. Тюкавкин. Саратов: изд-во Саратовского ун-та.
- Герасименко Г.А. (1990). Земское самоуправление в России. М.: Наука.
- Герасименко Г.А. (1992). Первый акт народовластия в России. М.: Ника.
- Герасименко Г.А. (1995). Народ и власть. 1917. М.: Воскресение.
- Герасименко Г.А. (1998). История российской исторической науки (дооктябрьский период). М.: Советский спорт.
- Герасименко Г.А. (2002). История российской исторической науки. Изд. второе, переработанное и дополненное. Оренбург: Оренбургское кн. изд-во.
- Кабытов П.С. (1982). Рец. на кн.: Г.А. Герасименко, В.П. Семьянинов. Советская власть в деревне на первом этапе Октября (на материалах Поволжья). Изд-во Саратовский университет. 1980. — 228 с. // Вопросы истории. № 1. С. 129–131.
- Кабытов П.С. (1991). Рецензия на кн.: Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М.: Наука. 1990. — 264 с. // Вопросы истории. № 2–3. С. 243–245.
- Кабытов П.С. (2007а). Профессор Г.А. Герасименко: Саратовский период научной деятельности // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 3. С. 41–52.
- Кабытов П.С. (2007б). Штрихи к портрету Г.А. Герасименко: Московский период деятельности // Вестник Самарского государственного университета. № 5–3 (55). С. 222–231.
- Кабытов П.С. (2009). Профессор Григорий Алексеевич Герасименко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения / Под ред. А.И. Авруса, В.Н. Данилова. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. Т. 9. (отдельный оттиск).
- Кабытов П.С. (2016). Жизнь и творчество профессора Григория Алексеевича Герасименко. Саратов: Техно-Декор.
- Октябрь в Поволжье (1967) / Отв. ред. В.К. Медведев. Саратов: Приволж. кн. изд-во.
- Пушкарева И.М. (1988). Г.А. Герасименко. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Изд-во Саратовского ун-та, 1985. — 344 с. // История СССР. № 3. С. 181–184.
- Седов А.В., Щагин Э.М. (1982). Герасименко Г.А., Семьянинов В.П. Советская власть в деревне на первом этапе Октября (на материалах Поволжья). Изд-во Саратовский университет. 1980. — 228 с. // История СССР. № 5. С. 162–163.
- Тюкавкин В.Г. (2001). Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли.
- Чернобаев А.А. (2005). Историки России XX века. Биобиблиографический словарь. Т. 1. А–Л. Саратов: Саратовский гос. соц.-экон. ун-т.
- Энциклопедия Саратовского края (2002). Саратов: Приволж. кн. изд-во.
- Gerasimenko G.A. (1978). Local Organisation in 1917 and the First of 1918 // Soviet Studies in History. 1978. № 3. Pp. 12–129.

Petr S. Kabytov, DSc (History), Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Department of Russian History, Samara National Research University. 443086, Samara, Moskovskoe shosse, 34. E-mail: Don.kabytov2012@yandex.ru

Abstract. The article considers the scientific legacy of the outstanding Soviet and Russian historian, Honored Scientist of the Russian Federation, DSc (History), Head of the Department of History of the Presidential Academy of Public Administration, Grigory Alekseevich Gerasimenko who made a great contribution to the agrarian history of Russia during the Great Russian Revolution. The author provides a list of references which represent the milestones of Gerasimenko's biography, and focuses on his research conducted and published in the Saratov (1954-1980) and Moscow (1980-2005) periods. Initially, in 1917, Gerasimenko studied the internal party struggle in the Soviets of the Saratov Region, and later his research expanded to the Lower Volga Region and the Volga Region. The author identifies factors that determined the changes in Gerasimenko's research: when studying the history of the Soviets, he became interested in the activities of grassroot peasant organizations and in the peasant fight against farmers and fathers. In the Moscow period, Gerasimenko's interests expanded again but were still related to his works published in the Saratov period. His monographs combine the macro- and micro-approaches and include the All-Russian, regional, provincial, district and rural levels in order to show the relationship between power and society. Gerasimenko developed new concepts and ideas about the place and role of public executive committees, the scale of the agrarian revolution of 1917 and the relations of people and power at turning points of the Russian history.

Key words: Grigory Alekseevich Gerasimenko, Saratov State University, Great Russian Revolution, Stolypin agrarian reform, grassroot peasant organizations, public executive committees, Soviets, internal party struggle, rural land community, agrarian revolution

П.С. Кабытов
Проблемы аграрной истории в научных трудах Григория Алексеевича Герасименко

References

- Avrus A.I., Danilov V.N. (1997) *Retsenziya na kn.: Gerasimenko G.A. Narod i vlast (1917) M.: Voskresenie, 1995. 286 s.* [Review of the book: G.A. Gerasimenko (1917) *People and Power*. Moscow: Voskresenie, 1995. 286 p.] *Svobodnaya mysl*, no 7, pp. 128–129.
- Basmanov M.I., Gerasimenko G.A., Gusev K.V. (1996) *Aleksandr Fedorovich Kerensky*. V.A. Dines (Ed.) Saratov: Izd. tsentr Sarat. gos. econ. acad.
- Chernobaev A.A. (2005) *Istoriki Rossii XX veka. Biobibliografichesky slovar. T. 1 A–L* [Russian Historians of the 20th Century. Bibliographic Dictionary. Vol. 1 A–L.] Saratov: izd-vo Saratovskogo econ. un-ta.
- Entsiklopediya Saratovskogo kraja* (2002) [Encyclopedia of the Saratov Region]. Saratov: Privolzh. kn. izd-vo.
- Gerasimenko G.A. (1966) *Partiynaya borba v sovetakh Nizhnego Povolzhya (1917)* [Party Struggle in the Soviets of the Lower Volga Region (1917)]. Saratov: izd-vo Saratovskogo un-ta.
- Gerasimenko G.A. (1968) *Pobeda Oktyabrskoy revolyutsii v Saratovskoy gubernii* [Victory of the October Revolution in the Saratov Province]. Saratov: Privolzhskoe kn. izd-vo.
- Gerasimenko G.A. (1974) *Nizovye krestyanskiye organizatsii v 1917 — pervoy polovine 1918 gg. na materialakh Nizhnego Povolzhya* [Grassroot Peasant Organizations in 1917 — the First Half of 1918 Based on the Data from the Lower Volga Region]. Saratov: izd-vo Saratovskogo universiteta.

- Gerasimenko G.A. (1978). Local organizations in 1917 — early 1918. *Soviet Studies in History*, no 3, pp. 12–129.
- Gerasimenko G.A. (1987) *Borba krestyan protiv stolypinskoy agrarnoy politiki* [Peasant Fight against the Stolypin Agrarian Policy]. Nauch. red. V.G. Tyukavkin. Saratov: izd-vo Saratovskogo un-ta.
- Gerasimenko G.A. (1990) *Zemskoe samoupravlenie v Rossii* [Zemstvo Self-Government in Russia]. Moscow: Nauka.
- Gerasimenko G.A. (1992) *Pervy akt narodovlastiya v Rossii* [First Act of People Government in Russia]. Moscow: Nika.
- Gerasimenko G.A. (1995) *Narod i vlast. 1917* [People and Power. 1917]. Moscow: Voskresenie.
- Gerasimenko G.A. (1998) *Istoriya rossiyskoy istoricheskoy nauki (dooktyabrskiy period)* [History of the Russian Historical Science (Pre-October Period)]. Moscow: Sovetsky sport.
- Gerasimenko G.A. (2002) *Istoriya rossiyskoy istoricheskoy nauki* [History of the Russian Historical Science]. 2nd ed. Orenburg: Orenburgskoe kn. izd-vo.
- Gerasimenko G.A., Rashitov F.A. (1972) *Sovety Nizhnego Povolzhya v Oktyabrskoy revolyutsii* [Soviets of the Lower Volga Region in the October Revolution]. Saratov: izd-vo Saratovskogo un-ta.
- Gerasimenko G.A., Semyaninov V.P. (1980) *Sovetskaya vlast v derevne na pervom etape Oktyabrya (na materialakh Povolzhya)* [Soviet Power in the Village at the First Stage of the October Revolution (Based on the Data from the Volga Region)]. Saratov: izd-vo Saratovskogo un-ta.
- Gerasimenko G.A., Tocheny D.S. (1977) *Sovety Povolzhya v 1917 godu. Borba partiy. Bolshevizatsiya Sovetov. Oktyabrskie dni* [Soviets of the Volga Region in 1917. Party Struggle. Bolshevization of the Soviets. October Days]. Saratov: izd-vo Saratovskogo un-ta.
- Kabytov P.S. (1982) G.A. Gerasimenko, V.P. Semyaninov. *Sovetskaia vlast v derevne na pervom etape oktiabrya (na materialakh Povolzhya)*. Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1980. 228 s. [G.A. Gerasimenko, V.P. Semyaninov. *Soviet Power in the Village at the First Stage of the October Revolution (Based on the Data from the Volga Region)*. Saratov: izd-vo Saratovskogo un-ta, 1980. 228 p.]. *Voprosy istorii*, no 1, pp. 129–131.
- Kabytov P.S. (1991) Gerasimenko G.A. *Zemskoe samoupravlenie v Rossii*. Moscow: Nauka, 1990. 264 p. [Gerasimenko G.A. *Zemstvo Self-Government in Russia*. Moscow: Nauka, 1990. 264 p.]. *Voprosy istorii*, no 2–3, pp. 243–245.
- Kabytov P.S. (2007b) *Shtriki k portretu G.A. Gerasimenko: Moskovskiy period deyatelnosti* [Details of G.A. Gerasimenko's portrait: the Moscow period of work]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 5–3, pp. 222–231.
- Kabytov P.S. (2007a) *Professor G.A. Gerasimenko: Saratovskiy period nauchnoy deyatelnosti* [Professor G.A. Gerasimenko: the Saratov period of the scientific work]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*, no 3, pp. 41–52.
- Kabytov P.S. (2009) *Professor Grigory Alekseevich Gerasimenko. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 9.
- Kabytov P.S. (2016) *Zhizn i tvorchestvo professora Grigoriya Alekseevicha Gerasimenko* [The life and work of the Professor Grigory Alekseevich Gerasimenko]. Saratov: Tekhno-Dekor.
- Oktyabr v Povolzhye* (1967) [October Revolution in the Volga Region]. V.K. Medvedev (Ed.). Saratov: Privolzhsky.
- Pushkareva I.M. (1988) G.A. Gerasimenko. *Borba krestyan protiv stolypinskoy agrarnoy politiki*. Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1985. 344 s. [G.A. Gerasimenko. *Peasant Fight against the Stolypin Agrarian Policy*. Saratov: izd-vo Saratovskogo un-ta, 1985. 344 p.]. *Istoriya SSSR*, no 3, pp. 181–184.
- Sedov A.V., Shchagin E.M. (1982) Gerasimenko G.A., Semyaninov V.P. *Sovetskaya vlast v derevne na pervom etape Oktyabrya (na materialakh Povolzhya)*. Saratov: izd-vo Saratovskogo un-ta, 1980. 228 s. [Gerasimenko G.A., Semyaninov V.P. *Soviet Power in the Village at the First Stage of the October Revolution (Based on the Data from*

- the Volga Region*). Saratov: izd-vo Saratovskogo un-ta, 1980. 228 p.]. *Istoriya SSSR*, no 5, pp. 162–163.
- Тюкавкин В.Г. (2001) *Velikorusskoe krestyanstvo i stolypinskaya agrarnaya reforma* [Great Russian Peasantry and Stolypin Agrarian Reform]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
- Vaskin V.V., Gerasimenko G.A. (1975) *Fevralskaya revolyutsiya v Nizhnem Povolzhye* [February Revolution in the Lower Volga Region]. Saratov: izd-vo Saratovskogo un-ta.

П.С. Кабытов
Проблемы аграрной истории в научных трудах Григория Алексеевича Герасименко

Санитарно-эпидемическое состояние Сталинградской области и работа органов здравоохранения в 1941–1945 годах

Е.В. Булюлина, Е.Л. Головина, И.А. Лысенко

Елена Владимировна Булюлина, доктор исторических наук, доцент, заместитель начальника отдела НИР Центра документации новейшей истории Волгоградской области, ведущий научный сотрудник Центра по изучению Сталинградской битвы; 400005, г. Волгоград, ул. Чуйкова, 45. E-mail: centre-stalingrad@mail.ru

Евгения Леонидовна Головина, главный специалист Центра документации новейшей истории Волгоградской области, научный сотрудник Центра по изучению Сталинградской битвы; 400005, г. Волгоград, ул. Чуйкова, 45. E-mail: centre-stalingrad@mail.ru

Ирина Альбертовна Лысенко, кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела НИР Центра документации новейшей истории Волгоградской области, заместитель руководителя Центра по изучению Сталинградской битвы; 400005, г. Волгоград, ул. Чуйкова, 45. E-mail: centre-stalingrad@mail.ru

Аннотация. В статье речь идет о сложной эпидемической обстановке, сложившейся в годы Великой Отечественной войны на территории Сталинградской области, и организации работы органов здравоохранения по ликвидации эпидемий опасных инфекций. Война потребовала перестройки всей санитарно-эпидемиологической службы страны. Назначение единого лица при управлении Наркомата здравоохранения СССР и уполномоченного ГКО по противоэпидемической работе позволило сосредоточить в руках единого органа основные мероприятия по предотвращению эпидемий и в целом положительно сказалось на работе. Слаженная и строго контролируемая работа всех медицинских служб, а также упор на превентивные меры борьбы с остро заразными инфекционными заболеваниями, включающими в себя массовую иммунизацию жителей путем вакцинации, ревакцинации и фагирование, жесткие меры по локализации очагов заболеваний позволили успешно преодолеть серьезные эпидемии среди армии, местного и эвакуированного населения в наиболее тяжелый период для нашей страны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, история медицины, здравоохранение, эпидемии, санитарно-эпидемиологическая служба, вакцинация

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-2-62-78

В период Великой Отечественной войны обеспечение санитарно-эпидемического благополучия фронта и тыла стало важной общегосударственной задачей.

Эпидемическая обстановка Сталинградской области была сложной. К осени 1941 года в Сталинград прибыло более 200 эшелонов с эвакуированными жителями и более 70 эшелонов с детьми из Ленинграда и других западных областей. Среди прибывших людей были и инфекционные больные. Население города достигло 800 тыс. чел., то есть удвоилось по сравнению с довоенным уровнем. Город оказался переполненным учреждениями, госпиталями, воинскими частями, переселенцами.

Не менее трудной была обстановка в пригородах Сталинграда и прилегающих к Волге районах. Здесь, вблизи переправ, скопилось около 2 млн голов скота, перегоняемого из оккупированных областей для переправы за Волгу (Воробьев, 1994: 352). Сталинградский железнодорожный узел и пристани на Волге были переполнены эвакуогрузами: заводским оборудованием, зерном, людьми. Наряду с этим осенью 1941-го и в первой половине 1942 года развернулось строительство оборонительных рубежей вокруг Сталинграда, в котором одновременно участвовало от 150 до 225 тысяч граждан (Там же).

2 февраля 1942 года было принято постановление Государственного комитета обороны № 1234с¹, в котором определялись основные мероприятия по предупреждению эпидемических заболеваний в стране. Нарком здравоохранения был назначен уполномоченным ГКО по противоэпидемической работе. Ответственность за поддержание санитарного порядка возлагалась на Наркомздрав и ряд ведомств. Так, органам прокуратуры было предложено привлекать к ответственности нарушителей санитарного законодательства. На местах создавались чрезвычайные противоэпидемические комиссии. На путях эвакуации населения формировались контрольно-пропускные пункты, на станциях, в районах и городах — сеть санпропускников, дезинфекционных и обсервационных пунктов, на узловых железнодорожных станциях — санитарно-контрольные пункты, персонал которых осматривал пассажиров, изолировал больных и подозрительных на инфекционные заболевания, проводил санобработку (60 лет, 1977: 62).

В справке о работе сталинградских городских организаций по борьбе с эпидемическими заболеваниями говорилось: «Военная обстановка вызвала рост эпидемических и прочих инфекционных болезней среди населения г. Сталинграда. Этому способствовало:

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 20. Л. 195.

а) рост населения города за счет размещенного эвакуированного населения, войсковых частей и получившаяся вследствие этого переуплотненность населения; б) занос этим контингентом различных инфекционных заболеваний; в) ухудшение санитарно-бытового и медицинского обслуживания населения»². Также отмечалось, что к 20 апреля 1942 года в Сталинграде было размещено 41 500 человек эвакуированных. Кроме того, через Сталинградский эвакупункт за период с 29 апреля 1941 по 1 марта 1942 года прошло транзитных эвакуированных 441 074 человека.

Скученность населения на необжитой, необустроенной местности, недостаток медиков, сложности в организации размещения, питания, водоснабжения явились благоприятной средой для возникновения инфекционных заболеваний. Санитарно-эпидемиологическая обстановка в Сталинградской области оказалась неблагополучной. В некоторых районах, расположенных в большой излучине Дона и на севере области, наблюдалась вспышка туляремии, во Фроловском районе — сыпного тифа, в Сталинграде — холеры.

С июня по декабрь 1941 года органами здравоохранения по г. Сталинграду было учтено заболевших различными инфекциями 50 157 человек, или 11% к численности населения³. В первом квартале 1942 года, по сравнению с аналогичным периодом 1941 года, заболеваемость наиболее распространенными инфекциями значительно возросла: если в 1941 году сыпного тифа в городе не выявлялось, то в первом квартале 1942-го наблюдался ежемесячный рост: январь — 89 случаев, февраль — 127, март — 340. По заболеваемости брюшным тифом в 1941 году были выявлены единичные случаи, а в начале 1942 года картина выглядела следующим образом: январь — 48 случаев заражения, февраль — 49, март — 92. Смертность от инфекционных заболеваний во втором полугодии 1941 года, по сравнению с первым полугодием, по городу увеличилась на 44%.

Основной причиной роста заболевания сыпным тифом по городу являлось нарушение городскими организациями и населением санитарно-профилактических норм, в частности, нерегулярная работа городских коммунальных бань. В 1942 году в Сталинграде работали 11 бань на 1018 мест для гражданского населения (в Краснооктябрьском районе — 1, в Дзержинском — 2, в Ворошиловском — 6 и в Кировском — 2).

Причины недостаточного использования бань были как объективные, так и субъективные. Так, например, было подсчитано, что в Сталинграде при более эффективном использовании площадей за счет бездействующих парных отделений и правильного использования моечных отделений пропускная способность могла быть увеличена на 50%. Кроме того, не было выполнено решение СНК

2. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИ-ВО). Ф. 113. Оп. 12. Д. 67. Л. 7.

3. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 67. Л. 8.

РСФСР от 4 декабря 1941 года № 683 о немедленном освобождении бань, используемых не по назначению. Так, например, в Ерманском районе города при полном отсутствии бань для нужд гражданского населения, в помещении старой бани была размещена служба облсвязи.

Не хватало мыла. Было решено организовать его изготовление на предприятиях местной промышленности. Однако мясокомбинат вместо 140 тонн по плану смог выпустить лишь 11,3 тонны, или 8%; промкооперация при плане в 200 т изготовила всего 40 т, Мясопромтрест при плане в 80 т изготовил 63,1 т, консервный завод вместо 3 т изготовил 2,4 тонны. Облпищепрому выделялся план 721 т, изготовлено всего 97,6 т, или 13,5% к плану. Облместпром выполнил план производства мыла на 17,8%, а Облпотребсоюз — на 25,7%⁴.

Важными мерами по борьбе с эпидемиями являлась санитарная очистка города (улиц, площадей, домоуправлений, частных домовладений, мест общественного пользования — общежитий, столовых и др.), но она не всегда проводилась своевременно. Например, при проверке в апреле 1942 года указывалось, что в Краснооктябрьском районе Северный городок от мусора и нечистот не очищен, свалки нечистот у хлебозавода № 2 не ликвидированы, в Дзержинском районе не закончена очистка территорий Красных казарм, Метизного городка, Мельницы № 4, Совбольницы и др.⁵

Конечно, одним из главных противоэпидемических мероприятий являлась иммунизация населения. В 1942 году были запланированы противобрюшнотифозные прививки. Плановая цифра на год была определена НКЗ РСФСР и составляла 125 000 прививок, однако она не обеспечивала выполнения постановления ГКО о 100% иммунизации населения⁶.

От медслужбы потребовалось максимальное напряжение, чтобы не допустить распространения эпидемий. Облздравотдел высылал в районы дезинфицирующие средства, бакпрепараты, медикаменты, белье, работали создаваемые в оперативном порядке бригады инфекционистов-эпидемиологов. В наиболее неблагополучных местах на строительстве оборонительных сооружений были организованы сотни санитарных постов, развернуты сестринские, фельдшерские пункты, изоляторы, пункты водоснабжения кипятком. На железнодорожных станциях открыты санпропускники. В районах, где была вспышка туляремии, все население привлекалось на борьбу с грызунами — переносчиками этой болезни.

22 мая 1942 года НКЗ СССР издал приказ «О противоэпидемической работе городских поликлиник и амбулаторий и укреплении участковой территориальной системы медицинского обслуживания городского населения» (60 лет, 1977: 62). Работа участковой сети

4. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 67. Л. 9.

5. Там же. Л. 10.

6. Там же. Л. 9.

перестраивалась и направлялась на предупреждение эпидемических заболеваний. Большое внимание уделялось санитарному надзору. Развитие получила общественная санитарная инспектура, в РСФСР в годы войны насчитывалось более 200 тыс. добровольцев — борцов за санитарное благополучие тыла.

В Сталинградской области сандружинницы ежедневно обходили закрепленные за ними дворы, выявляли заболевших, другие хлорировали колодцы, дежурили в булочных, на эвакуопунктах. От здоровья трудящихся зависело обеспечение бесперебойной работы промышленных предприятий. На многих оборонных предприятиях создавались медико-санитарные части, амбулатории, поликлиники.

В 1942 году на заседании чрезвычайной комиссии было решено дать всему населению Сталинграда и войскам, находящимся в нем, холерный бактериофаг. В связи с тем, что требовалось его большое количество, пришлось налаживать микробиологическое производство в осажденном городе. Ежедневно бактериофаг принимали 50 тыс. человек.

В дальнейшей эпидобстановка еще более усложнилась, чему способствовали военные действия на улицах города и в районах области, частичная временная оккупация 6 районов Сталинграда из 7, а также 14 районов области из 73. После освобождения районов выявлялось большое количество заболевших инфекционными болезнями, такими как сыпной тиф, малярия, кишечные инфекции. Борьба с ними развертывалась сразу после освобождения районов (60 лет, 1977: 63). В справке Сталинградского облздравотдела приведена информация: на 1 марта 1943 года инфекционная обстановка заболеваемости в области была такова: сыпной тиф — 7139 случаев, брюшной тиф — 822, дизентерия — 576, туляремия — 43 439, малярия — 12 435 случаев (Воробьев, 1994: 353).

Противоэпидемические мероприятия в Астраханском округе в 1941–1943 годах

Астраханский округ входил в состав Сталинградской области до его преобразования в область 27 декабря 1943 года. С первых месяцев войны Астраханский округ стал одним из пунктов широкомасштабного перемещения предприятий и людей. Астрахань выступала, с одной стороны, промежуточным пунктом на траектории эвакуации населения из западных районов СССР на восток, в Казахскую АССР, с другой стороны — конечным пунктом для части эвакуируемых.

Численность населения региона кратно увеличилась. В это время одним из важнейших вопросов стали противоэпидемические мероприятия для предупреждения распространения инфекционных заболеваний и в тылу, и на фронтах. В действующей армии од-

ним из условий профилактической работы было создание санитарно-эпидемиологических барьеров, исключающих допуск инфицированных новобранцев на фронт. Это запасные полки, в которых призывники были в своеобразном карантине, а также санитарно-контрольные пункты на крупных транспортных узлах.

В тылу все внимание Астраханской санитарной службы было направлено на предупреждение инфекционных заболеваний. Для этого был усилен контроль за водоснабжением, очисткой, массовый охват населения прививками, а также осуществлялись другие санитарно-противоэпидемические мероприятия. Все это дало возможность предотвратить массовое эпидемическое распространение кишечных и других инфекций на территории Нижнего Поволжья.

Самая сложная эпидемическая обстановка сложилась в Астрахани в осенне-зимний период 1941/42 года. В 1941 году санитарно-эпидемическое состояние в Астраханском округе было неудовлетворительным. В Наримановском и Камызякском районах наблюдались вспышки сыпного и брюшного тифа, кори. Среди детей имелись случаи чесотки и цинги.

Особую опасность в данное время представляло распространение таких эпизоотических для Астраханского округа заболеваний, как туляремия и чума. Астраханской противочумной станцией в 1941–1942 годах была проведена большая работа по отслеживанию и предотвращению вспышек этих инфекций. Но тут на помощь людям пришла погода. Неблагоприятная для жизнедеятельности грызунов осень 1941 года с обильными осадками, рано наступившая зима с оттепелями и гололедицами в начале, затем с морозами и глубокими снегами, а также затянувшаяся весна 1942 года негативно отразились на численности грызунов как в займище, так и в песках. Численность грызунов (долговые мыши и полевки, суслики и песчанки) заметно сократилась⁷.

Несмотря на низкую численность грызунов в песках, эпидотрядом доктора Г.А. Лалазарова была обнаружена эпизоотия туляремии в некоторых населенных пунктах Красноярского района. Всего было выделено 18 штаммов инфекции. В связи с этим были приняты такие меры, как выселение из эпизоотической зоны на период эпизоотического сезона пастухов с семьями на земли, очищенные от грызунов весной 1942 года. Это наиболее действенная и простая в исполнении мера, так как местное население являлось кочевым и мобильным. Перед выселением население прошло санобработку, проведенную двумя основными санитарно-дератизационными отрядами и одним дополнительно созданным. Была проведена ревакцинация населения 7 колхозов. Для выявления скоплений грызунов и мест нахождения павших животных привлекались платные

7. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-2672. Оп. 1. Д. 9. Л. 90.

саносведомители, которых инструктировали перед началом эпизоотического сезона⁸.

Летом 1942 года в дельте Волги наблюдались случаи заболевания чумой. В связи с этим для эпидемиологического наблюдения были организованы два эпидотряда в селе Камызяке, позднее переведенные в села Калинино и Тюрино, а в августе — в село Красный Яр. Основным объектом наблюдения являлись водяные крысы, наибольшая численность которых наблюдалась в Володарском районе. Пик распространения заболеваний приходился на июль, а весь период — с июня по октябрь, что совпадало с периодом активности кровососущих насекомых, являвшихся передаточным звеном заболевания. Всего на 20 октября 1942 года было зарегистрировано 467 случаев заболеваний. По своему характеру случаи были отнесены в группу трансмиссивных, так как большое количество заболеваний были бубонными с фликтенами, располагавшимися на открытых участках тела (кисти рук, предплечья, стопы, область головы). В районы дельты были направлены врачи противочумной станции.

В связи с эпизоотией чумы среди мышевидных грызунов в апреле 1942 года в Камызякском районе работали две бригады дератизаторов, а в июле в связи с заболеваниями были дополнительно направлены в Володарский район 19 дератизаторов Астраханской противочумной станции и 6 дератизаторов от Астраханского Окредзбюро⁹.

Также была проведена противочумная вакцинация населения в песках Красноярского района и пограничных с песками населенных пунктах Красноярского и Харабалинского районов. К 1 октября 1942 года было вакцинировано 5664 человека, из которых трехкратными прививками — 1999 человек, двукратными (ревакцинация) — 3665 человек¹⁰.

Главной превентивной мерой распространения чумы являлись работы по истреблению грызунов. Истребление проводилось механическим методом (давилками) на открытых пространствах и газацией жилых домов, землянок методом хлорпикрина и пиретрума, с одновременной обработкой населения. Также проводился осмотр стогов, скирд и копен для выявления в них грызунов¹¹. Эти меры помогли купировать возникшие очаги заболеваний и предотвратить распространение страшной болезни в густонаселенные районы округа.

В начале 1942 года в Астраханском округе наблюдалась вспышка сыпного тифа, источником которой стали рабочие строительства железной дороги и мостостроя (табл. 1).

8. ГАВО. Ф. Р-2672. Оп. 1. Д. 9. Л. 90 об.

9. Там же. Л. 91 об. — 92.

10. Там же. Л. 92.

11. Там же. Л. 92 об. — 93.

Таблица 1

Сведения о заболеваемости сыпным тифом в Астраханском округе за январь 1942 года¹²

Районы	Состоя- ло боль- ных на 01.01	Количество случаев				На 01.02	За 4 дня февраля
		за I декаду	за II декаду	за III декаду	за месяц		
г. Астрахань	9	23	18	23	64	38	10
Наримановский	—	—	—	—	—	—	—
Володарский	5	16	12	2	30		3
Икрянинский	—	1	—	10	11	10	—
Камызякский	—	4	2	1	7	—	—
Енотаевский	—	—	—	—	—	—	—
Харабалинский	—	—	—	2	2	2	2
Владимировский	—	—	26	7	33	—	4
Красноярский	—	—	—	—	—	—	—
Итого	14	44	58	45	147	50	19

Прирост заболевания происходил практически весь месяц. Также стоит отметить, что не все случаи тифа были учтены в данной таблице. Так, из рабочих строительства железной дороги и мостростроя поступили случаи сыпного тифа в январе в больнице им. Кирова г. Астрахани — 6, которые не вошли в отчет по городу Астрахани, как поступившие из населенного пункта Калмыцкой области. По Икрянинскому району Оранжевый комбинат имел 10 случаев тифа. Находившиеся на участке мостростроя в стадии инфицирования были завербованы Волго-Каспийским трестом для работы на Оранжевый комбинат, куда и прибыли частично с яркой картиной заболевания, а у части болезнь проявилась через несколько дней.

В феврале 1942 года 15 рабочих строительства дороги поступили в инфекционную больницу им. Бехтерева за 4 дня февраля, они не вошли в отчет по городу, так как поступили с населенных пунктов не Астраханского округа. Кроме того, с этого же участка 11 инфицированных поступило в Наримановскую больницу и часть — в больницу им. Кирова на Трусове (цифра точно не установлена). По Харабалинскому району в с. Селитренное зарегистрировано 2 случая тифа у рабочих строительства 548-го км, не вошедшие в отчет по району, а вошедшие в отчет Дорсанотдела.

12. ГАСД АО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 717. Л. 91.

Е.В. Булюлина,
Е.Л. Головина,
И.А. Лысенко
Санитарно-эпиде-
мическое состояние
Сталинградской
области и рабо-
та органов здраво-
охранения в 1941–
1945 гг.

Во всех очагах сыпного тифа специальными бригадами, командированными Окружным здравотделом были проведены противоэпидемические мероприятия. Были направлены бригады в Икрянинский, Камызякский, Володарский, Владимировский и Харабалинский районы для повторной дезинфекционной обработки в тех населенных пунктах, где были отмечены случаи заболеваний¹³.

Противоэпидемическую работу курировал ГКО, уполномоченным которого являлся нарком здравоохранения. На местах работали отделы здравоохранения. В Астрахани горздравотдел в 1942 году состоял из госсанинспекции, эпидемического, лечебного, статистического, кадрового отделов, отдела охраны материнства и младенчества. В военное время отмечена тенденция усиления внеотраслевого управления здравоохранением со стороны партийных и советских органов (Красноженова, 2012: 142).

Для оперативного руководства противоэпидемическими мероприятиями на местах создавались чрезвычайные полномочные противоэпидемические комиссии. В их состав входили председатели исполкома местного Совета (председатель комиссии), представитель партийного органа, а также местных органов здравоохранения, внутренних дел, командования и медицинской службы военного гарнизона. Комиссии координировали деятельность различных эпидемиологических служб: государственной санитарной инспекции, санитарных эпидемических станций, дезактивационных, малярийных, молочно-контрольных, бруцеллезных станций и пунктов. В государственную санитарную инспекцию входили отраслевые инспекторы по жилищно-коммунальному хозяйству, пищевым предприятиям, промышленным объектам, школам. Противоэпидемические комиссии разрабатывали планы санитарных и противоэпидемических мероприятий. Так, Астраханской городской чрезвычайной противоэпидемической комиссией в 1942 году было намечено проведение прививок против брюшного тифа, оспы, дифтерии, организация санпросветработы, обеспечение снабжения детских учреждений и другие мероприятия (Красноженова, 2012: 142).

Жизненно важной являлась профилактика такого типичного для Астраханского округа инфекционного заболевания, как холера. Основными мерами профилактики были хлорирование и биологическое исследование воды. Лабораторией Треста водоканализации и городской санбаклабораторией устанавливался ежедневный двойной бактериологический контроль воды на кишечную палочку, микробное число и остаточный хлор. Вменялась обязанность иметь на всех предприятиях, в школах, общежитиях, пристанях и вокзалах, зрелищных мероприятиях и других местах общественного пользования необходимое количество кипяченой воды. В селах надо было обеспечить ремонт колодцев, следить за наличием крышек на срубах и общественных ведер у каждого колодца.

13. Там же. Л. 91 об.

Важной задачей было обучение медицинского персонала выявлению и лечению больных холерой. Периодически Противочумная станция и Окргдрав проводили курсы специализации для госсанитарных инспекторов и эпидемиологов по эпидемиологии холеры, ее профилактики и мерам борьбы, курсы для врачей-лаборантов по лабораторной диагностике холеры. Также были организованы семинары для средних и младших медработников больниц города и районов по уходу за больными при острых желудочно-кишечных заболеваниях и по текущей дезинфекции при них; проведен семинар для дезинфекторов Окргдезбюро и Гордезостанции по теме текущей и заключительной дезинфекции при холере.

Велась подготовка производства лабораторных исследований на холеру в следующих лабораториях: Горсанбаклаборатория — 300 анализов в день; лаборатория инфекционной больницы — 100 анализов в день; лаборатория Водздрава — 50 анализов в день; Енонтаевский противочумный пункт — 30 анализов в день; лаборатория Досангского противочумного пункта — 30 анализов в день. Были подготовлены 3 походных лаборатории для производства исследований в районах, обеспеченные необходимым имуществом и реактивами.

Поддерживался неснижаемый запас оборудования и материалов для диагностики холеры на 200 анализов, в соответствии с требованием НКЗ СССР. В больницах округа были зарезервированы койки для больных холерой, готовились изоляторы для контактировавших с инфицированными, или подозрительных больных. Также для выездов по подозрению на это заболевание были выделены специальная машина скорой помощи для перевозки больных и специально оборудованная машина для дезинфекции и обработке очагов. В районах, где было тяжело с автотранспортом, приспособили для этого по 1 лошади с повозкой.

В профилактических целях проводились следующие мероприятия: учет всех лиц, переболевших холерой в 1942 году, и проведение исследования на бациллоносительство всех членов семей и коллективов, где имели место заболевания холерой в данном году (среди переболевших надо было провести в течение года не менее 3 обследований; среди контактировавших — не менее 2). Силами отрядов противочумной станции проводилось двукратное исследование на бациллоносительство всего населения с. Мумра Икрянинского района и с. Зеленга Володарского района, а также двукратному (групповому по 10 человек) исследованию на бациллоносительство подверглись все работники пищевых предприятий, имевших непосредственное соприкосновение с пищевыми продуктами, и работники водопровода, канализации и ассенизационного транспорта. Двукратное групповое обследование на бациллоносительство проводилось в детсадах, школах, лечебных учреждениях, общежитиях, бараках.

Всех выявленных бациллоносителей немедленно госпитализировали в инфекционную больницу. Всем соприкасавшимся предписы-

валось провести курс фагирования. С 15 марта по 15 мая 1943 года проводилась вакцинация населения подкожной вакциной, было выделено 100 тыс. доз (из них 60 тыс. в Астрахани). В первую очередь прививали рыбаков, плавсостав, рабочих пищевых предприятий, судоремонтных заводов, рабочих водопровода и канализации, учащихся¹⁴.

Эффективность работы по предотвращению распространения острых заразных эпидемических заболеваний в годы войны зависела от своевременности и оперативности проведения противоэпидемических мероприятий. Основным средством борьбы с эпидемиями была жесткая локализация очагов заболеваемости. С этой целью пресекался всякий въезд и выезд людей с пораженной территории. Местные органы в своих решениях руководствовались постановлением ГКО «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и в Красной Армии» от 2 февраля 1942 года. Оно стало основой для развернувшихся широких противоэпидемических кампаний. Реализация предусмотренных мер привела к увеличению фонда больничных коек для инфекционных больных, усилению системы санитарного контроля, началу массовой иммунизации жителей вакциной против острых желудочно-кишечных заболеваний (Красноженова, 2012: 141-142).

Так, в 1942–1943 годах проводилась иммунизация детей от 1 до 8 лет от дифтерии. Особое внимание было уделено вакцинации населения против кори. В Астрахани действовал противокоревой пункт, в задачи которого входило производство противокоревой сыворотки. На 1943 год пункту было дано задание изготовить 350 л сыворотки, 200 л из которых — в первом полугодии. Ввиду значимости профилактики данного заболевания путем иммунизации Сталинградский Облторготдел распространил постановление СНК СССР о продовольственном обеспечении доноров станций переливания крови и на доноров противокоревых пунктов. За взятую кровь устанавливалась оплата 50 рублей за 100 мл крови. В районах и на участках создавался неснижаемый запас сыворотки (1 л — в районах, 0,5 л — на участках)¹⁵. Подобный противокоревой пункт после эвакуации из Сталинграда был развернут в 1942 году в г. Камышине.

Большое внимание уделялось санитарному оздоровлению территорий. При райсоветах Астраханского округа создавались отделы по благоустройству, в городских партийных комитетах — коммунальные отделы, а в частном секторе — квартальные комитеты. Важной составляющей поддержания должного уровня санитарного состояния города являлась очистка домов и улиц от мусора и нечистот. К апрелю 1943 года санитарное состояние Астрахани при-

14. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 6. Д. 14с. Л. 133-137.

15. ГАВО. Ф. Р-2672. Оп. 1. Д. 7. Л. 33 об.

знавалось неудовлетворительным, в связи с этим с 7 по 17 апреля 1943 года объявлялся общегородской декадник по очистке районов от мусора и нечистот и улучшению санитарного состояния города. Надо было ликвидировать все незаконные мусорные свалки, обеспечить вывоз из районов мусора и нечистот путем сжигания и закапывания во дворах, на площадях и за чертой города. Места для закапывания и сжигания отводились районными санитарными инспекторами. К уборочным работам активно привлекались школьники¹⁶.

Органы власти стремились привлечь население и предприятия к работе по благоустройству, организовывая воскресники, декадники, месячники по очистке улиц, ремонту зданий и др. Основные работы по благоустройству сводились к рытью кюветов и помойных ям, ремонту и строительству новых общественных туалетов, ремонту скамеек, посадке деревьев, восстановлению уличного освещения (Красноженова, 2012: 142).

Санитарно-эпидемическое состояние Сталинграда в 1943–1945 годы

2 февраля 1943 года Сталинград был полностью освобожден от врага. Город лежал вдоль 60-километровой волжской излучины сплошным нагромождением руин, трупов людей и животных. Работа по уборке и захоронению многих десятков тысяч трупов была огромной по своему масштабу. При облыскомоме была создана Чрезвычайная комиссия. Ей было дано право мобилизовать транспорт, медицинский состав, городское население, привлекать воинские части к санитарной очистке города. Наличие сотен мест захоронений, разбросанность их на десятки квадратных километров, полное бездорожье, опасность случайно попасть на минные поля — всё это потребовало от людей, занятых на очистке города, большой сознательности и преданности делу. Работы в основном были закончены к июлю 1943 года. На территории города появилось 596 братских могил, 500 мест захоронения немцев и до тысячи скотомогильников¹⁷.

Население города сразу после освобождения не составляло и 50 тысяч человек, но оно постоянно прибывало. По словам заведующей горздравотделом Ямпольской, произнесенным на 23-й сессии Сталинградского горсовета 1 ноября 1943 года, «с востока на запад вслед за армией возвращается из эвакуации население, идут для восстановления разрушенного врагом города рабочие, комсомольские бригады, просто отдельные добровольцы. Всё это идет неудержимым потоком, забывая пути сообщения, станции, вокзалы,

16. ГААО. Ф. 6. Оп. 14. Д. 9. Л. 42-42 об.

17. ГАВО. Ф. Р-6088. Оп. 2. Д. 1. Л. 9.

пристани, временно расселяясь в тяжелых бытовых условиях скученности и прочей коммунальной необеспеченности... Враг оставил нам большое сыпным тифом, вшивое, опухшее от голода, от цинги население...»¹⁸.

В первом квартале 1943 года был выявлен 521 случай сыпного тифа в Верхней Ельшанке, на Дар-Горе, в Дзержинском, Тракторозаводском районах. И это в то время, когда в городе было только 9 врачей, когда не было, по существу, никакой сети здравоохранения¹⁹. Были районы, не имевшие ни одного врача. В таких условиях никакие усилия медиков по ликвидации очагов сыпного тифа не могли быть плодотворными, если бы не помощь местного населения. Из состава депутатов горсовета, домохозяек, добровольцев было избрано 272 санитарных уполномоченных, которые шли в землянки, блиндажи, выявляли лихорадящих больных, сообщали об этом медикам, и сами в тот же день на носилках, санках, тележках вывозили больных в инфекционные изоляторы, оборудованные в подвалах, уцелевших жилых домах, а затем приступали к обработке очага сыпного тифа.

Во втором квартале 1943 года было отмечено 458 случаев сыпного тифа. Населению города грозили и другие опасные инфекции: брюшной тиф, паратифы, дизентерия, туляремия, детские эпидемические заболевания — корь, дифтерит, коклюш. Настоящим бичом для горожан была малярия, вспыхнувшая с особой силой в августе-сентябре 1943 года и чуть не уложившая в постель почти всех рабочих Тракторного завода, «Баррикад» и «Красного Октября». Из-за того, что весь 1943 год не проводились противомаларийные мероприятия (не было противомаларийной вакцины), а также из-за большой миграции населения заболеваемость малярией во второй половине года выросла до очень больших цифр. Приближалась зима, надо было ожидать новой вспышки сыпного тифа.

Условия жизни в городе по-прежнему были очень тяжелыми, особенно в рабочих общежитиях, где жила основная масса населения, прибывшая в город для его восстановления. Часть рабочих жила в палатках. В общежитиях зачастую на одного человека приходилось меньше 1 квадратного метра жилой площади, постельными принадлежностями общежития были обеспечены лишь наполовину. В общежитиях Вторчермета, Лесобазы, Трампарка были двух-трехъярусные нары. Живущие в одном из общежитий ОСМЧ-25 спали на шинелях, голых досках, сене. Среди них было 60% больных малярией²⁰. В Баррикадном районе, в доме, принадлежащем заводу, на площади 200 кв. метров проживало 260 человек²¹. Не было изоляторов, карантинных бараков, почти не было бань,

18. ГАВО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 638. Л. 179.

19. ГАВО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 638. Л. 179.

20. ГАВО. Ф. Р-6088. Оп. 2. Д. 2. Л. 7.

21. ГАВО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 638. Л. 185.

прачечных, а имевшиеся плохо работали из-за недостатка топлива. В городе были полностью разрушены водопровод, канализация. Население не обеспечивалось доброкачественной питьевой водой.

К концу 1943 года в Сталинграде было 65 детских учреждений с числом детей 7292. Большинство детских садов находилось в частных домиках. Нередко на одного ребенка приходилось до 0,5 кв. м площади, не было кроваток. Дети спали на полу²². Вспышки детских инфекционных заболеваний отмечались в течение всего 1943 года.

В 1941 году в Сталинграде имелось 17 больниц, 27 поликлиник и амбулаторий²³. Во время бомбардировок больничная сеть была полностью разрушена. К концу 1943 года силами медиков было приспособлено под больницы и поликлиники несколько уцелевших помещений, которые испытывали трудности с отоплением, освещением, сложно было с питанием для больных.

В медицинском отчете родильного отделения больницы № 6 СТЗ читаем: «Смертность недоносков падает на холодное время года, так как в отделении была температура от 0 до 17»²⁴.

В декабре 1943 года начинается эпидемия сыпного тифа в общежитиях спецстройтреста № 1 Краснооктябрьского района. Вспышка была обусловлена чрезвычайно плохим санитарным состоянием общежитий треста. Кроме того, в середине декабря в бараки треста была заселена партия рабочих, прибывших из Сталинска и Армавира. Эшелон был в пути 17 дней, в нем находились больные сыпным тифом. В условиях скученности инфекция быстро распространилась. Умерло 3 человека. Был создан штаб для ликвидации очага, перевезены из других районов города врач, медсестры в помощь имеющимся, построены баня, жаровые дезкамеры, проводилась ежедневная термометрия, немедленная изоляция температурающих, систематически проверялись общежития на педикулез, в случае обнаружения помещения немедленно обрабатывались. Эти меры помогли ликвидировать вспышку в довольно короткий срок.

В конце февраля 1944 года началась вспышка сыпного тифа среди рабочих Тракторозаводского района, но благодаря энергично принятым мерам она быстро была погашена²⁵.

Вопросы здравоохранения были предметом постоянного обсуждения партийных и советских органов, а 23-я сессия горсовета, проходившая 1 ноября 1943 года, была целиком посвящена санитарно-эпидемиологическому состоянию города и мерам борьбы с эпидемиями на осенне-зимний период 1943/44 года. Был принят план по предупреждению и ликвидации всех инфекционных заболеваний. Реализация этого плана позволила быстро ликвидировать очаги сып-

22. ГАВО. Ф. Р-6088. Оп. 2. Д. 11. Л. 11 об.

23. ГАВО. Ф. Р-3969. Оп. 7. Д. 17. Л. 3-3об.

24. Там же. Д.18. Л. 11.

25. ГАВО. Ф. Р-3969. Оп.7. Д.10. Л.1-4.

ного тифа в декабре 1943 — феврале 1944 года, хотя впоследствии отмечались вспышки в промышленных районах города, но они были быстро погашены. Ко всем общежитиям, школам был прикреплен медперсонал, организован подворный обход для выявления больных. По городу работали 682 санитарных инспектора²⁶.

С целью профилактики заболеваний брюшным тифом, дизентерией, дифтерией, оспой были сделаны прививки, для чего созданы 9 специальных эпидемических отрядов.

В марте-апреле 1944 года было проведено обследование населения (более 160 тыс. человек) для выявления больных малярией. Выявлено более 29 тыс. больных малярией, более 20 тыс. взято на противорецидивное лечение²⁷. Проводилось обследование жилищ на наличие переносчика, при выявлении очага обрабатывались. Осуществлялась профилактическая хинизация. Однако количество больных малярией было еще очень велико, к тому же с очень тяжелыми формами заболевания (кома, психозы). Сказывалось отсутствие противомаларийных средств, хинизаторов, недостаток специальных кадров. Но медики не прекращали напряженной борьбы с малярией, и результаты не замедлили сказаться: если в 1943 году на 10 тыс. населения было зафиксировано 2524 случая заболевания малярией, то в 1944 году — 1328 случаев, то есть снизилось на 52,6%²⁸.

К концу 1944 года почти все рабочие были переселены из палаток, подвалов во вновь выстроенные или восстановленные общежития. Улучшались бытовые условия населения. В 1945 году в Сталинграде было организовано 10 больниц на 1655 коек, 11 поликлиник и амбулаторий, 9 детских консультаций, хотя лечебные учреждения были размещены в малоприспособленных зданиях и не хватало врачей. Ко второй половине 1945 года произошло резкое снижение заболеваний брюшным тифом, паратифом, дизентерией, токсической диспепсией. Случаи сыпного тифа, быстро выявляясь, распространения не получили²⁹.

Таким образом, Великая Отечественная война потребовала перестройки организации работы санитарно-эпидемиологической службы и управления ею в направлении централизации и концентрации руководства сетью санитарно-эпидемиологических учреждений, что было характерно для системы государственного управления в военных условиях. Назначение единого лица при управлении НКЗ и уполномоченного ГКО по противоэпидемической работе позволило сосредоточить в руках единого органа основные мероприятия по предотвращению эпидемий и в целом положительно сказалось на работе.

26. Там же. Д. 3. Л. 10 об.

27. Там же. Д. 3. Л. 32.

28. ГАВО. Ф. Р-3969. Оп. 7. Д. 10. Л. 1-4.

29. Там же. Д. 17. Л. 3.

Слаженная и строго контролируемая работа всех медицинских служб, а также упор на превентивные меры борьбы с остро заразными инфекционными заболеваниями, включающими в себя массовую иммунизацию жителей путем вакцинации, ревакцинации и фагирование, жесткие меры по локализации очагов заболеваний позволили успешно преодолеть серьезные эпидемии среди армии, местного и эвакуированного населения в наиболее тяжелый период для нашей страны.

Библиография

- Воробьев А.Ф., Ежов Н.И. (1994). Развитие служб здравоохранения Царицына-Сталинграда-Волгограда и области. Волгоград: Упринформпечать.
- Деятельность санитарно-эпидемиологической службы на территории Астраханской области в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов <http://30.gospotrebnadzor.ru/about/history/150828/> (дата обращения: 20.05.2021).
- Красноженова Е.Е. (2012). Здравоохранение Нижнего Поволжья в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. История. № 4-1 (76). С. 140-143.
- 60 лет Советского здравоохранения (1977) / Науч. ред. И.П. Лидов. М.: Медицина.

The sanitary-epidemic conditions of the Stalingrad Region and the work of the health authorities in 1941-1945

Elena V. Bululina, DSc (History), Deputy Head of the Research and Development Department, Center for Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region; Senior Researcher, Center for the Study of the Battle of Stalingrad. 400005, Volgograd, Chuikova St., 45. E-mail: centre-stalingrad@mail.ru

Evgenia L. Golovina, Chief Specialist, Center for Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region; Researcher, Center for the Study of the Battle of Stalingrad. 400005, Volgograd, Chuikova St., 45. E-mail: center-stalingrad@mail.ru

Irina A. Lysenko, PhD (Economics), Head of the Research and Development Department, Center for Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region; Deputy Head of the Center for the Study of the Battle of Stalingrad. 400005, Volgograd, Chuikova St., 45. E-mail: center-stalingrad@mail.ru

Abstract. The article considers the difficult epidemic situation in the Stalingrad Region during the Great Patriotic War and the work of the health authorities to combat dangerous infections. The war determined the restructuring of the entire sanitary-epidemiological service of the country. The appointment of one person in the administration of the USSR People's Commissariat of Health and the State Defense Committee as responsible for the anti-epidemic work allowed to create a single control center for the main anti-epidemic measures and had positive results. The well-coordinated and controlled work of all medical services together with an emphasis on preventive measures to combat acute infectious diseases (mass immunization by vaccination, revaccination and phaging, strict measures to localize epidemic foci) allowed to successfully defeat epidemics in the army, local and evacuated population in the most difficult period for our country.

References

- Vorobiev A.F., Ezhov N.I. (1994) *Razvitie sluzhb zdravookhraneniya Tsaritsyna-Stalingrada-Volgograda i oblasti* [Development of Health Services in Tsaritsyn-Stalingrad-Volgograd and its Region]. Volgograd: Uprinformpechat.
- Deyatelnost sanitarno-epidemiologicheskoy sluzhby na territorii Astrakhanskoj oblasti v period Velikoy Otechestvennoy vojny 1941–1945 godov [The work of the sanitary-epidemiological service in the Astrakhan Region during the Great Patriotic War of 1941-1945]. <http://30.rospotrebnadzor.ru/about/history/150828>.
- Krasnozhenova E.E. (2012) Zdravookhranenie Nizhnego Povolzhya v period Velikoy Otechestvennoy vojny (1941–1945 gg.) [Health care of the Lower Volga Region during the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no 4-1, pp. 140–143.
- 60 let Sovetskogo zdravookhraneniya (1977) [60 Years of the Soviet Health Care System]. Nauch. red. I.P. Lidov. Moscow: Meditsina.

Территориальное общественное самоуправление в современной Бурятии: условия устойчивого развития¹

А.С. Бреславский

Анатолий Сергеевич Бреславский, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. 670042, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6. E-mail: breslavsky@imbt.ru

Аннотация. В статье анализируются основные условия устойчивого развития системы территориального общественного самоуправления (ТОС) в Республике Бурятия. Благодаря усилиям региональной и муниципальной власти, инициативам жителей республики к 2020 году Бурятия заняла второе место по числу ТОС среди всех регионов РФ, а местные тосовцы сформировали массовую сеть гражданских активистов в сельских и городских поселениях региона. В 2010-е годы в республике уже существовала разветвленная система мер информационной, материальной, организационно-методической поддержки ТОС на местах. В 2018 году — принят региональный закон о поддержке ТОС, с 2019-го — начал работать региональный Ресурсный центр поддержки ТОС, с 2012-го — ежегодно проводится конкурс «Лучшее ТОС» Республики Бурятия, в котором в 2020 году приняло участие более тысячи общественных самоуправлений региона. Общее число ТОС Бурятии выросло в 2010-е годы с 18 до 2265. Ими реализуются многообразные проекты в сфере благоустройства территорий, строительства и ремонта социокультурных и инженерно-бытовых объектов, ТОСы организуют спортивные, культурно-досуговые и прочие мероприятия. В то же время итоги нашего исследования в феврале-марте 2021 года (проблемно-тематические интервью, сбор и анализ 420 информационных форм о практиках ТОС муниципальных районов и городских округов республики) показали, что региону необходимо предпринять ряд организационных мер для устойчивого развития системы ТОС в ближайшем будущем. Речь идет о разработке Стратегии развития ТОС в Республике Бурятия на среднесрочную перспективу, о поддержке кадрового потенциала ТОС на местах, о научном и ведомственном мониторинге системы ТОС, о создании архива данных, развитии конкретных ТОС в качестве НКО, ООО и других форм юридических лиц, о создании и поддержке сети ассоциаций ТОС на уровне муниципальных районов и городских округов, о снижении диспропорций в развитии сети городских и сельских ТОС, развитии партнерских отношений ТОС, бизнеса, органов государственной и муниципальной власти и других мероприятиях.

Ключевые слова: территориальное общественное самоуправление, Россия, Республика Бурятия, местное самоуправление, гражданские инициативы

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-2-79-98

1. Статья подготовлена в рамках государственного задания: проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия XVII–XXI вв.» (номер госрегистрации: 121031000243-5).

Территориальное общественное самоуправление (ТОС) в России — не просто одна из форм непосредственного участия жителей в местном самоуправлении (МСУ), не просто помощник муниципальных властей в решении вопросов на местах. В отличие от других форм участия граждан в МСУ (референдум, сход, собрание, конференция граждан, инициативные проекты)², носящих ситуационный характер, ТОС — это относительно постоянная организационная структура, включающая в себя сообщества инициативных граждан, самостоятельно и обычно на свои средства решающих разнообразные вопросы на своих локальных территориях. По существу, ТОСы в последнее десятилетие становятся базовым элементом МСУ наряду с администрациями поселений, муниципальных районов, городских округов, а также представительными органами власти этих муниципальных образований.

Согласно данным Общенациональной ассоциации ТОС, в 2019 году в стране действовало 34 874 ТОС, зарегистрированных в органах МСУ, в том числе 2437 со статусом юридического лица. Наибольшее количество ТОС к этому времени было в Краснодарском крае (6164), Республике Бурятия (2195) и Белгородской области (2127)³.

Не вдаваясь глубоко в общие вопросы развития ТОС в Российской Федерации в 1990–2010-е годы, в том числе правовые, уже достаточно хорошо осмысленные отечественными авторами (например: Шугрина, Иванова, 2018), обратим внимание на региональный опыт построения системы ТОС в Республике Бурятия. По многим основаниям, указанным в аннотации к статье и связанным с количеством ТОС и мерами их поддержки в регионе, опыт Бурятии заслуживает внимательного изучения и может быть интересен исследователям и практикам. В 2010 году в регионе действовало всего 18 ТОС, а через 10 лет, в начале 2021 года, — их стало уже 2265 (табл. 1). К концу 2019 года в Бурятии было создано больше ТОСов, чем во всех регионах Уральского и Северо-Кавказского федерального округов, вместе взятых. В Сибири и на Дальнем Востоке республика остается лидером по числу ТОС⁴. По существу, пример Бурятии показывает, что даже в регионах с не самыми высокими показателями социально-экономического развития, с дотационным бюджетом повышенное внимание официальных властей к ТОС, ак-

2. См. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

3. Стратегия развития ТОС в РФ до 2030 г. (проект). URL: <https://www.oatos.ru/tos-инициатива/tos-iniciativy/proekt-strategii-tos-do-2030-goda> (дата доступа: 05.04.2021).

4. См. Приложение № 1 Стратегии развития ТОС в РФ до 2030 г. (проект). URL: <https://www.oatos.ru/tos-инициатива/tos-iniciativy/proekt-strategii-tos-do-2030-goda> (дата доступа: 05.04.2021).

тивное решение организационных вопросов на местах могут дать весомые результаты.

Как итог: в 2010-е годы ТОСы Бурятии реализовали несколько сотен крупных и куда большее количество небольших проектов: они строят, ремонтируют и благоустраивают детские и спортивные площадки, мосты, стадионы, спортивные, религиозные сооружения, дома культуры, паромные переправы, объекты для организации сельского хозяйства (расколы, дома для пастухов и пр.), общественные останки, ремонтируют и строят дороги, устанавливают уличное освещение, организуют уборку и озеленение своих территорий, проводят водоснабжение, благоустраивают скверы, территории вокруг целебных источников, устанавливают стелы на въездах в населенные пункты, проводят интернет, благоустраивают мемориалы, сохраняют память о Победе в Великой Отечественной войне, пишут истории своих поселений, открывают и поддерживают краеведческие музеи, разрабатывают и благоустраивают туристические маршруты, в том числе строят гостевые дома общего пользования, смотровые площадки, развивают и восстанавливают местные ремесленные традиции, организуют культурно-массовые, образовательные и прочие мероприятия для населения, а также кружки, секции, театры и т.д.

В 2018 году Бурятия с инициативой «ТОСы — новый бренд региона» стала победителем Всероссийского конкурса лучших практик открытости государственного управления в номинации «Лучшая инициатива в области создания механизмов вовлечения гражданского общества в работу органов государственной власти» (Брагин, 2018).

О предмете исследования

История формирования системы ТОС в Бурятии и ее административной поддержки в регионе пока не становилась предметом комплексных научных исследований, однако отдельные работы по этой теме подготовлены в 2010-е годы О.С. Тулохоновым и его коллегами (Тулохонов, Базаров, 2013; Тулохонов, 2015, 2016, 2019; Протасов, Тулохонов, 2016), а также экс-главой республики В.В. Наговицыным (2018).

В нашем исследовании 2021 года (Бреславский, Скворцова, 2021), опиравшемся на серию проблемно-тематических интервью с основоположниками системы ТОС в регионе и анализ 420 информационных форм о проектах ТОС всех муниципальных районов и городских округов Бурятии, мы последовательно решили три основные задачи. Во-первых, реконструировали историю формирования сети ТОС и системы ее поддержки в регионе в 2010-е годы. Во-вторых, представили более 400 лучших практик ТОС республики в разрезе муниципальных районов и городских округов.

гов. Наконец, в-третьих, сформулировали свои предложения относительно совершенствования системы поддержки ТОС в регионе в соответствии с основными тенденциями развития этого института в Российской Федерации, в том числе в связи с разработкой проекта Стратегии развития ТОС в РФ до 2030 года⁵. В данной статье мы обратим внимание на третий пункт нашего исследования, связанный с рекомендациями относительно условий более устойчивого развития системы ТОС Республики Бурятия в ближайшем будущем.

Система ТОС Республики Бурятия: основы устойчивого развития

По многим количественным и качественным показателям выстроенная в республике сеть ТОС и система ее поддержки могут считаться одними из самых результативных в России. В то же время всей системе ТОС Бурятии в ближайшие годы предстоит пройти серьезные изменения, связанные как с реализацией упомянутой Стратегии развития ТОС в РФ до 2030 года, так и с внутренними организационными вызовами — увеличением количества ТОС в регионе и потребностями их качественного развития. Своевременный ответ на эти организационные вызовы позволит не только сохранить сформированный в республике потенциал ТОС, но и снизить зависимость всего ТОС от мер финансовой поддержки со стороны регионального правительства.

Рекордные показатели числа ТОС в регионе, выделяющиеся на общероссийском фоне, не возникли случайно. Этот результат был достигнут в последние десять лет благодаря тому, что процесс развития ТОС в регионе получил необходимое административное регулирование и поддержку со стороны руководства республики (В.В. Наговицина, А.С. Цыденова), Администрации Главы и Правительства Республики Бурятия. Это административное воздействие (разъяснительная, информационная, методическая работа, материальная и моральная поддержка) уже в самом начале 2010-х годов прошло вниз по вертикали через районные администрации, администрации сельских и городских поселений к ТОСам на местах. В работу уже на первом этапе были последовательно вовлечены представительные органы власти республики и муниципальные образования. Чувствуя поддержку «сверху», в том числе финансовую (в частности, в рамках конкурса «Лучшее территориальное общественное самоуправление» Республики Бу-

5. Стратегия развития ТОС в РФ до 2030 г. (проект). URL: <https://www.oatos.ru/tos-инициатива/tos-iniciativy/proekt-strategii-tos-do-2030-goda> (дата доступа: 05.04.2021).

рятия⁶), инициативные лидеры в сельских и городских населенных пунктах с каждым годом все активнее включались в развитие ТОС. Благодаря этому сегодня ТОСы есть в каждом городском/сельском поселении республики. При этом на начальном этапе далеко не все руководители поселковых администраций были готовы к активным действиям по развитию ТОС на своих территориях. Существовали и другие факторы, сдерживающие развитие ТОС в республике (Протасов, Тулохонов, 2016; Тулохонов, 2016).

Большую, если не определяющую, роль в развитии ТОС в республике в 2010-е годы сыграла система поддержки, включающая комплекс организационных, методических, юридических, финансовых и моральных мер, которые реализуются на республиканском и муниципальном уровнях. Так исторически сложилось, что основные функции регулирования и поддержки деятельности ТОС закрепились за Комитетом территориального развития Администрации Главы и Правительства Республики Бурятия (КТР). Именно в этом комитете в начале 2010-х годов была начата работа по построению организационной структуры системы ТОС региона. Именно в стенах КТР была сформулирована идея упомянутого выше конкурса «Лучшее ТОС» Республики Бурятия, прорабатывался региональный закон о поддержке ТОС, принятый в 2018 году⁷, план создания Ресурсного центра поддержки ТОС (действует в качестве проекта Ассоциации «Совет муниципальных образований Республики Бурятия» с 2019 года⁸), план работы со СМИ⁹ и пр.

Ресурсным центром с 2019 года проводится комплекс мероприятий, направленных на информационную и методическую поддержку ТОС: выездные семинары в муниципальных районах, удаленные онлайн-конференции для председателей, акти-

6. Постановление Правительства Республики Бурятия от 29.05.2014 № 244 «О республиканском конкурсе «Лучшее территориальное общественное самоуправление». Конкурс проводится раз в год с 2012 г., бюджет вырос до 60 млн руб. в год.
7. Закон Республики Бурятия от 09.05.2018 № 2940-V «О государственной поддержке территориального общественного самоуправления в Республике Бурятия».
8. Проект Ресурсного центра поддерживается с 2019 г. в рамках конкурса, согласно Постановлению Правительства Республики Бурятия от 23.11.2018 № 666 «Об утверждении Порядка предоставления субсидии из республиканского бюджета некоммерческим организациям, деятельность которых направлена на содействие развитию территориального общественного самоуправления в Республике Бурятия».
9. В частности, подготовка материалов для СМИ, привлечение СМИ к освещению деятельности ТОС, реализация Постановления Правительства Республики Бурятия от 09.08.2019 № 437 «О республиканском конкурсе на лучшее освещение деятельности органов территориального общественного самоуправления в Республике Бурятия в средствах массовой информации».

вистов, специалистов, ответственных за развитие ТОС в органах МСУ. Центр оказывает методическую помощь в процессе подготовки заявок на конкурсы Фонда президентских грантов, конкурсы «Лучшая практика ТОС» (ОАТОС), «Доброволец России» и другие. В 2020 году был открыт YouTube-канал Ресурсного центра. На сайте центра (rctos.ru) размещены методические рекомендации по созданию ТОС и другая необходимая информация. Специалисты Ресурсного центра развивают группы в социальных сетях, для тосовцев каждого района есть группы в мессенджерах, в которых размещается информация о новых конкурсах и грантах. Здесь же специалисты отвечают на вопросы, публикуют важные новости и методические материалы. Для решения специальных вопросов, получения консультаций, юридической помощи представители районов также могут лично приехать в Ресурсный центр в г. Улан-Удэ.

Мы видим, что одним из факторов успешного развития ТОС в Бурятии стал его системный характер. Что это значит? С одной стороны, ТОС — это легальная, законодательно закреплённая форма участия граждан в местном самоуправлении (ФЗ-131). И развитие ТОС республики происходило в рамках реализации данного федерального закона, который служил и служит основным обоснованием для необходимых мер поддержки, указанных в региональном законе о государственной поддержке ТОС, принятом в 2018 году. На практике ТОСы Бурятии создавались в тесном взаимодействии и сотрудничестве инициативных граждан и местных органов власти — глав поселений, районных Советов депутатов. Кроме того, большое значение в координации деятельности ТОСов приобрели специалисты из числа сотрудников администраций, представительных органов власти, в течение года поддерживающие связь с ТОСами на местах. В целом официальные органы местного самоуправления Бурятии стали важным каналом информационной, методической и финансовой поддержки ТОС в регионе. Большинство ТОСов работает в сотрудничестве с местными администрациями по отдельным организационным вопросам, а муниципальным властям в свое время методическую и организационную поддержку оказала республиканская власть в лице отдельных должностных лиц и подразделений Администрации Главы и Правительства РБ. Таким образом, ТОСы Бурятии — это в целом системные организации — сообщества граждан, в разной мере связанные с официальными структурами местного самоуправления республики.

Вполне естественно, что ТОСы республики серьезно различаются между собой, как по длительности своего существования и масштабам деятельности, так и по опыту привлечения бюджетных и внебюджетных средств, по кадровому потенциалу и т.д. В то же время уже можно говорить о складывании некоторых основ, которые позволяют всей системе ТОС-движения сохранять организа-

ционную устойчивость при активной поддержке со стороны регионального правительства.

Во-первых, более разнообразным становится опыт конкретных ТОС, многие из которых начинали со строительства детской площадки на собственные средства, а теперь, помимо реализации более масштабных проектов, активно участвуют в поиске грантовых средств, развивая навыки проектной, организационной деятельности. Отдельные лидеры ТОС-движения республики, получив необходимый образовательный и практический опыт, стали экспертами в своей деятельности, способными выступать в качестве «старших коллег» для начинающих на местах. В этой ситуации важной представляется работа по сохранению кадрового потенциала ТОС-движения региона, укрепления коммуникации, «обратной связи» между лидерами ТОС и административными структурами власти. Лидеры ТОС на местах могут и должны иметь возможность входить в кадровый резерв муниципальной службы.

Во-вторых, в администрациях муниципальных образований сформировались понимание значимости института ТОС и практика конструктивной работы администраций с тосовцами, создающие основы для их доверительного взаимодействия на уровне поселений. Наиболее успешные практики могут быть востребованы для тиражирования по всем поселениям республики и за ее пределами.

В-третьих, к настоящему времени на республиканском уровне система мероприятий по поддержке ТОС в целом отработана и реализуется в возможных объемах.

Как сделать систему ТОС республики более устойчивой?

Высоко оценивая организационную устойчивость системы ТОС Республики Бурятия, необходимо отметить, что в регионе ощущается нехватка программных документов по развитию ТОС, например, стратегии развития этой системы на 5, 10 лет и более. Такого рода программный документ, содержащий анализ текущей ситуации, основные направления работы и соответствующие им мероприятия, ожидаемые плановые показатели, объемы финансирования, придал бы новый импульс той политике, которую проводит сегодня Правительство РБ. Учитывая, что в 2020 году усилиями Общенациональной ассоциации ТОС (www.oatos.ru) появился упомянутый выше проект Стратегии развития ТОС в РФ до 2030 года, разработка проекта республиканской стратегии на тот же период была бы упреждающим ответом на планы и приоритеты развития системы ТОС в стране в целом.

В республиканской стратегии могли бы найти отражение направления работы по поддержке ТОС на межведомственном уровне,

с участием республиканских министерств, служб и агентств: Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Бурятия (вопросы сельскохозяйственной деятельности ТОС), Министерства имущественных и земельных отношений (регулирование земельных вопросов в рамках коллективной деятельности населения в ТОС), Министерства строительства и модернизации жилищно-коммунального комплекса (участие ТОС в решении жилищно-коммунальных вопросов, регулирование совместной деятельности управляющих компаний, ТСЖ и ТОС), Министерства природных ресурсов (совместный экологический мониторинг, охрана окружающей среды, экологическое просвещение). Список учреждений и вопросов, требующих их включенного участия, здесь можно продолжать.

Разработке стратегии развития ТОС региона должны предшествовать специальные научные исследования, позволяющие оценить исходные условия развития, выявить проблемные вопросы, внутренние и внешние запросы, сформировать базы статистических данных и пр. Эти исследования могут касаться количественных и качественных характеристик ТОС региона, территориальных показателей их развития на уровне муниципальных районов, городских округов, поселений, населенных пунктов, оценки республиканских и муниципальных мер материальной и моральной поддержки ТОС, в том числе конкурса «Лучшее ТОС» РБ и т.д. Важнейшую роль в этой связи должна сыграть планомерная и системная работа по созданию архивов данных по развитию системы ТОС региона, мер поддержки ТОС, в том числе архивов документов.

При относительно большом количестве ТОС на территориях муниципальных образований Республики Бурятия существуют как межрайонные, так и внутрирайонные различия в охвате ТОСами конкретных поселений. В текущей ситуации важно понять, какие территории (поселения, населенные пункты, микрорайоны, улицы, дома) и по каким причинам еще не распределены между ТОСами, где требуется помощь в их организации. Это прояснит масштабы потенциальной работы на ближайшее десятилетие. Как вариант: в регионе может быть создана интерактивная карта ТОС, иллюстрирующая границы охвата этим движением территории Бурятии.

Один из серьезных вопросов в развитии ТОС в муниципалитетах — повышение нагрузки на органы МСУ, которые проводят основную координационную работу на местах. Связано это с расширением количества ТОС в муниципальных образованиях и усложнением деятельности по их поддержке. В отдельных районах, где были приняты специальные муниципальные программы по развитию ТОС, где активно действуют советы ТОС при главе района, эта нагрузка распределяется между несколькими структурными подразделениями администрации или несколькими сотрудни-

ками. Однако есть случаи, когда основная нагрузка на уровне районов и поселений ложится на отдельных специалистов, имеющих и другие должностные обязанности. В работе с ТОСами им одновременно необходимо искать и определять активных жителей, готовых принять на себя ответственность по организации ТОС на своей территории, помогать готовить документы для первых собраний, вместе составлять Устав, регистрировать его, развивать компетенции лидера ТОС, связанные с организационной, проектной работой, коммуникациями с бизнесом, депутатами представительных органов власти и т.п. Кроме того, эти специалисты своевременно должны оповещать ТОСы о всех возможностях финансирования их деятельности, образовательных программах в республике и России в целом. Специалисты координируют участие подведомственных администрациям учреждений в деятельности ТОС (например, могут помочь привлечь творческие коллективы местного дома культуры на мероприятие ТОС и пр.). Они же обычно составляют все отчетные документы во взаимодействии с республиканскими органами власти.

В текущей ситуации с финансированием деятельности органов МСУ (его хватает только на основные направления работы¹⁰) о создании дополнительных ставок для специалистов, отвечающих за деятельность ТОС на уровне муниципалитетов, или Центров по работе с ТОС (ресурсных, координационных, информационно-методических — названия могут быть разными, исходя из направлений деятельности), говорить не приходится.

Один из вариантов выхода из этой ситуации — создание постоянно действующего, открытого по своему характеру, структурного подразделения в составе Комитета территориального развития Администрации Главы и Правительства Республики Бурятия с функциями Центра по работе с ТОС. Сегодня эти функции частично выполняет Ресурсный центр поддержки ТОС Республики Бурятия. В должностные инструкции сотрудников предполагаемого подразделения могли бы войти как минимум шесть направлений. Во-первых, разработка проектов стратегических документов республики в соответствии с законодательством РФ и основными тенденциями развития системы ТОС в стране. Во-вторых, координация финансово-экономических мер поддержки, совершенствование этих мер в соответствии с количественными и качественными изменениями самой системы ТОС Бурятии. В-третьих, информационная, консультационная и юридическая поддержка ТОС, а также специалистов муниципальных образований, работающих с ТОС на местах. В-четвертых, построение регулярной, прямой и обратной связи с ТОСами для решения возникающих организационных вопросов (сбор, обсуждение, проработка идей, предложений), в том числе

10. В этом смысле ситуация не изменилась с начала 2010-х годов (Базаров, 2010; Петрова, 2014).

организация прямых встреч ТОСов с главой республики и руководителями республиканских министерств. В-пятых, построение системы научного (объективного, комплексного и регулярного) мониторинга системы ТОС Республики Бурятия по ряду основных показателей (обсуждение результатов этих исследований и внедрение научно обоснованных решений в практику управления), создание и ведение базы архивных данных. Наконец, в-шестых, развитие кадрового потенциала системы ТОС через организацию своевременных и качественных курсов повышения квалификации, построение кадрового резерва. Значительные успехи Комитета территориального развития в республике в 2010-е годы могут стать основой для построения более системной и стабильной работы в этом направлении в дальнейшем.

Один из принципиальных моментов, который может повлиять на деятельность ТОС Бурятии в будущем, связан с определением правовых основ деятельности ТОС на общероссийском уровне. Несмотря на последовательное развитие нормативно-правовой базы, связанной с местным самоуправлением и определяющей статус ТОС, на практике до сих пор возникает множество вопросов относительно правового поля их деятельности, особенностей налогообложения и пр. Развитие финансовых форм поддержки ТОСов на общероссийском уровне потребовало их регистрации в качестве юридических лиц. Особое место начинают занимать гранты Фонда президентских грантов для некоммерческих организаций¹¹. Республиканские ТОС начали получать их с 2017 года (всего 6 ТОС). Практика поддержки ТОС в форме НКО, скорее всего, будет расширяться, учитывая последние интервью главы Правительства РФ М.В. Мишустина в июне 2020 года¹². И к этому необходимо готовиться как самим ТОСам Бурятии, так и курирующим их деятельность властным структурам не только в Улан-Удэ, но и в муниципальных районах республики.

Важно помнить, что помимо участия в конкурсах Фонда президентских грантов наличие статуса НКО позволяет ТОСам привлекать денежные средства и из других источников. ТОСы в качестве НКО могут принимать участие в ежегодных конкурсах грантов Комитета по международным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Главы РБ и Правительства РБ, конкурсах грантов регионального Министерства спорта и молодежной политики и т.д. Одновременно ТОСы в качестве НКО могут подавать заявки на гранты частных российских фондов, оказывать услуги в рамках госзаказов, в том чис-

11. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях».
12. Мишустин: территориальное общественное самоуправление может рассчитывать на господдержку URL: <https://tass.ru/ekonomika/8813907> (дата доступа: 04.05.2021).

ле со стороны республиканского правительства. Все это требует внимательного изучения условий конкурсов и грамотного оформления заявок.

Члены ТОС могут зарегистрировать на своей территории, исходя из направлений своей деятельности, не только НКО, но и, например, ООО, ИП. Это важно, когда речь заходит об осуществлении хозяйственной деятельности, развитии трудовой занятости — решении задач, которые ставит перед всей системой ТОС руководство республики. В то же самое время в Республике Бурятия подавляющее большинство ТОС не имеют юридического лица (из 2265 ТОС на начало 2021 года таким статусом обладают 40¹³), поскольку их основная деятельность не требовала его создания. Кроме того, по понятным причинам лидеры ТОС-движения — люди с разным образованием, организационно-правовой культурой — не всегда готовы заниматься еще и юридическими вопросами, готовить отчеты для налоговых органов (пусть зачастую и «нулевые»). Республиканский конкурс «Лучшее ТОС» не требует оформления ТОСа как юридического лица. В то же время, если неопределенности с правовым статусом ТОС будут разрешены на федеральном уровне, например, их деятельность будет приравнена к деятельности социально ориентированных НКО, то для чуть более 2200 ТОСов Бурятии вопрос юридической регистрации может стать еще более актуальным. И к этому необходимо быть готовыми.

Один из возможных путей — организация муниципальных Ассоциаций ТОС (как НКО), которые могли бы выступать в качестве представителей всех ТОС районов, как информационные и методические центры. В Бурятии уже созданы три ассоциации ТОС: в Гусиноозерске (в 2016 г.), Улан-Удэ (в 2018 г.), в Кяхтинском районе (в 2019 г.). Таким образом, организационная вертикаль системы ТОС в республике могла бы выглядеть так: ТОСы поселений — Поселенческая ассоциация ТОС — Районная (городская) ассоциация ТОС — Ассоциация ТОС Республики Бурятия (такой пока не существует). К созданию муниципальных ассоциаций и республиканской ассоциации ТОС подталкивает и проект Стратегии ТОС в РФ до 2030 года.

Стоит отметить, что в схожей ситуации находятся все регионы РФ: из 34 874 ТОСов в 84 субъектах РФ, по данным общенациональной Ассоциации ТОС и Министерства юстиции РФ за 2020 год, только 2437 ТОСов (в 62 субъектах РФ) зарегистрированы в качестве юридического лица, что составляет 6,9% от общего количества органов ТОС по стране¹⁴.

13. Информация получена нами по запросу в Управление Министерства юстиции РФ в Республике Бурятия (данные на 14.01.2021).

14. Стратегия развития ТОС в РФ до 2030 г. (проект). URL: <https://www.oatos.ru/tos-инициатива/tos-iniciativy/proekt-strategii-tos-do-2030-goda> (дата доступа: 05.04.2021).

Одним из успехов Бурятии в правовом регулировании деятельности по поддержке ТОС стал принятый в 2018 году региональный закон о поддержке ТОС¹⁵. Закон также мог бы определять основы упомянутой нами выше возможной Стратегии развития ТОС в Республике Бурятия в кратко- и среднесрочной перспективе. Смежный вопрос, который по-прежнему остается актуальным, — повышение правовой культуры в муниципалитетах республики, в том числе приведение местных уставов ТОС, положений по работе с ТОС в соответствие с российским законодательством, ответственное ведение реестров ТОС в районах и пр.

Существующая в Бурятии система финансовой поддержки ТОС может считаться одной из самых успешных в России, не только по объемам финансирования, но и по охвату. Один пример: по конкурсу «Лучшее ТОС» РБ финансовую поддержку получают ТОСы всех муниципальных районов и городских округов республики. Вместе с тем, учитывая возможные изменения как российского законодательства, так и потребности самой региональной системы ТОС, руководству региона, по всей видимости, следует быть готовым к «реформам» в финансовом обеспечении и поддержке ТОС региона. В России эта практика складывалась по-разному: где-то средства начали выделять через межбюджетные трансферты муниципалитетам в виде субсидий на безвозмездной безвозвратной основе, где-то финансирование поступало юридически оформленным ТОСам на их счета по итогам конкурсов грантов, где-то координатором выступали Ассоциации ТОС муниципалитетов, которые распределяли средства ТОСам, не оформленным как юридическое лицо, где-то ТОСы заключают договорные отношения с муниципалитетами на организацию своей деятельности. В одних случаях проекты финансировались из бюджета полностью, в других — на условиях софинансирования. Ввиду такого рода неопределенности возникали предложения, чтобы эти действия соответствовали общероссийскому законодательству. Механизмы финансирования республиканских мер поддержки системы ТОС в Бурятии также менялись в 2010-е годы. Сегодня, согласно упомянутому ранее Закону РБ о поддержке ТОС, они включают межбюджетные трансферты местным бюджетам. Так финансируется, в частности, конкурс «Лучшее ТОС» РБ.

Возвращаясь к организационным вопросам, следует сказать о внутрирегиональных диспропорциях в количестве сельских и городских ТОС в республике (табл. 1): сельских ТОС намного больше, чем городских. К каким выводам это нас подталкивает? С одной стороны, необходимо сохранить поддержку ТОС в сельских муниципальных районах, сделав акцент на их качественный рост,

15. Закон Республики Бурятия от 09.05.2018 № 2940-V «О государственной поддержке территориального общественного самоуправления в Республике Бурятия».

но, с другой, важно усилить работу и по поддержке городских. Так, городским и прежде всего улан-удэнским ТОС бывает сложнее находить необходимые земельные ресурсы для организации хозяйственной деятельности или строительства социально значимых объектов. С другой стороны, города республики (и особенно Улан-Удэ) располагают обычно большими средствами для решения вопросов благоустройства и имеют более развитую социальную и культурную инфраструктуру. Показательный пример: в некоторых небольших селах в начале 2000-х годов не было ни одного объекта культуры — места для организации общественной деятельности (дома культуры, библиотеки и пр.). И ТОСы решали эти проблемы.

Таблица 1.

Число ТОС в муниципальных районах и городских округах Республики Бурятия, на начало 2021 года¹⁶

№	Наименование муниципального образования	Число ТОС
1	Городской округ г. Улан-Удэ	90
2	Городской округ г. Северо-Байкальск	20
3	Баргузинский район	77
4	Баунтовский район	34
5	Бичурский район	180
6	Джидинский район	98
7	Еравненский район	40
8	Заиграевский район	155
9	Закаменский район	158
10	Иволгинский район	78
11	Кабанский район	150
12	Кижингинский район	72
13	Курумканский район	76
14	Кяхтинский район	108
15	Муйский район	10
16	Мухоршибирский район	133
17	Окинский район	34
18	Прибайкальский район	109

16. Данные по муниципальным районам и городским округам предоставлены ответственными по ТОС в муниципалитетах республики по запросу КТР в рамках нашего исследования 2021 г.

19	Северо-Байкальский район	67
20	Селенгинский район	150
21	Тарбагатайский район	212
22	Тункинский район	116
23	Хоринский район	99
24	Итого	2265

Необходимо помнить, что в Улан-Удэ и поселениях Бурятии, где распространена многоквартирная застройка, ТОСы выполняют функции, схожие с теми, что закреплены за товариществами собственников жилья (ТСЖ) и управляющими компаниями (УК). Однако в ситуации, когда государственная поддержка ТОСов, зарегистрированных как НКО, растет, они получают дополнительные преимущества перед ТСЖ и УК. Растет значимость ТОС как инструмента для решения вопросов благоустройства территории. К тому же ТОС могут быть созданы в пределах ТСЖ и дублировать эту структуру. Надо сказать, что в структуре ТОС Улан-Удэ сравнительно немного тех, что созданы в многоквартирных, многоэтажных домах. Преимущественно они создавались на территориях частного сектора — так называемых «отдаленных микрорайонов» Улан-Удэ. Соответственно, массивы многоэтажной жилой застройки, управлением которых в основном занимаются управляющие компании, не вовлечены пока в систему ТОС. Причины этого явления понятны — гражданам проще пока делегировать эту работу управляющим компаниям.

Для Улан-Удэ и его пригородной зоны актуальным вопросом остается включение в систему ТОС советских и постсоветских дачных и садовых кооперативов (ДНТ и СНТ), многие из которых, скажем прямо, уже давно перестроены в микрорайоны для круглогодичного проживания. Это касается как городских, так и пригородных ДНТ, часть из которых изначально были застроены самовольно (в 1990–2000-е), а впоследствии были легализованы в форме ДНТ. На этих территориях существуют множественные инженерно-бытовые проблемы (Бреславский, 2014), которые в текущей ситуации могут быть решены только путем кооперации местных жителей, в частности в форме ТОС.

Средой организационных основ деятельности ТОС важнейшее место должна занять профессиональная подготовка и поддержка руководителей и членов их активов. Лидеры ТОС-движения республики постепенно нарабатывают организационный, управленческий опыт, включаются в практику муниципального управления, получают широкое представление о муниципальных финансах. Все это создает основы для их профессионального роста уже в официальной системе местного самоуправления (в администрациях

районов, поселений). В отдельных случаях лидеры ТОСов, занявшись публичной политикой, становятся политическими конкурентами муниципальной власти на местах. Это явление имеет место в республике, оно вполне естественно и способствует формированию конкурентной среды во время избирательных кампаний. Важно в этой связи избегать конфронтации между главами поселений и лидерами ТОСов, возрастающий авторитет которых в отдельных немногочисленных случаях вызывает чувство опасения у официальной поселковой власти. Как альтернатива — лидеры ТОС могут становиться депутатами различного уровня. В проекте Стратегии развития ТОС в РФ до 2030 года этот тезис обозначен так: «Самые активные и квалифицированные организаторы, успешно проявившие себя в деле развития ТОС, заслужившие авторитет и доверие жителей, должны обязательно участвовать в выборах и становиться депутатами различного уровня. Тем самым они получают возможность напрямую участвовать в распределении бюджетных средств и их привлечению на территорию конкретного ТОСа в рамках реализации государственных и муниципальных программ, а также комплексных планов развития территорий»¹⁷.

Те, кто работает с ТОСами на местах, знают, как важно бывает оказать лидерам моральную, психологическую поддержку, поскольку эта работа пусть и приносит удовлетворение от итогов совместной деятельности, признание и уважение со стороны жителей, но требует серьезных моральных, эмоциональных «вложений», сил, времени и труда. В республике и на уровне муниципалитетов действуют разные меры моральной поддержки лидеров ТОС: это благодарственные письма, почетные грамоты Администрации Главы РБ и Правительства РБ, администраций муниципальных образований, Народного Хурала РБ, отдельных министерств правительства республики, Советов депутатов разного уровня, нагрудные знаки, в т.ч. нагрудный знак «Лидер ТОС в Республике Бурятия»¹⁸. Члены ТОС входят в состав общественных и координационных советов. Важно развивать на республиканском уровне и другие меры моральной и материальной поддержки: премии и дипломы по итогам деятельности, возможности бесплатного дополнительного образования и повышения квалификации. С организационной точки зрения не решенным во многих случаях остается вопрос о помещениях для работы ТОС в поселениях (особенно в зимний период), обеспеченность оргтехникой и пр.

Важнейшая задача, которую еще предстоит решить в большинстве как городских, так и сельских муниципалитетов Бурятии, — раз-

17. Стратегия развития ТОС в РФ до 2030 г. (проект). URL: <https://www.oatos.ru/tos-инициатива/tos-iniciativy/proekt-strategii-tos-do-2030-goda> (дата доступа: 05.04.2021).

18. Указ Главы Республики Бурятия от 6 марта 2020 г. № 33 «Об учреждении нагрудного знака «Лидер ТОС в Республике Бурятия»».

витие тесных партнерских связей между ТОСами и предпринимательскими сообществами на местах. Эта деятельность сейчас имеет локальный характер и связана в основном отношениями спонсорства, не всегда выгодными для бизнеса. Предпочтительной видится ситуация, когда возможна взаимная поддержка между ТОСами и предпринимателями. Ее формы могут быть разными. И о них необходимо договариваться на специальных встречах. То же следует сказать и в отношении работы ТОСов с другими некоммерческими организациями, которые часто выполняют схожие функции, важные для локальных сообществ. Идеальной видится ситуация, когда на уровне сельских/городских или районных администраций (не обязательно в структуре органов МСУ) создается совещательный орган или совет, на встречах которого лидеры ТОС, представители муниципальной исполнительной и представительной власти, учреждений социальной сферы, местного бизнеса, НКО могут обсуждать вопросы развития локальных территорий. При этом повестку для этих встреч могут формировать все участники этих объединений.

Еще одна задача — планомерная работа со СМИ (подготовка пресс-релизов) по презентации положительного опыта работы ТОС и тех возможностей, которые они дают муниципалитетам. Отдельные мероприятия в этом направлении проводились, и весьма успешно. Благодаря этому мы узнали из СМИ о деятельности конкретных ТОС Бурятии и о работе всей системы в целом. В то же время, учитывая рост активности ТОС в масштабах республики, представляется возможным освещать их деятельность регулярно на основных региональных и федеральных каналах, в печатных и электронных СМИ, а главное, на информационном портале ТОС РБ (tosburjatiya.rf).

Для понимания текущих потребностей и запросов ТОСов на местах, значимых для региональной системы ТОС в целом, полезным могло бы стать научное сопровождение процессов развития ТОС, в частности регулярные социологические исследования, выполненные профессиональными специалистами. Сбор количественных, статистических данных, анализ их динамики позволил бы создать научно обоснованную базу для принятия управленческих решений в этой отрасли. Учитывая 10-летний опыт организации системы ТОС РБ, назрела необходимость содержательной дискуссии, к примеру, в рамках научно-практической конференции, посвященной вопросам взаимодействия органов МСУ, республиканской власти, бизнеса, НКО и ТОСов Бурятии.

Важнейшим условием развития сети ТОС в республике остается реализация таких принципов управления, как открытость, гласность, «прозрачность», справедливость механизмов поддержки. Нельзя допустить, чтобы общественное доверие, постепенно формирующееся к институту ТОС в Бурятии, было подорвано недобросовестными действиями отдельных представителей власти или самих лидеров ТОС.

Перед ТОСами и органами государственной и муниципальной власти, которые с ними работают, стоят и другие важные задачи: расширение мер поддержки ТОС, в том числе с учетом форм и механизмов, предусмотренных для социально ориентированных некоммерческих организаций — исполнителей общественно полезных услуг; разработка и продвижение проектов республиканских и муниципальных целевых программ развития ТОС; расширение участия граждан в принятии органами исполнительной власти решений в области градостроительной деятельности; организация обмена опытом между муниципальными районами и городскими округами, знакомство с опытом других регионов и пр.

Заключение

ТОСы Бурятии — один из реально действующих механизмов формирования культуры гражданского общества в республике, связанный с осознанным отношением к месту своего проживания и ответственностью за его развитие (и речь здесь может идти даже не о поселении в целом, а о конкретной улице в селе или городском многоквартирном доме). ТОСы развивают отношения добрососедства, коллективную общественную активность. Вместе с добровольческими, благотворительными организациями, социально ориентированными НКО они формируют современное гражданское общество в Республике Бурятия.

В целом высоко оценивая успехи региона в развитии системы ТОС, надо признать, что добиться сохранения положительной динамики в будущем будет все сложнее, как с организационной, так и с финансовой точки зрения. По мере роста числа ТОС, охвата ими территории Бурятии, будет возрастать нагрузка на профильные органы (ответственных специалистов) муниципальной и региональной власти. Будет расти число граждан — лидеров ТОС, которым необходимо будет предоставить возможности для повышения квалификации. Вероятно, возрастет число заявок на республиканский конкурс «Лучшее ТОС», что потребует повышения объемов субсидий из республиканского бюджета. Развитие практики грантовой поддержки ТОСов как некоммерческих организаций потребует дополнительных усилий по юридическому сопровождению деятельности региональных ТОС. Подготовка к включению в общенациональную ассоциацию ТОС поставит вопрос о создании республиканской ассоциации ТОС, а прежде — и районных ассоциаций. Все более актуальным становится вопрос о разработке Стратегии развития ТОС в Республике Бурятия на среднесрочную перспективу, вопрос о поддержке кадрового потенциала ТОС на местах, о научном и ведомственном мониторинге системы, о снижении диспропорций в развитии сети городских и сельских ТОС, развитии партнерских отношений ТОСов, бизнеса, органов госу-

дарственной и муниципальной власти. И от того, насколько качественно и своевременно эти вопросы будут разрешены, и будет зависеть, сможет ли система ТОС Бурятии перейти на новый уровень организационного роста.

Библиография

- Базаров А.Ц. (2010). Становление института местного самоуправления на современном этапе развития российского общества (на материалах Республики Бурятия). Дисс. ... канд. соц. наук. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет.
- Брагин А.Ф. (2018). Итоги Всероссийского конкурса лучших практик открытости госуправления: доклад 26 апреля 2018 г. URL: <https://www.rst.gov.ru/documentManager/rest/file/load/4547741727820> (дата доступа: 06.04.2021).
- Бреславский А.С. (2014). Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период / Науч. ред. М.Н. Балдано. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Бреславский А.С., Скворцова Ю.П. (2021). Территориальное общественное самоуправление в Республике Бурятия: опыт реализации гражданских инициатив в 2010-е годы / Науч. ред. М.Н. Балдано. Иркутск: Оттиск.
- Наговицын В.В. (2018). Наши люди легки на подъем // Самоуправление. № 4. С. 14–17.
- Петрова Е.В. (2014). Местное самоуправление Республики Бурятия в процессе реформирования: проблемы функционирования и развития (на материалах социологических исследований) / Отв. ред. С.П. Татарова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета.
- Протасов А.Е., Тулохонов О.С. (2016). Территориальное общественное самоуправление в Республике Бурятия: проблемы и пути их решения // Вестник ВСГУТУ. № 4(61). С. 122–128.
- Тулохонов О.С., Базаров А.Ц. (2013). Развитие территориального общественного самоуправления в Республике Бурятия: состояние и основные этапы // Вопросы региональной экономики. Т. 14. № 1. С. 110–113.
- Тулохонов О.С. (2015). Территориальные общественные самоуправления Республики Бурятия: количественный и качественный состав // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 2(3). С. 38–43.
- Тулохонов О.С. (2016). Факторы развития территориального общественного самоуправления Республики Бурятия // Дискуссия. № 1. С. 112–119.
- Тулохонов О.С. (2019). Рейтинговая оценка лучших территориальных общественных самоуправлений в сельских и городских поселениях Республики Бурятия // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. № 1. С. 49–53.
- Шугрина Е.С., Иванова К.А. (2018). О состоянии территориального общественного самоуправления в Российской Федерации (к 30-летию первых российских ТОС). Спец-доклад. М.: Проспект.

Territorial public self-government in contemporary Buryatia: Factors of sustainable development

Anatoly S. Breslavsky, PhD (History), Senior Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 670047, Ulan-Ude, Sakhyanovoy St., 6. E-mail: breslavsky@imb.ru

Abstract. The author presents the main quantitative and qualitative results of the territorial public self-government (TPSG) development in the Republic of Buryatia. In 2020, Buryatia took the second place in the number of TPSG in Russia due to the efforts of regional and municipal authorities and to the grassroots initiatives. In the 2010s, the extensive measures of material, organizational and methodological support for TPSG were implemented. In 2018, the regional law on TPSG support was adopted, the TPSG Support Resource Center has been operating since 2019, the Best TPSG competition has been held annually since 2012, and the number of its participants was more than 1000 in 2020. The total number of TPSGs in Buryatia increased from 18 to 2265 in the 2010s. They implement projects in landscaping, construction and repair of social-cultural and engineering facilities, organize sport, cultural and other events. According to the results of the research conducted in February-March 2021 (interviews, collection and analysis of 420 forms on TPSG practices in municipal and urban districts), Buryatia needs a number of organizational measures for the sustainable development of TPSG system in the near future, a strategy for the mid-term development of TPSGs, measures to ensure the social potential of TPSGs in local settlements, scientific and managerial monitoring of the TPSG system, a data archive, development of TPSGs as NGOs, LLCs and other forms, creation and support of a network of TPSG associations in municipal and urban districts, reduction of disparities in the development of urban and rural TPSGs networks, development of TPSGs and business partnerships, and so on.

Key words: territorial public self-government, Russia, Republic of Buryatia, local self-government, civil initiatives

References

- Bazarov A.K. (2010) *Stanovlenie instituta mestnogo samoupravleniya na sovremennom etape razvitiya rossijskogo obshhestva (na materialah Respubliki Burjatija)* [Development of the Local Self-Government at the Present Stage of the Russian Society Evolution (Based on the Data from the Republic of Buryatia)]. Ulan-Ude: Izdatelstvo Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Bragin A.F. (2018) *Itogi vserossiyskogo konkursa luchshih praktik otkrytosti gosupravleniya: doklad 26 aprelya 2018 g.* [Results of the All-Russian Competition for the Best Practices of Openness in Public Administration: Report on April 26]. <https://www.rst.gov.ru/documentManager/rest/file/load/1547741727820>.
- Breslavsky A.S. (2014) *Nezaplanirovannye prigorody: selsko-gorodskaya migratsiya i rost Ulan-Ude v postsovetsky period* [Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and the Growth of Ulan-Ude in the Post-Soviet Period]. Ulan-Ude: Izdatelstvo BNC SO RAN.
- Breslavsky A.S., Skvortsova Ju.P. (2021) *Territorialnoe obshhestvennoe samoupravlenie v Respublike Burjatija: opyt realizatsii grazhdanskikh initsiativ v 2010-e gody* [Territorial Public Self-Government in the Republic of Buryatia: Civil Initiatives in the 2010s]. Irkutsk: Izdatelstvo "Ottisk".
- Nagovitsyn V.V. (2018) *Nashi ljudi legki na podem* [Our people are ready and willing]. *Samoupravlenie*, no 4, pp. 14–17.
- Petrova E.V. (2014) *Mestnoe samoupravlenie Respubliki Burjatija v protsesse reformirovaniya: problemy funktsionirovaniya i razvitiya (na materialah sotsiologicheskikh issledovaniy)* [Local Self-Government in the Republic of Buryatia under Reforms: Issues of Functioning and Development (Based on the Data of the Sociological Research)]. Ulan-Ude: Izdatelstvo Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Protasov A.E., Tulokhonov O.S. (2016) *Territorialnoe obshhestvennoe samoupravlenie v Respublike Burjatija: problemy i puti ikh resheniya* [Territorial public self-government in

- the Republic of Buryatia: Challenges and solutions], *Vestnik VSGUTU*, no 4, pp. 122–128.
- Tulokhonov O.S., Bazarov A.C. (2013) Razvitie territorialnogo obshhestvennogo samoupravleniya v Respublike Burjatija: sostoyanie i osnovnye etapy [Development of the territorial public self-government in the Republic of Buryatia: The current state and main stages]. *Voprosy regionalnoj ekonomiki*, vol. 14, no 1, pp. 110–113.
- Tulokhonov O.S. (2015) Territorialnye obshhestvennye samoupravlenija Respubliki Burjatija: kolichestvenny i kachestvenny sostav [Territorial self-governments of the Republic of Buryatia: qualitative and quantitative dimensions]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 2, pp. 38–43.
- Tulokhonov O.S. (2016) Faktory razvitiya territorialnogo obshhestvennogo samoupravlenija Respubliki Burjatija [Factors of the development of the territorial self-government in the Republic of Buryatia]. *Diskussija*, no 1, pp. 112–119.
- Tulokhonov O.S. (2019) Rejtingovaya otsenka luchshikh territorialnykh obshhestvennykh samoupravlenij v selskikh i gorodskikh poselenijakh Respubliki Burjatija [Ranking of the territorial public self-governments in rural and urban settlements of the Republic of Buryatia], *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika i menedgment*, no 1, pp. 49–53.
- Shugrina E.S., Ivanova K.A. (2018) O sostoyanii territorialnogo obshhestvennogo samoupravleniya v Rossijskoj Federatsii (k 30-letiyu pervykh rossijskikh TOS). *Spetsdoklad* [On the State of Territorial Public Self-Government in the Russian Federation (to the 30th Anniversary of the First Russian TPSG): Special Report]. Moscow: Prospekt.

Миграции населения как основной фактор трансформации системы расселения Крымского полуострова¹

Т.Ю. Гусаков

Тимур Юрьевич Гусаков, младший научный сотрудник Центра аграрных исследований, научный сотрудник Центра перспективных социологических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, аспирант географического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: gusakov.timur@mail.ru

Аннотация. На протяжении многих столетий население неустанно перемещается с места на место по самым разнообразным причинам. Благодаря этому практически вся поверхность суши имеет постоянных (либо временных) жителей. Из-за этих перемещений появляются и исчезают населенные пункты: стойбища, аулы, села, местечки, города, мегалополисы и пр. В свою очередь, это формирует систему расселения определенной территории, которая постепенно трансформируется. А поскольку каждая территория имеет свои особенности социально-экономического развития, то и расселение в пространстве сильно различается. В этой статье рассматривается эволюция расселения Крымского полуострова в контексте влияния на него миграции населения. Система расселения сопоставляется и анализируется с помощью моделей поселенческой сети за разные годы, что позволяет выявить степень воздействия на нее миграционных процессов на различных этапах исторического развития. За последние 250 лет система расселения Крымского полуострова подверглась значительным изменениям: из мелкоселенного с очаговым животноводством она трансформировалась в среднеселенное, а местами и крупноселенное. Нами выделены основные этапы трансформации поселенческой сети Крымского полуострова и проанализированы траектории развития отдельных групп населенных пунктов.

Ключевые слова: география сельской местности, миграции населения, сельская местность, расселение, сельское расселение, поселенческая сеть, геоинформационные системы

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-2-99-120

Масштабность и стремительность некоторых миграционных волн имели важное значение для определения характера процессов социального и экономического развития Крыма (Гусаков, 2019). К ним в разное время относились: изменение этнического и конфессионального состава населения, социальной стратификации, хозяйственной специализации отдельных территорий, плотности населения, систе-

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

мы расселения как в целом, так и отдельных районов полуострова. На процессе изменения системы расселения под влиянием механического движения населения необходимо остановиться более подробно.

Рис. 1. Крупнейшие греческие города-колонии на Крымском полуострове

Существует множество толкований понятий «расселение» и «система расселения» (Ковалев..., 1980: 148–149). В статье мы будем исходить из следующих классических трактовок:

— *расселение* — это совокупность населенных пунктов и других форм постоянного или временного проживания населения, имеющих необходимые для жизнедеятельности здания и сооружения;

— *система расселения* — это территориально целостная и функционально взаимосвязанная совокупность поселений, сложившаяся под влиянием развития хозяйства, инфраструктуры и системы обслуживания в рамках поселенческих сетей.

На Крымском полуострове первые поселения возникли еще в VII в. до н.э. с приходом скифских племен. Сменявшиеся поочередно народы-владельцы вносили свою лепту в формирование поселенческой сети полуострова. Во внутренних районах до прихода монголо-татарских племен сохранялись автохтонные культуры тавров, скифов, сарматов, аланов и готов. Древние греки и римляне (генуэзцы) основали цепь городов-крепостей на Черноморском побережье — Пантикапей (совр. Керчь), Керкинитида (совр. Евпатория), Калос-Лимен (совр. пгт Черноморское), Херсонес (территория совр. Севастополя), Алустон (совр. Алустта), Гурзуф, Феодосия, Неаполь Скифский (совр. Симферополь)², Судак и др.

2. В глубине Крымского полуострова.

Крымские татары, образовавшие на территории Крымского полуострова национальное государство — Крымское ханство, основали Ор-Капу (северная окраина совр. Армянска), Солхат (совр. Старый Крым) и Бахчисарай, выполнявшие в разные исторические периоды столичные функции. После 1783 года российским правительством были основаны — Симферополь, Севастополь, а в советское время — города Джанкой, Краснопереконск и Саки.

Первые подобные современным сельские поселения появились уже после захвата полуострова татаро-монгольскими племенами и их седентаризации в XV–XVI веках. Если для греков и римлян поселения выполняли прежде всего торговую функцию, то для татар-скотоводов было актуально проживание в глубине полуострова вблизи к источникам кормовой базы — пастбищам. С этого момента во внутренних районах Крыма формируется поселенческая сеть в связке с цепочкой городов-портов, расположенных на побережье.

Проанализировав эволюцию поселенческой сети Крыма в период с конца XVIII до начала XXI века, можно выделить следующие основные факторы размещения населенных пунктов в регионе:

— природная (у водоемов и водотоков — например, поселения по берегам реки Салгир: Альма, Бельбек, Бурульча, Мокрый Индол и др.);

— торговая (в портах, местах крупных ярмарок — например, г. Армянск);

— хозяйственная (при крупных хозяйственных объектах, например, села — бывш. отделения Симферопольского зерносовхоза, г. Краснопереконск);

— транспортная (в местах пересечения важных транспортных путей — например, г. Джанкой, пгт Владиславовка, пгт Гвардейское);

— административная (на земле, выделенной правительством или по распоряжению землевладельцев, — например, с. Мазанки, с. Ленинское Красногвардейского р-на);

— рекреационная (при крупных рекреационных комплексах — пгт Курпаты, пгт Заозерный);

— «самозахват» (на «свободных» землях бывших сельхозпредприятий — массив Мамут-Султан Симферопольского района).

Но причины и собственно факт основания населенного пункта не обеспечивают перспективы его существования и не определяют тенденции последующего развития. Важно рассмотрение факторов, оказывающих влияние на развитие поселенческой сети региона. Причем эти факторы более значимы не только для конкретного населенного пункта, но и для всей поселенческой сети в целом. Подобных факторов большое количество, перечислим лишь основные из них:

— миграционный (всплеск миграционной активности);

- экономический (изменение экономической ситуации в отдельных районах и в регионе в целом);
- военные действия (разрушение вследствие военных операций);
- инфраструктурный (строительство или преобразования инфраструктурных объектов);
- институциональный (влияние изменения формальных либо неформальных институтов);
- административный (воздействие мер политики государства и органов местной власти);
- природный (обмеление водоемов и водотоков, землетрясения, оползни, сели и другие изменения природы) и др.

Заметим, что многие факторы «преследуют» населенные пункты как в момент их основания, так и на протяжении всего существования. Рассмотрим миграционный фактор, как наиболее влиятельный для эволюции поселенческой сети полуострова, более предметно. Для этого были взяты доступные перечни населенных пунктов с их численностью населения из материалов переписей населения, проведенных на территории Крыма в 1926, 1989, 2001 и 2014 годах. Данные дополнены статистическими материалами, опубликованными в 1805, 1864, 1892 и 1915 годах.

Неточности в написании наименований и переименование населенных пунктов были большой проблемой при сопоставлении и верификации населенных пунктов, но эту проблему удалось решить с помощью привлечения исторических географических карт местности, привязанных к географической системе координат с помощью программного обеспечения QGIS. Для каждого населенного пункта определялись географические координаты, при помощи которых удалось проследить трансформацию названия каждого населенного пункта. Например, село Удачное именовалось так в материалах за 1989, 2001 и 2014 год, в 1805 году оно записано как Ишунь, в 1864 и 1892 годах — Эсен-Бак-Ишунь, в 1915-м — Люстихсталь, а в 1926-м — Ишунь-Эсенбак.

На момент присоединения территории Крымского полуострова в 1783 году сохранилась система расселения, сформированная во времена Крымского ханства. Неприятие вхождения в состав России со стороны местного населения, последующие социально-экономические преобразования и эпидемии болезней вносили изменения в систему расселения, не нарушая ее конфигурацию. Вызванная кризисом государственности эмиграция крымскотатарского населения не только из городов, но из сельской местности послужила сокращению общей численности населения и сжатию населенных пунктов.

На момент статистического среза 1805 года на полуострове преобладали населенные пункты с численностью менее 100 человек (54,6% от общей совокупности), рассеянные равномерно по территории равнинной части Крыма (Лашков, 1897). Наблюдалось сгущение поселенческой сети в предгорной зоне и ее разреженность на южном

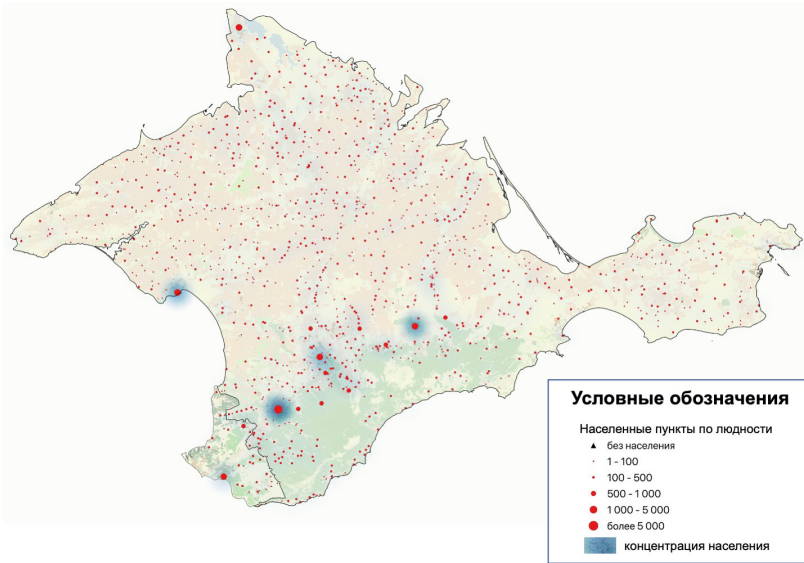

Рис. 2. Схема расположения и численность населения населенных пунктов на Крымском полуострове в 1805 году

Источники: Лашков, 1897; Военная..., 1817

склоне Крымских гор, что обусловлено принудительным переселением крымских татар, предпринятым российским правительством в стратегических целях. Города Крыма также были немногочисленны: в Бахчисарае проживало — 5574 чел., в Карасубазаре (современный Белогорск) — 3936 чел., в Евпатории — 3875 чел., в Балаклаве — 1996 чел., в Симферополе — 1937 чел. и в Перекопе — 1059 чел.

Население полуострова на тот момент составляло 159 393 человека, в основном крымских татар (около 90%) и небольшого количества цыган и ясырь³. Ввиду незначительности миграции русского населения и расквартирования некоторых войск было основано несколько новых населенных пунктов с русским населением, а также стратегические города — Симферополь как административный центр региона и Севастополь как военный форпост.

В начале XIX века на полуострове развернута программа правительства по приглашению переселенцев из других государств («иностранных колонистов») для заполнения пустошей и разоренных населенных пунктов после переселения крымских татар в конце XVIII века. На Военной топографической карте полуострова Крым (Военная..., 1817), составленной генерал-майором Мухиным, заметно большое количество разоренных («пустующих») населен-

3. Ясырь — потомки русского населения, взятого в плен войсками Крымского ханства во время набегов на оседлые поселения соседних государств (Московское царство, Речь Посполитая, Валахия, Молдавия).

ных пунктов, преимущественно в равнинной части Крыма. Таким образом, первоочередными задачами государственной политики начала XIX века стали сохранение существующей поселенческой сети и снижение доли крымскотатарского населения. Здесь присутствует некоторое противоречие, поскольку в сельской местности проживали исключительно крымские татары.

В первой половине XIX века на полуострове из-за притока новых поселенцев возникают новые типы поселений: дачи, усадьбы (имения), экономии — на владениях состоятельных гражданских и военных чиновников, а колонии — на землях, предоставляемых иностранным поселенцам. Поселения появлялись преимущественно в районах предгорий и Южного берега Крыма с более комфортными природно-климатическими условиями для рекреационных и хозяйственных нужд.

На протяжении XIX века происходит стремительный рост населения городов, который был обусловлен развитием промышленного производства (Секиринский, 1961: 169–184). Сельские территории периодически депопулировали. Трансформация хозяйственной специализации и волны непрекращающейся крымскотатарской эмиграции в Османскую империю способствовали стремительному разрушению сложившейся поселенческой сети и медленному формированию новой на ее в прямом смысле слова руинах. Это связано с тем, что часто колонисты размещались в поселениях, годом ранее покинутых крымскими татарами.

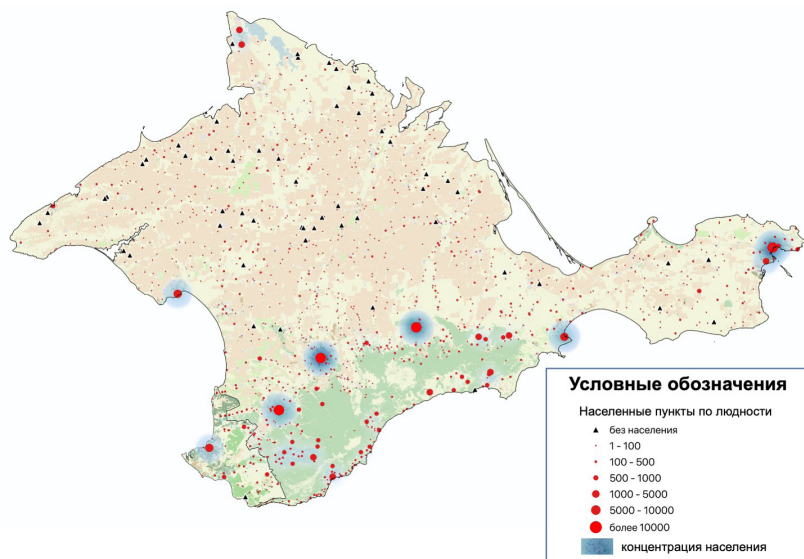

Рис. 3. Схема расположения и численность населения населенных пунктов на Крымском полуострове в 1864 году

Источники: Таврическая..., 1865; Карта..., 1862

Наиболее масштабное сжатие системы расселения полуострова произошло в первой половине 1860-х годов при одновременном исходе более 180 тыс. крымских татар из степных уездов Крымского полуострова. В период с 1860 по 1864 год в Перекопском уезде было покинуто 278 аулов и деревень, из которых только 34 восстановлено переселенцами, в Симферопольском уезде покинуто полностью и не восстановлены 18 деревень, частично — 128, в Феодосийском уезде 14 аулов опустели, в 53 — были переселенцы из российских и малороссийских губерний, северных уездов Таврической губернии и «десятинщики»⁴, а в Евпаторийском уезде разорены 39 населенных пунктов (Список..., 1867).

Таким образом, поселенческая сеть полуострова была сильно повреждена из-за эмиграции крымскотатарского населения. Были разрушены 315 населенных пунктов, что составляло около четверти всех поселений Крыма. Население начинает концентрироваться в городах и предгорной зоне полуострова, менее всего пострадавших от эмиграции, где преобладали населенные пункты более 500 человек, в то время как в степной зоне были распространены мелкие и компактные поселения с населением менее 100 человек, а также более населенные волостные центры и локальные центры формировавшихся этнических диаспор (немецкой, болгарской, эстонской, чешской).

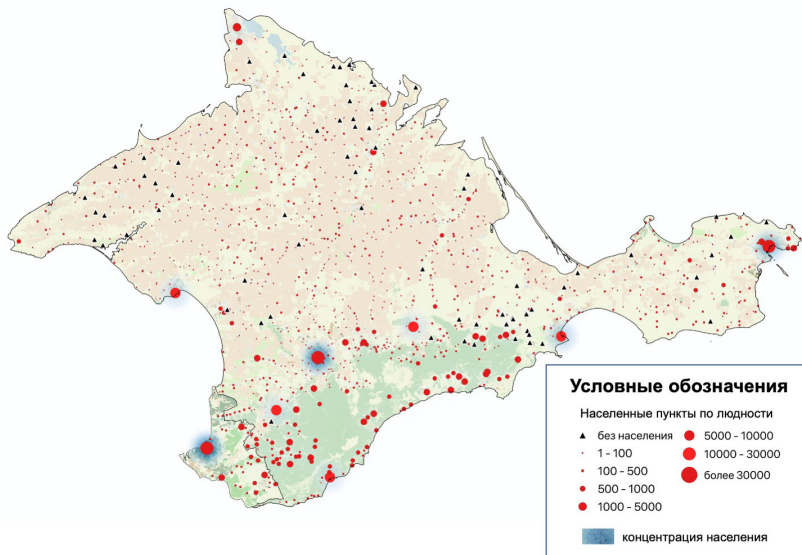

Рис. 4. Схема расположения и численность населения населенных пунктов на Крымском полуострове в 1892 году

Источники: Календарь..., 1892; Карта..., 1862

4. Согласно Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, «десятинщик — в Южной России съёмщик земли не за денежную плату, а часть урожая».

Результатом активного миграционного движения населения и преобразования поселенческой сети на полуострове стала необходимость проведения четырех административно-территориальных реформ.

Первая административная реформа 1802 года последовала сразу за образованием Таврической губернии и упразднением административно-территориальных единиц Крымского ханства. Территория полуострова была поделена на 4 уезда (Памятная..., 1867: 155) и 2 градоначальства (в 1838 году южнобережные районы Симферопольского уезда выделены в отдельный Ялтинский уезд). Уезды, в свою очередь, были поделены на 27 волостей.

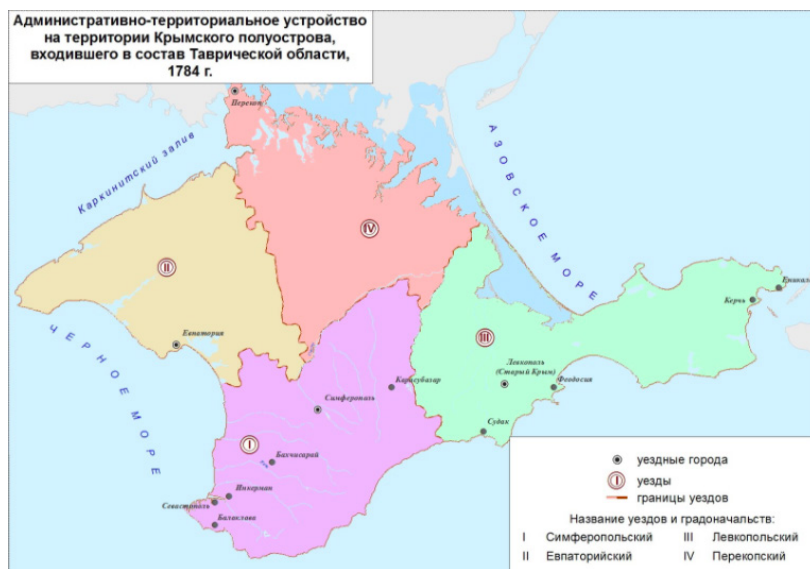

Рис. 5. Схема административно-территориального деления Таврической области на 1784 год (Изменение..., 2020)

Второй пересмотр внутриуездного деления произошел в 1829 году, но существенных изменений внесено не было: часть волостей сменили административные центры и наименования, но границы остались прежними. Третья реформа приходится на начало 1860-х годов и связана с Земской реформой Александра II. Была учтена пространственная неравномерность плотности населения: в густонаселенной предгорной местности волости были более дробные, а в разреженных степных территориях волости укрупнены.

Последняя реформа административно-территориального деления времен Российской империи была проведена в начале 1890-х годов как следствие Земской реформы Александра III. Миграционный приток русского крестьянства и иностранных колонистов

в районы исхода крымских татар привел к формированию серии этнических сетей расселения — русской, немецкой, болгарской, и сжатию крымскотатарской, эти сети накладывались друг на друга. В результате этого волости повсеместно стали более многолюдными, а потому в 1890-х годах они были разукрупнены: вместо 27 образовано 34 волости. Строительство железной дороги и трансформация хозяйственного комплекса предполагали пересмотр уездного деления, но до конца 1910-х годов это так и не было сделано.

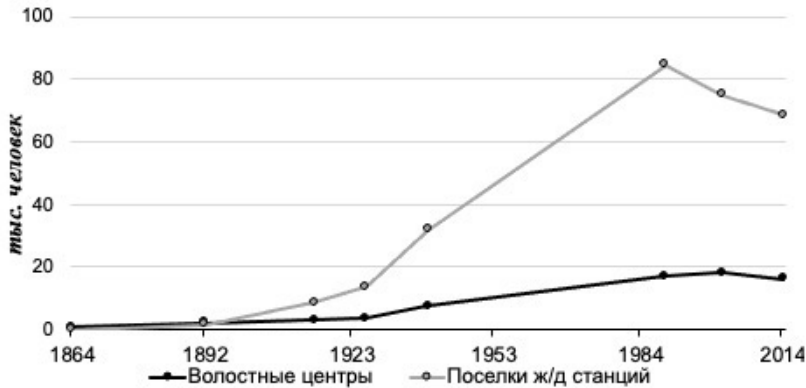

Рис. 6. Динамика численности волостных центров и поселков при железнодорожных станциях бывшего Перекопского уезда Таврической губернии
Источники: Таврическая..., 1865; Календарь..., 1892; Статистический..., 1915; Список..., 1927; материалы Переписей населения 1989, 2001 и 2014 гг.

Важное событие для процесса трансформации поселенческой сети Крыма произошло в 1874 году — строительство и открытие движения по Лозово-Севастопольской железной дороге способствовало появлению на территории региона новых типов поселений: железнодорожных станций, полустанков и железнодорожных будок. С началом функционирования железнодорожной линии она стала основным способом миграции населения из и в регион, а также внутри Крыма (между городами и сельской местностью).

Железнодорожные станции постепенно превращались в локальные центры развития торговли и сферы обслуживания, стягивая население из более удаленных мест — волостных центров. Например, мелкие поселки при железнодорожных станциях Джанкой, Курман-Кемельчи, Биюк-Онлар, Сарабуз в XX веке разрослись и были преобразованы в г. Джанкой, пгт Красногвардейское, пгт Октябрьское и пгт Гвардейское соответственно. А волостные центры, находившиеся в стороне от железнодорожной линии, Ак-Шеих, Бютень, Кокей, Тотанай в современности либо исчезли, либо превратились в мелкие депрессивные населенные пункты.

Железная дорога стала драйвером развития территорий, покрыв значительную часть полуострова: в 1874 году открыт участок Таганаш (совр. с. Солёное Озеро Джанкойского района) — Симферополь, в 1875-м — Симферополь — Бахчисарай — Севастополь, в 1892-м — Джанкой — Владиславовка — Феодосия, в 1900-м — Владиславовка — Керчь, в 1915-м — Сарабуз — Евпатория, и в 1920 году — Джанкой — Армянский Базар (совр. г. Армянск). При этом ее значение сохраняется и поныне, так, удаленные от железных дорог города Старый Крым, Белогорск и Щёлкино уступают по уровню социально-экономического развития и стремительней депопулируют, чем поселки городского типа при железнодорожных станциях.

Функционирование железной дороги как основной транспортной артерии за несколько десятилетий запустило необратимый процесс трансформации регионального расселения. Наиболее заметно это проявлялось в степной зоне, где архаичное административно-территориальное деление все отчетливей не соответствовало развитию хозяйства и инфраструктуры местности.

Например, г. Перекоп лишь формально оставался городом и центром Перекопского уезда из-за находившейся там администрации, тогда как центрами экономического развития стали другие поселения. Его удаленность от транспортных артерий (периферийность) способствовала экономическому упадку и депопуляции, поэтому Перекоп не был восстановлен после разрушения жилого фонда в результате военных операций времен Гражданской войны. Построенный как оборонительная крепость в XV веке, город в начале XX века окончательно потерял какое-либо значение для социально-экономического развития местности и передал свои функции соседнему поселению Армянский Базар (совр. Армянск).

В начале XX века окончательно сформировалась поселенческая сеть, в которой основной этнической группой населения региона являлись русские. Она обладала большей устойчивостью, чем столетие назад, когда в ней преобладали крымские татары. Последние до 1920 года продолжали медленно мигрировать в Османскую империю, навсегда покидая районы своего традиционного расселения. Хотя средняя численность населенного пункта с 1805 года выросла до 368,8 чел., но на Крымском полуострове все же преобладало мелкоселенное расселение с дисперсно распределенными поселениями по всей территории.

Трансформация государственного строя и создание Союза Советских Социалистических Республик послужило толчком к переменам социально-экономического развития Крымского полуострова. Создание Крымской АССР и определенная государственная политика привели к ряду административно-территориальных преобразований 1920-х годов. Но основные перемены поселенческой сети произошли в правовом поле: отмена права частной собствен-

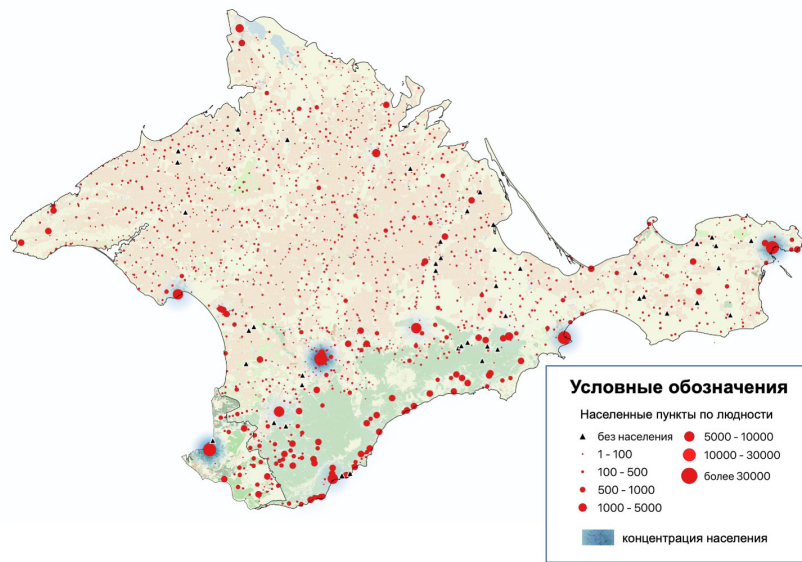

Рис. 7. Схема расположения и численность населения населенных пунктов на Крымском полуострове в 1915 году

Источники: Статистический..., 1915; Карта..., 1932; Карта..., 1924

ности — экспроприация и упразднение экономий, имений, частных усадеб, вакуфных земель и коллективизация.

Изменилась и система статистического учета населения и населенных пунктов, чем объясняется столь существенная разница между данными 1915 и 1926 годов: число населенных пунктов выросло с 1822 до 2226 соответственно. Введение прописки и наделение населения земельными участками позволили воспроизвести реальную картину размещения населения по территории полуострова. Отдельные домовладения (хуторские поселения) и хозяйственные постройки были отсоединены от «родительских» населенных пунктов и стали самостоятельными поселениями. В данном случае миграционное движение населения не имело существенного значения для сельской местности.

Серьезное влияние оказали голод 1921–1923 годов и эпидемии болезней, спровоцировавшие сокращение численности населения и миграции в города. Последние переживали стадию индустриального развития (строительство завода в районе железнодорожной станции Пятиозерная г. Красноперекопска, горно-обогатительного комбината в г. Керчь, развитие соляных промыслов оз. Сасык-Сиваш и пр.).

После установления советской власти была запущена социально-экономическая и институциональная перестройка бывшей Российской империи (за исключением части потерянных западных территорий). Этот процесс нашел отражение в изменении систе-

мы расселения. Форсированное формирование коллективных хозяйств вызвало возникновение новых населенных пунктов — совхозов, отделений крупных региональных сельскохозяйственных предприятий на базе бывших частных владений и отдельных хозяйственных построек, баз отдыха в южнобережных районах Крыма.

В межвоенный период миграционное движение населения не оказывало существенного влияния, кроме одного довольно весомого события — «аграризации» еврейского населения Советского государства.

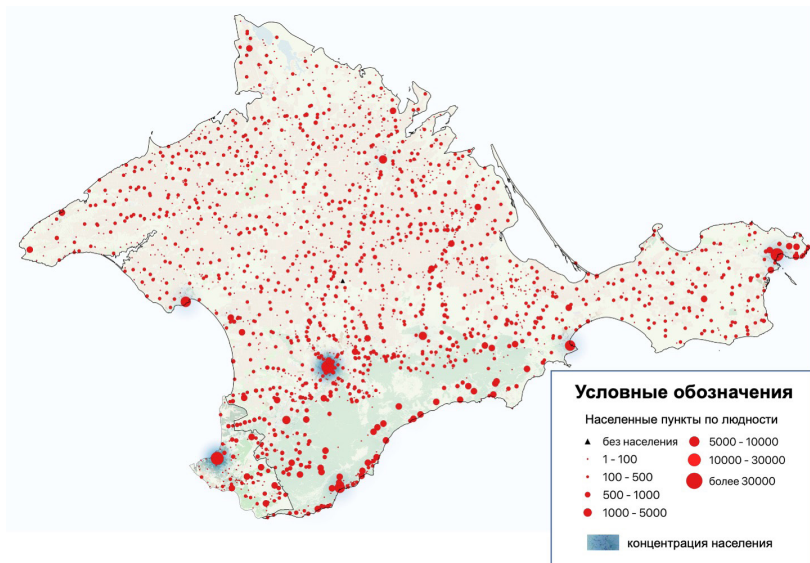

Рис. 8. Схема расположения и численность населения населенных пунктов на Крымском полуострове в 1926 году

Источники: Список..., 1927; Карта..., 1924; Карта..., 1926

За годы деятельности Комитета по земельному устройству еврейских трудящихся (КомЗЕТ) и американской организации «Агро-Джойнт» возникла поселенческая сеть еврейских поселений, рассеянная в равнинной части Крыма, за счет переселения около 45 тысяч евреев из бывшей черты оседлости (см. рис. 9). На территории полуострова в 1923–1930 годы появилось 88 населенных пунктов с коллективными хозяйствами (артелями, коммунами, совхозами) и их переселенцами. Важным индикатором существования сети было создание в 1930-х годах двух еврейских национальных районов на базе еврейских поселений — Лариндорфский и Фрайдорфский.

Наиболее масштабные преобразования системы расселения произошли вследствие Второй мировой войны. Во-первых, в ре-

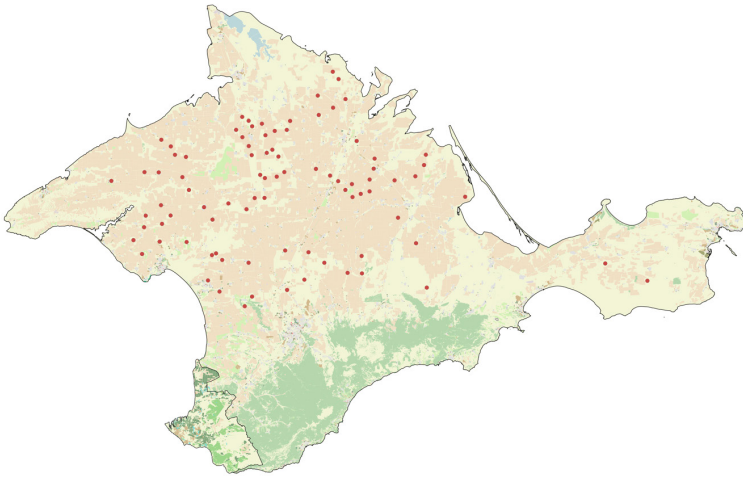

Рис. 9. Схема поселенческой сети еврейских населенных пунктов, созданной при поддержке Комитета по земельному устройству еврейских трудящихся (КомЗЕТ) при президиуме Совета национальностей ЦИК СССР на территории Крымского полуострова с 1923 по 1935 год

Источник: Пасик, 2006

зультате физического уничтожения евреев так и не восстановилась еврейская поселенческая сеть. Во-вторых, разрушены этнические поселенческие сети крымских татар, немцев, болгар и греков, дисперсно расселенных по всей территории полуострова. В-третьих, 127 поселений были уничтожены в результате операции немецких войск «Огонь и меч». Однако создавались в послевоенный период и новые поселения русскими и украинскими переселенцами, перевозимыми в Крым иногда целыми деревнями.

Миграция населения играла главную роль в трансформации системы расселения в околовоенный период. Это проявилось в исчезновении 184 сельских населенных пунктов в результате принудительных депортаций немцев, крымских татар, болгар, греков, армян Крыма и основании населенных пунктов переселенцами во второй половине 1940-х годов. По приблизительной оценке, в период с 1944 по 1960 год на полуостров мигрировали более 100 тыс. переселенцев, размещенных во всех районах Крыма, как в существующих населенных пунктах, так и новых.

Но, как уже утверждалось неоднократно, роль внутрирегионального движения многократно возрастает, отбирая лидерство у внешней миграции. В 1960–1980-е годы наиболее заметна внутренняя миграция. Если в довоенный период расселение оставалось преимущественно мелкоселенным, то в послевоенное время оно стремительно трансформируется сначала в среднеселенное, а позже в некоторых районах и в крупноселенное.

Таблица 1. Характеристика поселенческой сети Крымского полуострова (1805–2014 годы)

Год	Численность населения	Количество населенных пунктов	Средняя численность населения одного населенного пункта	Доля сельского населения
1805	159 393	1247	127,8	88,5%
1864	203 915	1360	149,9	57%
1892	413 454	1312	315,1	44,5%
1915	672 031	1822	368,8	52,9%
1926	697 468	2226	313,3	58,4%
1989	2 468 939	1066	2 316,1	30,7%
2001	2 414 105	1066	2 264,6	62,7%
2014	2 284 769	1062	2 151,4	57,9%

Источники: Лашков, 1897; Таврическая..., 1865; Календарь..., 1892; Статистический..., 1915; Список..., 1927; материалы Переписей населения 1989, 2001 и 2014 гг.

На этом процессе благотворно сказалось объединение в 1950-е годы мелких коллективных хозяйств в крупные с множеством отделений, слияние соседних населенных пунктов (расширение не только городов, но и крупных сел), рост качества жизни в центральных усадьбах колхозов (строительство многоквартирных домов, развитие инфраструктуры) и увеличение дистанции по этому показателю с мелкими поселениями и др.

Все это привело к формированию каркаса сельского расселения, состоящего из крупных населенных пунктов с числом жителей более 1 тыс. человек — локальных центров, совмещавших функции и центральной усадьбы хозяйства, и центра сельсовета, и центра экономической и общественной жизни. В то же время мелкие «неперспективные» поселения постепенно теряли объекты инфраструктуры (начальные школы, фельдшерско-акушерские пункты, детские ясли), а затем и население. В период с 1954 по 1986 год из-за переселения жителей исчезли 566 населенных пунктов⁵, однако парадоксально, но система расселения не пострадала и не была разрушена, а, наоборот, стала более устойчивой и крупноселенной.

5. Подсчитано автором по материалам статистики (Справочник..., 1960; Крымская..., 1968; Крымская..., 1977; Крымская..., 1986).

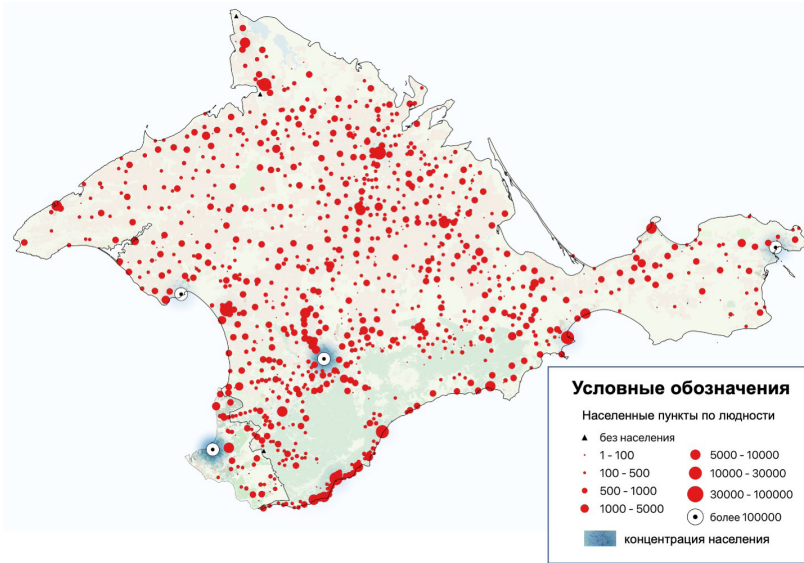

Рис. 10. Схема расположения и численность населения населенных пунктов на Крымском полуострове в 1989 году

Источник: материалы Всесоюзной переписи населения 1989 г.

К социально-экономическому кризису 1990-х годов успела сформироваться крупноселенная устойчивая система расселения Крымского полуострова с равномерно распределенными по территории поселениями и сгущениями населения в пригородных зонах (см. рис. 10). Величина среднего населенного пункта Крыма, по данным переписи 1989 года, составила 2 316,1 жителей, т.е. за годы плановой экономики данный показатель возрос более чем в 6 раз.

Сельские населенные пункты, наделенные функциями районных центров, за это время были преобразованы в «настоящие» локальные центры с численностью населения более 3 тыс. человек и развитой социальной инфраструктурой. Тяжелые условия труда, ограниченные возможности реализации человеческого капитала, низкий уровень и качество жизни способствовали оттоку в первую очередь молодежи, а также трудоспособного населения в города. Доля жителей сельской местности в общей численности населения Крыма к 1989 году сократилась до 30,7% против 58,4% в 1926 году. Безусловно, причина резкого сокращения доли сельского населения кроется не только в миграционном движении. Административно-территориальные преобразования — отнесение крупных поселений к категории поселков городского типа были не менее значимыми.

Почему мы настаиваем на тезисе об устойчивости расселения полуострова? Это связано в первую очередь с тем, что в пост-

советский период регион пережил серию социально-экономических кризисов, но поселенческая сеть полуострова практически не изменилась. Масштабная репатриация представителей ранее депортированных народов также не имела видимого эффекта. В период с 1989 по 2013 год на полуостров мигрировали более 260 тыс. репатриантов, но они были размещены преимущественно в уже существующих поселениях, либо на прилегающих к населенным пунктам бывших землях сельскохозяйственного назначения.

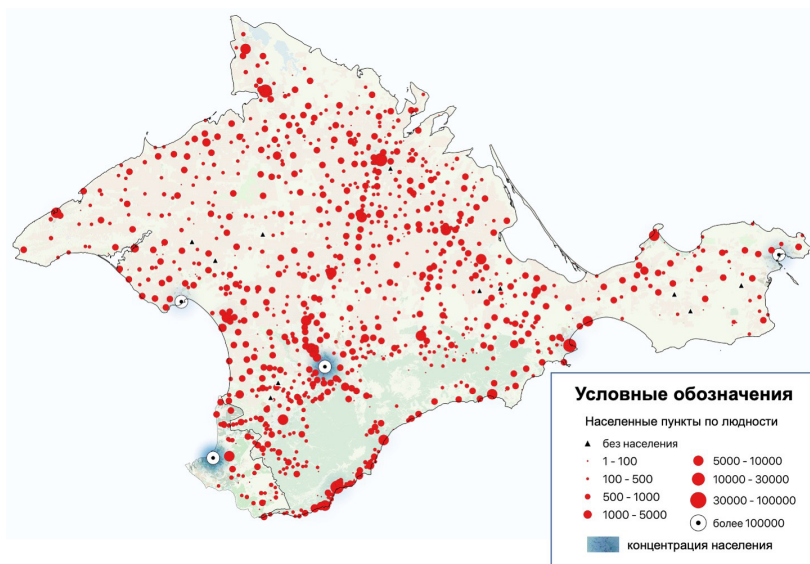

Рис. 11. Схема расположения и численность населения населенных пунктов на Крымском полуострове в 2001 году

Источник: Всеукраїнський перепис населення. URL: <https://2001.ukrcensus.gov.ua/> (дата обращения: 01.11.2020)

Столь большая волна миграции лишь подпитала депопулирующие сельские поселения, компенсировав эмиграцию славянских переселенцев, возвращавшихся в места выхода на протяжении 1990-х и 2000-х годов. Крымские татары и другие репатрианты расселились в 238 массивах компактного проживания (Информация..., 2018), включенных в другие населенные пункты в качестве микрорайонов. Репатриантами были созданы три новых населенных пункта на прилегающих к Симферополю территориях Симферопольского района — Айкаван (армянский, основан в 1995 году), Акрополис (греческий, основан в 2006 году), Ана-Юрт (крымско-татарский, основан в 2008 году). Также в 2000 году возникло село Новый Сад на окраине Симферопольского района. Части жилых районов Севастополя получили статус населенного пункта в 2014—

2019 годах — г. Балаклава, п. Сахарная Головка, п. 3-е отделение Золотой Балки, п. 1-е отделение Золотой Балки, п. Ласпи, п. Солнечный.

Вместе с тем из-за отсутствия постоянных жителей в степной равнинной зоне исчезли 13 населенных пунктов (Белогорский район — 1, Джанкойский район — 1, Красногвардейский район — 1, Ленинский район — 3, Нижнегорский район — 1, Сакский район — 3, Советский район — 2 и Армянский городской округ — 1), 10 из них — в период с 2001 по 2008 год.

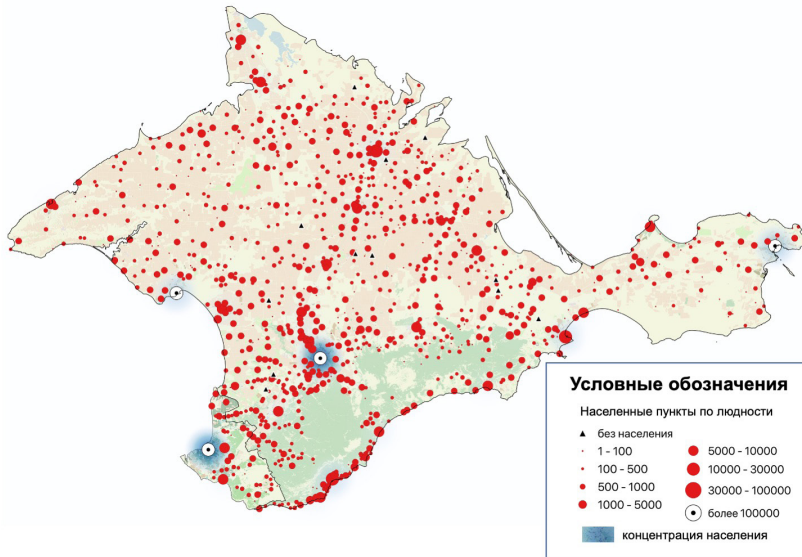

Рис. 12. Схема расположения и численность населения населенных пунктов на Крымском полуострове в 2014 году

Источник: материалы Переписи населения 2014 г. в Крымском федеральном округе

С 1993 года происходит сокращение общей численности населения Крымского — полуострова из-за естественной и миграционной убыли, что закономерно вызвало сжатие системы расселения. Средняя численность после пика в 1989 году в последующие годы снижается. При этом население теряют как города, поселки городского типа, так и сельские населенные пункты. Наиболее депопулирующими местностями остаются периферийные аграрные районы, расположенные в отдалении от городов и основных транспортных артерий. Наличие или отсутствие возможностей для заработка в сельской местности определяет миграционные тренды.

При этом на пространственную мобильность влияют самые разнообразные факторы: экономические (развитая торговля, агро-

предприятия, организации бюджетной сферы), социальные (этноконфессиональный состав, межнациональные взаимоотношения), инфраструктурные (дороги с твердым покрытием, водопровод), природные (наличие водотоков и пастбищ, необходимых для ведения личных подсобных хозяйств). Однако в последние десятилетия масштабы миграций населения все меньше становятся способны влиять на трансформацию поселенческой сети. Но этот вывод не стоит считать окончательным.

Итак, проанализировав процесс эволюции поселенческой сети Крымского полуострова, можно выделить основные этапы изменений, чередующиеся с периодами относительной стабильности:

— медленное сокращение числа поселений и их населенности (1783–1820-е годы) вызвано эмиграцией крымскотатарского населения после присоединения Крымского полуострова к Российской империи, созданием имений российскими состоятельными государственными и военными деятелями;

— стремительное разрушение поселенческой сети степных уездов (1850–1864-е годы) вызвано всплеском эмиграции крымских татар и ногайцев после Крымской войны 1853–1856 годов;

— восстановление поселенческой сети степных уездов (1860–1890-е годы) происходило из-за переселения русского крестьянства и активизации иностранной колонизации, создания этнических систем расселения;

— возникновение новых поселений в степной демографически разреженной местности (1920-е годы) вызвано переселением еврейского населения в рамках программы КомЗЕТ, национализацией частных имений и созданием коллективных хозяйств;

— разрушение систем этнического расселения (1940-е годы) произошло вследствие серии принудительных миграций этнических групп, обвиненных в предательстве, и военных операций немецких войск во время оккупации полуострова;

— формирование крупнопоселенной поселенческой сети (1944–1990-е годы) было вызвано послевоенным переселенческим движением из регионов РСФСР, УССР и БССР, сселением неперспективных мелких населенных пунктов, высоким естественным приростом и активизацией внутрирегиональной миграции;

— стабилизация системы расселения (1990–2000-е годы) — масштабная эмиграция славянского населения и репатриация ранее депортированных народов не изменило поселенческую сеть полуострова.

С 1783 года система расселения Крымского полуострова существенно изменилась. Всестороннее воздействие социально-экономических, институциональных, природных факторов превратило очаговое расселение с пастбищным животноводством в крупнопоселенное. Возникали и исчезали локальные центры, новые формы населенных пунктов (вакуфы, экономии, усадьбы, совхозы, колонии, слободы и пр.), в итоге на сегодня основны-

ми формами остались село, поселок городского типа, поселок, город. За это время конфигурация системы расселения и количество населенных пунктов постоянно изменялись: 1247 поселений — в 1805 году, 2226 поселений — в 1926-м, 1062 поселения — в 2014-м.

На протяжении исследуемого периода миграция населения оказывала существенное влияние на изменение поселенческой сети. Но интенсивность влияния различалась. Если в XIX веке эмиграция 180 тыс. крымских татар привела к разрушению поселенческой сети и исчезновению трети населенных пунктов в равнинной части Крымского полуострова, то репатриация 250 тыс. крымских татар из мест депортации не дала подобного эффекта. Численность поселений на момент репатриации в 1989 году составляла 1066, а в 2014 году, после завершения ее активной фазы — 1062 населенных пункта.

Библиография

- Военная топографическая карта полуострова Крым (1817). СПб.: Военно-топографическое депо. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/voennaya-topograficheskaya-karta-poluostrova-kryma> (дата обращения: 11.01.2021).
- Всеукраїнський перепис населення. URL: <https://2001.ukrcensus.gov.ua/> (дата обращения: 01.11.2020).
- Гусаков Т.Ю. (2019). Этнические миграции на Крымском полуострове (1783–2014 гг.) // Географический вестник = Geographical bulletin. № 4 (51). С. 69–81.
- Изменение административно-территориального устройства. 1784–2014 гг. (2020) // Атлас социокультурных процессов в Крыму / Под ред. Воронина И.Н., Яковенко И.М., Швеца А.Б., Вольхина Д.А. Симферополь: КФУ им. В.И. Вернадского. URL: <https://atlas-crimea.ru/all/razdel-1/1-1-izmenenie-administrativno-territorialnogo-ustrojstva-1784-2014-gg-2/> (дата обращения: 01.01.2021).
- Информация о деятельности Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым за 2018 год. URL: <https://vk.cc/c1Rs81> (дата обращения: 11.01.2021).
- Карта Крыма (1924). 10 верст в дюйме. Симферополь: Крымское центр. стат. управление. URL: <http://www.archmap.ru/1924/1924.htm> (дата обращения: 01.11.2020).
- Карта Таврической губернии (1862). 3 версты в дюйме. 34 л. URL: http://www.etomesto.ru/download.php?map=krym_depo (дата обращения: 11.11.2020).
- Карта Таврической губернии (1932). 1889–1896 гг. 1 и 2 версты в дюйме. Л.: Аврора-навигат. URL: <http://www.archmap.ru/1890/42000.htm> (дата обращения: 11.11.2020).
- Ковалев С.А., Ковальская Н.Я. (1980). География населения СССР. М.: Изд-во МГУ. С. 148–149.
- Крымская область (1968). Административно-территориальное деление на 1 января 1968 года / Сост. М.М. Панасенко. Симферополь: Крым.
- Крымская область (1977). Административно-территориальное деление на 1 января 1977 года. Симферополь: Крым.
- Крымская область (1986). Административно-территориальное деление на 1 января 1986 года. Симферополь: Крым.

- Лашков Ф.Ф. (1897). Сборник документов по истории Крымскотатарского землевладения // Известия Таврической ученой комиссии / А.И. Маркевич. Таврическая ученая архивная комиссия. Симферополь: Типография Таврического губернского правления. Т. 26. С. 84-154.
- Пасик Я. (2006). Еврейские населенные пункты в Крыму до 1941 г. URL: http://evkol.ucoz.com/crimea_settlements.htm (дата обращения: 11.11.2020).
- Секиринский С.А. (1961). Из истории развития промышленности в Крыму в первой половине XIX века // Известия Крымского отдела Географического общества СССР. № 6. С. 169-184.
- Список деревням и сельбищам, оставшимся после выхода татар за границу с 1860 по 1866 год (1867) // Памятная книга Таврической губернии / Под ред. К.В. Ханацкого. Вып. 1. Симферополь: Тип-фия Тавр. губ. правления. С. 416-438.
- Справочник административно-территориального деления Крымской области на 15 июня 1960 года (1960). Симферополь: Крымиздат.
- Статистический справочник Таврической губернии (1915). Ч. 2. Список населенных пунктов по уездам: Бердянскому, Днепровскому, Мелитопольскому, Перекопскому, Евпаторийскому, Симферопольскому, Феодосийскому и Ялтинскому / Сост. Ф.Н. Андриевский; под ред. М.Е. Бененсона. Симферополь.
- Таврическая губерния (1865). Список населенных мест по сведениям 1864 г. / М. Раевский. Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел. СПб.: Типография Карла Вульфа.

Migrations as the main factor in the transformation of the settlement system of the Crimean Peninsula

Timur Yu. Gusakov, Researcher, Center for Agrarian Studies and Center for Prospective Sociological Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; PhD Student, Geographical Faculty, Lomonosov Moscow State University. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: gusakov.timur@mail.ru

Abstract. For centuries, people have been moving from place to place for a variety of reasons, which created both permanent and temporary population of the entire habitable space. Due to these migrations, settlements appear and disappear — *auls*, villages, towns, cities, megalopolises, etc. Moreover, migrations create a settlement system of a certain territory, which is gradually transforming. And since each territory has its own features of the social-economic development, the patterns of settlement systems also differ by region. The article considers the evolution of the settlement system of the Crimean Peninsula under the influence of migrations. The settlement systems are compared and analyzed based on the models of the settlement network for different years, which allows to assess the impact of migrations at different stages of the historical development. Over the past 250 years, the settlement system of the Crimean Peninsula has undergone significant changes: from small settlements with foci of animal husbandry — to the medium-sized and in some places large settlements. The author identifies the main stages in the transformation of the settlement network of the Crimean Peninsula and analyzes the development trajectories of some types of settlements.

Key words: geography of rural areas, migrations, rural areas, resettlement, rural resettlement, settlement network, geo-information systems

- Voennaya topograficheskaya karta poluostrova Krym (1817) [Military Topographic Map of the Crimean Peninsula]. Saint Petersburg: Voенно-topograficheskoe depo. <https://kp.rusneb.ru/item/reader/voennaya-topograficheskaya-karta-poluostrova-kryma>.
- Vseukrainsky perepis naselennyya [All-Ukrainian population census]. <https://2001.ukrcensus.gov.ua>.
- Gusakov T.Yu. (2019) Etnicheskie migratsii na Krymskom poluostrove (1783–2014) [Ethnic migrations on the Crimean Peninsula (1783–2014)]. *Geografichesky vestnik*, no 4, pp. 69–81.
- Izmenenie administrativno-territorialnogo ustroystva. 1784–2014 gg. (2020) [Change of the administrative-territorial structure. 1784–2014]. *Atlas sotsiokulturnykh protsessov v Krymu*. Pod red. I.N. Voronina, I.M. Yakovenko, A.B. Shvets, D.A. Volkhina. Simferopol: KFU im. V.I. Vernadskogo.
- Informatsiya o deyatelnosti Gosudarstvennogo komiteta po delam mezhnatsionalnykh otnosheniy i deportirovannykh grazhdan Respubliki Krym za 2018 god [Information on the activities of the State Committee for Interethnic Relations and Deported Citizens of the Republic of Crimea in 2018]. <https://vk.cc/c1Rs81>.
- Karta Kryma (1924) 10 verst v dyuyme [Map of Crimea. 10 versts per inch]. Simferopol: Krymskoe tsentr. stat. upravlenie. <http://www.archmap.ru/1924/1924.htm>.
- Karta Tavricheskoy gubernii (1862) 3 versty v dyuyme [Map of the Tavricheskaya Province. 3 versts per inch]. http://www.etomesto.ru/download.php?map=krym_depo.
- Karta Tavricheskoy gubernii (1932) 1889–1896 gg. 1 i 2 versty v dyuyme [Map of the Tavricheskaya Province. 1889–1896. 1 and 2 versts per inch]. Leningrad: Avronavigats. <http://www.archmap.ru/1890/42000.htm>.
- Kovalev S.A., Kovalskaya N.Ya. (1980) *Geografiya naseleniya SSSR* [Geography of the Population in the USSR]. Moscow: Izd-vo MGU, pp. 148–149.
- Krymskaya oblast (1968) Administrativno-territorialnoe delenie na 1 yanvarya 1968 goda [Crimean Region. Administrative-Territorial Division on January 1, 1968]. Sost. M.M. Panasenko. Simferopol: Krym.
- Krymskaya oblast (1977) Administrativno-territorialnoe delenie na 1 yanvarya 1977 goda [Crimean Region. Administrative-Territorial Division on January 1, 1977]. Simferopol: Krym.
- Krymskaya oblast (1986) Administrativno-territorialnoe delenie na 1 yanvarya 1986 goda [Crimean Region. Administrative-Territorial Division on January 1, 1986]. Simferopol: Krym.
- Lashkov F.F. (1897) Sbornik dokumentov po istorii Krymskotatarskogo zemlevladieniya [Collection of documents on the history of the Crimean Tatar land tenure]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy komissii*. A.I. Markevich. Simferopol: Tipografiya Tavricheskogo gubernskogo pravleniya, vol. 26, pp. 84–154.
- Pasik Ya. (2006) Evreyskie naselennyye punkty v Krymu do 1941 g. [Jewish settlements in Crimea before 1941]. http://evkol.ucoz.com/crimea_settlements.htm.
- Sekirinsky S.A. (1961) Iz istorii razvitiya promyshlennosti v Krymu v pervoy polovine XIX veka [From the history of the Crimean industrial development in the first half of the 19th century]. *Izvestiya Krymskogo otdela Geograficheskogo obshchestva SSSR*, no 6, pp. 169–184.
- Spisok derevnyam i selishcham, ostavshimsya posle vykhoda tatar za granitsu s 1860 po 1866 god (1867) [List of villages and settlements left after the Tatars' outflow abroad in 1860–1866]. *Pamyatnaya kniga Tavricheskoy gubernii*. Pod red. K.V. Khanatskogo, vol. 1. Simferopol: Tipografiya Tavr. gub. pravleniya, pp. 416–438.
- Spravochnik administrativno-territorialnogo deleniya Krymskoy oblasti na 15 iyunya 1960 goda (1960) [Directory of the Administrative-Territorial Division of the Crimean Region on June 15, 1960]. Simferopol: Krymizdat.

Т.Ю. Гусаков
Миграции насе-
ления как основ-
ной фактор транс-
формации системы
расселения Крым-
ского полуострова

- Statistichesky spravochnik Tavricheskoy gubernii (1915) [Statistical Handbook of the Tavricheskaya Province], Chapter 2: Spisok naselennykh punktov po uezdám: Berdyanskomu, Dneprovskomu, Melitopolskomu, Perekopskomu, Evpatoriyskomu, Simferopolskomu, Feodosiyskomu i Yaltinskomu. Sost. F.N. Andrievsky; pod red. M.E. Benensona. Simferopol.
- Tavricheskaya guberniya (1865) Spisok naselennykh mest po svedeniyam 1864 g. [Tavricheskaya Province. List of Settlements for 1864]. M. Raevsky. Saint Petersburg: Tipografiya Karla Wulfa.

«Все поколения моей семьи... были вовлечены в глобальные аграрные преобразования»

Н.И. Шагайда, А.М. Никулин

Наталья Ивановна Шагайда, доктор экономических наук, директор Центра агропродовольственной политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: Shagaida@ranepa.ru

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, директор Чаяновского исследовательского центра Московской высшей школы социальных и экономических наук. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Аннотация. В биографическом интервью д.э.н., директора Центра агропродовольственной политики РАНХиГС Н.И. Шагайды рассматриваются исторические корни формирования и развития советской аграрной системы на примерах личного жизненного опыта автора, его семейных поколений, связанных с сельским хозяйством в различных регионах бывшего СССР. Большое внимание в интервью уделяется размышлению об особенностях аграрных университетских и академических организаций и значению в них роли замечательных ученых, определяющих продуктивность работы научных коллективов и горизонты развития аграрных наук.

В интервью представлены вехи основных научных исканий Н.И. Шагайды, совпадающих с ключевыми этапами перестройки и реформирования советской и постсоветской аграрной системы. Большое внимание уделяется описанию социально-экономических экспериментов и преобразований, связанных с реформированием советской колхозно-совхозной системы в Нижегородской области и ряде других регионов РФ в 1990-е годы, а также созданию институтов сельского развития на примере Лодейнопольского района Ленинградской области. Подчеркивается, что для успешных и устойчивых аграрных преобразований науке и власти насущно необходима систематическая работа снизу на уровне пилотных региональных проектов, учитывающих мнения, запросы, понимание самих сельских жителей, а также местных сельских лидеров в процессах выработки, усвоения и адаптации повседневных новшеств необходимых аграрных перемен.

В заключение ставятся вопросы формирования стратегических целей государства в области регулирования земельных отношений, продовольственной безопасности, аграрного производства и в целом сельского развития Российской Федерации.

Ключевые слова: семья, школа, наука, СССР, перестройка, реформа, аграрные предприятия, земля, сельское развитие

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-2-121-153

А.М. Никулин: Первый мой вопрос как всегда связан с основными этапами жизни исследователя, вехами его биографии.

Н.И. Шагайда: Мы с тобой разговариваем в мае, когда все вспоминают о Дне Победы. Я неожиданно осознала, что родилась через 13 лет после окончания Великой Отечественной войны... так мало времени прошло. Сейчас 13 лет назад кажутся просто вчера, особенно если рассматривать «мои вехи».

Я родилась в Северном Казахстане, в Павлодаре, в семье целинников. Мои родители — выпускники Ленинградского института зоологии и фитопатологии, поженились сразу после института и поехали на Целину. Мама приехала в Ленинград с Дальнего Востока, где после Уссурийского сельскохозяйственного техникума работала агрономом в колхозе в с. Яковлевка. В Яковлевке был дом ее родителей.

Папа приехал в Ленинград из Караганды. Он также перед Ленинградом после сельскохозяйственного техникума работал агрономом в немецком колхозе. Всю жизнь с уважением вспоминал, как там люди — высланные с Поволжья — ответственно работали, какие они были умелые. Ему помогло, что он немного знал немецкий язык — в колхозе по-русски почти не говорили. А знал он его после карагандинской средней школы потому, что там преподавали институтские учителя, эвакуированные из Ленинграда. Я с удовольствием рассматриваю фотографии родителей времен их учебы в Ленинграде — красивые, в шляпах, макинтошах!

А.М. Никулин: Получается, если перед Целиной, то это первая половина 1950-х годов?

Н.И. Шагайда: Ну да. Моя сестра родилась в казахстанской деревне. А я уже в Павлодаре. Надо сказать, что это были вехи карьерного роста моего папы — село Галкино Павлодарской области, Павлодар. Его всегда замечали и двигали. Тогда ведь все время кто-то приезжал проверять работу — из райкома, обкома, Алма-Аты, Москвы. А родители после ленинградского института — молодые, квалифицированные, работающие, и они сначала из села переехали в Павлодар, где папа стал начальником станции защиты растений, потом через пять лет папу опять перевели: тогда образовался Целинный край, и его туда отправили, где он стал начальником управления зернового хозяйства. Знаний агронома оказалось недостаточно для работы, и он поступил в заочный сельскохозяйственный институт на экономический факультет. Работал, учился. Мама тоже все время работала, в Павлодаре родился третий ребенок — мой брат. На следующий день после полета Гагарина. У меня такое яркое воспоминание детства: я на пороге дома, а папа показывает на небо и говорит: «Смотри, видишь — Гагарин летит!» Все никак не спрошу родителей: почему брата назвали Константином, а не Юрием?

А.М. Никулин: Павлодар был тогда столицей?

Н.И. Шагайда: Он был и есть областной центр, Целиноград стал краевой столицей. Папе тогда было 30 лет. Вот нам сейчас кажутся молодыми министры, замминистров, а на самом деле тогда тоже было очень много молодых людей. В деревне у папы был в подчинении отряд чуть ли не с десятков самолетов, которые обрабатывали посеы против саранчи. Жили они тогда практически в землянках. Я раньше думала, что землянка — это вот выкопали углубление, сверху насыпали что-то. А землянки в Казахстане, что я помню, это маленькие домики, у которых пол был ниже уровня окружающей дом поверхности земли. Были у них и стены из глины с соломой, и крыши, и маленькие окошки, и земляные полы. Мама рассказывала: сестра в корзине, подвешенной к потолку, на полу — рабочие — простой и тяжелый быт. И была тогда жуткая саранча, от нее поля обрабатывали ядохимикатами.

А.М. Никулин: А чем травили? Тогда ведь были средства только примитивные и страшно ядовитые.

Н.И. Шагайда: Ужасно ядовитые! Мама рассказывала, как без всякой защиты палкой размешивала эти яды, в огромных чанах, поскольку рано утром надо было обрабатывать поля. Надо сказать, что извели саранчу. Когда вдруг я в 1972 году уже в Алма-Атинской квартире обнаружила такого огромного кузнечика, который в три прыжка мог комнату перепрыгнуть, и показала папе, то он очень удивился: «Боже мой, а я-то думал, что всех их вывели еще в конце 1950-х!»

А.М. Никулин: Саранчу он узнал?

Н.И. Шагайда: Да. Папа вспоминает, как при прилете саранчи к нему бежали местные жители и кричали: «Саранчовый начальник, саранчовый начальник, саранча прилетела!»

В Павлодаре мы жили на берегу Иртыша в какой-то хибаре, которую родители сами ремонтировали между работой и командировками. Как мама все успевала? Без бабушек, декретный отпуск всего несколько месяцев... Вот у меня такие яркие воспоминания детства: папа приходит на обед, и мы бежим купаться в Иртыше, набережная, «Женщина с веслом» стоит, как полагается. Помню замечательный краеведческий музей в крепком купеческом доме с фигурами женщин из папье-маше в национальных костюмах, детский парк со львами...

В Целинограде мы прожили чуть более года, там я пошла в первый класс, а через полгода папу перевели уже в Алма-Ату.

А.М. Никулин: Так это ты с детства попутешествовала по всему Северному Казахстану? Хотя Алма-Ата — это уже Южный Казахстан.

Н.И. Шагайда: Ну да. У меня жила бабушка в Караганде, а мамы родители на Дальнем Востоке, и мы на поезде ездили или летали из Павлодара, из Алма-Аты...

А.М. Никулин: Перебью: получается, что вы по географии жизни и работы — самые что ни на есть советские люди: «...мой адрес Советский Союз»? А твоя фамилия связана случайно не с Украиной?

*Н.И. Шагайда,
А.М. Никулин*
«Все поколения
моей семьи... были
вовлечены в гло-
бальные аграрные
преобразования»

Н.И. Шагайда: Моя девичья фамилия Рябченко, папина мама — Кравченко. Мамины родители — Дедко и Худоба. Но никто из них на Украине не жил, вначале в России, потом — волею судеб — в Казахстане.

А.М. Никулин: Получается, тут и Украина, и Дальний Восток, и Ленинград, и районы Казахстана — и в судьбе твоих родителей и в твоей...

Н.И. Шагайда: Советский человек в большой стране. В Алма-Ате мы жили около 9 лет.

А.М. Никулин: А какие впечатления об Алма-Ате?

Н.И. Шагайда: О! Горные вершины — сильное впечатление для «степной» девочки! Я доучивалась в первом классе в школе за несколько кварталов от дома, и часть этих кварталов я шла, прямо на горы. Останавливалась, смотрела на них, и они были снежные, такие красивые! Потом поворачивала и шла без остановок в школу... Вообще, я очень благодарна Алма-Ате, потому что я научилась жить в многонациональной среде. Там еще и тепло, и море фруктов. Помню, на кухне мама с недоумением смотрела на персик с дачи: «Как его засунуть в банку?» Не проходили персики через горловину трехлитровой банки! Мне там очень нравилось. Там у меня была первая работа и первая заработная плата: я работала манекенщицей в республиканском Доме моделей с 13 лет! Когда папу позвали работать в Москву (мы переехали в самом начале 1975 года), я увидела, что москвичи — совершенно другие. Они все-таки не умели жить в многонациональном государстве, они уже делили людей по национальности. Это было для меня удивительно.

А.М. Никулин: Ну москвичи вообще отделяли себя от всей страны. От любого провинциала, не важно, какой он национальности — такое исторически сложившееся столичное высокомерие.

Н.И. Шагайда: Снобизм ужасный. В Алма-Ате я долго училась в обычной школе, у нас очень разные люди были, я даже не скажу количество национальностей. Дунгане, уйгуры, казахи, татары, русские, украинцы... Классы были огромные, по 40 человек. Я прouчилась до 8-го класса, а потом забрала документы и перешла в физматшколу.

А.М. Никулин: Какая ты самостоятельная была!

Н.И. Шагайда: Вообще не помню, чтобы родители со мной куда-то особенно ходили. Правда, мама меня привела на плавание и в музыкальную школу, в которую, впрочем, меня не взяли. А все мои воспоминания — как я еду в 6 или 7 лет к зубному врачу на двух автобусах в Целинограде, в бассейн в Алма-Ате, сама езжу ребенком в городскую библиотеку. Родители все время работали. Мама работала недалеко, она прибегала на обед — покормить детей и опять убегала на работу. А папа был всегда очень занят и все время учился. В Алма-Ате он защитил диссертацию, создал алма-атинский филиал Центрального института агрохимического

обслуживания сельского хозяйства (ЦИНАО). Это была прекрасная сеть институтов, как я теперь понимаю, она покрывала все республики, области в стране, с каждого поля брались пробы почв, определялось, что лучше выращивать, какие удобрения нужно вносить. Я помню, как первая ЕС ЭВМ приехала в Алма-Ату, и папа искал помещение под нее, нужно было 100 м². Клавиатура была как рояль, эти перфокарты, перфоленды... Тогда это для хозяйств было все бесплатно. Папа создал хороший региональный институт и его пригласили работать в Москву, на должность заместителя директора Всесоюзного института агрохимического обслуживания сельского хозяйства. К этому времени сестра моя уже училась в Менделеевском химико-технологическом институте в Москве. Она окончила школу с золотой медалью. Мама ужасно страдала, что семья — в Алма-Ате, а ее девочка — в Москве в съемных комнатах с тараканами. Папу и раньше приглашали в столицу, но мы все ценили жизнь в небольшом и теплом городе, у родителей была интересная работа, хорошее окружение, устроенный быт. Это был совершенно другой, чем в Москве, ритм. И папа отказывался переезжать. Ему, собственно, везде нравилось работать. Мне кажется, он бы и из села не уехал, так как везде делал жизнь свою интересной, но мама всегда была двигателем прогресса: если папу приглашали, то она поддерживала идею развития карьеры. Я уже была в 10-м классе, училась на подготовительном отделении при МГУ, собиралась туда поступать. И когда папе предложили в очередной раз работу в Москве, мама сказала: «Ну что это за семья, которая половиной тут, а половиной — там? Едем!»

А.М. Никулин: Как ты лично этот переезд восприняла?

Н.И. Шагайда: Понимаешь, я попала в новый район — Бибирево — без метро, с плохим транспортным сообщением, без инфраструктуры. В Алма-Ате я жила в центре столичного города, училась в одной из лучших школ, в физматшколе, у нас была там совершенно необычная публика. Мы на уроках истории много готовились самостоятельно, а потом устраивали разные баттлы, как теперь говорят. Помню, одна дискуссия была про роль ленд-лиза в нашей победе. Будущий режиссер Бахыт Килибаев представлял американского генерала, его друг — советского начальника. Они разыгрывали сцену со знанием предмета о том, кто и что дал во время ленд-лиза. Они были начитанны, образованны, в курсе новостей. Как я понимаю теперь — «золотая молодежь» в хорошем смысле. Когда я после этого класса попала в Москву, то, хотя москвичи могли относиться плохо к провинциалам, для меня именно ученики в московской школе показались провинциальными по сравнению с алма-атинской.

Я продолжала учиться на курсах для поступления в МГУ. И уже весной, когда нужно было сдавать экзамены, папа говорит: «Давай, я тебя отвезу в Тимирязевку?» А его институт был возле Тимирязевки. А там такой шикарный район — Лиственничная аллея,

*Н.И. Шагайда,
А.М. Никулин*
«Все поколения
моей семьи... были
вовлечены в гло-
бальные аграрные
преобразования»

старинные корпуса, парк, пруды, скверы... И он сказал: «Ну смотри — даже если ты поступишь в МГУ, тебе надо будет ехать два часа в одну сторону и два в обратную. В лучшем случае. А тут всего лишь 9 км от дома, за два часа можно пешком дойти». Я спросила, какие тут есть факультеты, специальности, и подала документы на экономическую кибернетику.

А.М. Никулин: Кибернетика была уже тогда?

Н.И. Шагайда: Да, причем уже давно. Это было достижением Р.Г. Кравченко и Э.Н. Крылатых. И я поступила. Мама тогда провела со мной курс, какие растения как называются на латыни, как отличить колос ржи от пшеницы — до сих пор не знаю, как. Я легко поступила и легко проучилась.

А.М. Никулин: А что было дальше?

Н.И. Шагайда: История такая: хотя раньше было обязательное распределение, но у меня красный диплом и я могла выбрать сама из предложений. Мне исключительно по названию очень понравился Институт кибернетики, и я решила, что пойду туда. Родители не вмешивались в мою жизнь, но в ключевые моменты как-то меня подправляли. После моего выбора будущего места работы папа позвонил профессору Р.Г. Кравченко, который стоял у истоков создания Института кибернетики: дочь заканчивает, как там, в институте? А тот сказал: «Знаешь, лучше туда не надо! Лучше в Институт экономики сельского хозяйства». Папа поинтересовался, с кем там интереснее будет работать. Кравченко, с которым я лично и знакома не была, сказал, что он бы посоветовал двух человек. А лучше — одного — «нужно работать с Васей, если возьмет». Так я пришла наниматься к Васе — Василию Якимовичу Узуну¹, во ВНИЭСХ.

А.М. Никулин: Это в каком году?

Н.И. Шагайда: 1980-й, год Олимпиады. После диплома у меня была путевка для отдыха. Но нас на месяц раньше выпроводили из Тимирязевки из-за Олимпиады, и оказалось, что я приду на работу не через месяц, как полагается, а через два. И вот я прихожу во ВНИЭСХ — отличница, с красным дипломом, а в отделе кадров сидят какие-то гримзы и говорят мне: «Девушка, как вы начинаете свою трудовую жизнь? Вы едете на какой-то отдых вместо того, чтобы работать на благо родины!» Кто помнит СССР, тот знает, что это совершенно типичное отношение к людям. Ну я пришла к Василию Якимовичу. Там тогда был отдел планирования, три сектора. Один из них — «Программно-целевого планирования» — был организован В.Я. Узун, который за несколько месяцев до этого, если я не путаю, приехал из Кишинева. Он был какой-то другой, выделялся из руководителей секторов и отделов, сам много рабо-

1. Узун В.Я., Никулин А.М. (2018). «Я часто думал, что действительно полезного можно для крестьян сделать» // Крестьяноведение. Т. 3. № 3. С. 128-161.

тал, увлекал своих сотрудников. Он всегда как-то с другой стороны смотрел на знакомые явления, и всегда из этого получалась осмысленная, интересная и очень прикладная работа. Да и вообще вокруг жизнь была веселая: народ все время что-то отмечал, но я как-то сторонилась постоянных дней рождений, праздников на работе.

А.М. Никулин: Ты имеешь в виду, что конец 1970-х — начало 1980-х, «поздний брежневизм» — это сплошные посиделки, разговоры везде и обо всем и часто с алкоголем?

Н.И. Шагайда: Ну да! И обход, точнее — обег — окрестных магазинов в перерыв в поисках продуктов. Мне кажется, что сейчас совсем иное дело с застольями на работе. В моем окружении их просто нет и, видимо, везде так. Я тут недавно оказалась на территории какого-то большого комплекса, шли между бесконечными приземистыми корпусами без окон, потом меня вдруг осенило: а не это ли самая большая овощная база в Европе — Краснопресненская? На ее строительство нас постоянно отправляли из Всесоюзного НИИ, а потом — после постройки — на бесконечную переборку овощей. Ладно, ходили мы, м.н.с., но ведь и доктора наук! И выяснилось, что — да, она, та самая. Казалось, что Москву совершенно невозможно представить без таких баз. Они были огромные, с железнодорожными путями, бесконечными составами, а в магазинах перебой с продуктами. Теперь этих овощных баз нет, а в магазинах все есть. Как-то Европа обходится без самой большой своей базы. Я про эту базу часто вспоминаю, когда слышу: «У нас самое большое стадо мясного скота в Европе!», «Это самый крупный производитель молока в Европе!» И что? Вспомнят ли про них через 20 лет? Будут ли они еще существовать? Для бизнеса, как мне кажется, нужен иной критерий исключительности.

А.М. Никулин: Я по молодости тоже на этих базах поработал, и картошку ездил убирать на подмосковные поля. И кого ни возьми из нашего поколения — все так колоритно вспоминают про это.

Н.И. Шагайда: И вспоминается, что это всегда было очень непроизводительно.

Когда сейчас рассуждают, что мигрантов можно заменить студентами или еще кем, я понимаю, что это могут говорить либо молодые, кто наслушался романтических рассказов своих родителей о молодости, первой любви и песнях под гитару до глубокой ночи, либо постаревшие молодые, с ностальгией вспоминающие молодость. Если бы они спросили родителей: а какой толк для производства был с этого? Толка не было никакого.

Василий Якимович предложил мне два направления. Я выбрала программно-целевое планирование зернопродуктового подкомплекса АПК. Пришлось все учить с «чистого листа». Представляешь, выпускница экономического факультета Тимирязевки не слышала на лекциях про АПК, его сферы, подкомплексы! Несколько обескураженная я спросила у Василия Якимовича, у которого было много

аспирантов из разных вузов: «Везде учат по старым программам?» Он ответил, что это не важно, чему учат конкретно, главное, чтобы человек научился учиться в институте. Я успокоилась и стала учиться. Впрочем, в аспирантуру меня не приняли: «Вы, девушка, отработайте сначала несколько лет, разберитесь». Я говорю: «Так у меня же красный диплом, возьмите меня в аспирантуру!» Не взяли.

А.М. Никулин: Но это же непродуктивно! Ведь чем моложе, тем большему можно научиться.

Н.И. Шагайда: Ну я и училась, рядом с Узунем нельзя было не учиться. Он всегда был впереди всех в смысле понимания, что сейчас самое важное. Он много писал, выступал на конференциях. С тех пор я всегда с огромным интересом и предвкушением жду каждого его выступления: что на этот раз он выкопал? Знаю, что всегда будет интересно.

В конце 1980-х мир очень быстро менялся, Василий Якимович вполне в этих изменениях хорошо себя чувствовал, но как же на него всегда нападали! И всегда ждали его выступлений. Когда касалось дело каких-то рекомендаций, то он всегда говорил, что нужно смотреть, не навредят ли они тем, кто работает в селе. Он сам из села, и у него было такое романтическое представление, что сельские люди — лучше, прямее, честнее, а живется им труднее.

А.М. Никулин: Такой «этический императив»?

Н.И. Шагайда: Абсолютно! А второй принцип: если вы что-то предлагаете для людей, то поставьте себя на место человека и посмотрите, будет ли вам полезно и удобно.

Конечно, в этом смысле мне очень повезло — получить такого учителя, это была фантастика! Ну между тем мне было 20 с лишним лет, я влюблялась, вышла замуж, у меня родился ребенок. Я помню, что должна была идти в декретный отпуск, а никто не знал, что я должна уйти. Я работала, ездила в командировки. Я хотела путешествовать, запланировала в очередной раз поездку в Кишинев, а уж потом — в декретный отпуск. Мы хотели туда с мужем поехать, но все время срывалась поездка. И в очередной раз взяла билет, а Узун говорит: «Нет, вас нужно отозвать, мы тут делаем модель на всю страну, огромная работа...» Так я и не доехала до Кишинева, а половину декретного отпуска сидела и описывала дома эту модель.

А.М. Никулин: А как же так получилось, что Василий Якимович Узун, сам из крестьян, и сейчас, можно сказать, «певец мелкого крестьянского хозяйства», но парадоксально практически оказался одним из идеологов центрального планирования, глобальных математических моделей развития...

Н.И. Шагайда: Я бы с этим поспорила: и не «певец мелкого», и не «идеолог централизованного планирования». Он добавлял смысла в планирование. Эти постоянные сюжеты «Фитиля» или «Крокодила», когда одна фабрика делает левую перчатку, а дру-

гая — правую... Мы же не просто планировали, а планировали от потребности каждого человека, в результате моделирования получали информацию о том, сколько всего нужно и как лучше разместить производство по республикам и регионам, чтобы были меньше издержки. Это были конкретные индикаторы. А как добиться их выполнения, какая нужна форма организации, кто может в рамках этих индикаторов соблюсти все расходы ресурсов и обеспечить выход продукции, когда все принадлежит всем и никто ни за что не отвечает, кроме руководителя предприятия, — это другой вопрос.

А.М. Никулин: Он пытался сделать «планирование с человеческим лицом»?

Н.И. Шагайда: Он пытался в рамках существующей системы сделать ее лучше. Но начиная с конца 1980-х уже в его докторской диссертации были выкладки, говорящие о том, что колхозы и совхозы в массе своей неэффективны. Он пытался найти причины этой неэффективности. И нельзя сказать, что он — «певец мелкого хозяйства»: сегодня он не призывает разукрупнять крупный бизнес в сельском хозяйстве, он пытается, на мой взгляд, в рамках крупного бизнеса каким-то образом опять его «очеловечить». Чтобы при поддержке крупного бизнеса был учет интересов небольших хозяйств, которые для России имеют первостатейное значение. Люди — владельцы этих микро- и малых бизнесов живут на сельской территории, они присматривают за этой территорией — о них надо думать. Поэтому он пытается их как-то встроить в систему крупного бизнеса, который уже сложился. Он всегда живет в реальной системе и пытается сделать ее лучше.

А.М. Никулин: Хорошо. А что было дальше?

Н.И. Шагайда: После полутора лет отпуска по уходу за ребенком я вышла на работу, и тут выяснила, что можно перейти из заочной в очную аспирантуру (в которую я поступила раньше). А это прям для меня: у меня маленький ребенок, а я в полную силу работаю и еще готовлю диссертацию. Но родители меня не поддержали. Папа считал, что нужно работать, работать и работать, авторитет завоевывать. А тут уйдешь в аспирантуру, кто тебя увидит? Я сказала — нет, просто нет. И все-таки перешла в очную аспирантуру, потому что она давала больше свободы для того, чтобы быть с ребенком. Его стали водить в садик еще до двух лет, я бежала с работы, чтобы его забрать, так как он оставался последним. Было ужасно жалко эту кроху! В аспирантуре я могла забрать его вовремя. По ходу работы я обсуждала с Василием Якимовичем идеи диссертации. Раз пришла, два, три, он все идеи разбивал, и я оставалась в начале пути. Мне это надоело, и я в следующий раз принесла ему главу работы. Ну поднять руку на 30–40 страниц связного текста он уже не мог, работа пошла быстрее. Пришла еще раза четыре и закончила диссертацию. В 1990 году защитила.

В отделе работали над вопросами размещения производства. Василий Якимович написал тогда докторскую диссертацию, кото-

*Н.И. Шагайда,
А.М. Никулин*
«Все поколения
моей семьи... были
вовлечены в гло-
бальные аграрные
преобразования»

рая объясняла, почему такая низкая эффективность у советского хозяйства, обосновывал направления работы, которые бы ее повысили. Помню, что все проходило очень сложно. Один из начальников отдела ВНИЭСХа выступал на защите, высказывался очень критически. В мою память — довольно смешливой эмэнэски — врезался эпизод: «Моя жена, политэконом, прочла вашу диссертацию. У нее волосы встали дыбом!» Здесь все замерли. «Вы забыли «мать родную» — в списке литературы нет материалов XXVII съезда КПСС!» — восклицал выступающий, воздевая руки к небу. Те, кто с ностальгией вспоминает поздний СССР, они даже не представляют того сюрра, который был! Если бы не академик А.А. Никонов, то Василий Якимович, наверное, и не защитился бы.

А.М. Никулин: Значит, были критики, несогласные с Узуном?

Н.И. Шагайда: Конечно! Я думаю, что авторитет Никонова не позволил завалить Узуну на защите, так как его идеи были слишком революционны для советского института. Академику Никонову нравился Узун, он его знал, они вместе работали над Продовольственной программой. ВНИЭСХ был довольно ретроградским заведением, хотя костяк его сотрудников был из поколения оттепели. Очевидно, это естественный ход, когда молодые пассионарны, хотят изменений, а с годами уже стабильности. Только единицы ломают этот ход и остаются молодыми в любом возрасте.

После защиты диссертации я поставила точку в изучении механизмов программно-целевого планирования. К этому моменту большая часть информации о зерновом производстве в стране стала ДСП, я вынуждена была в библиотеке брать бюллетени ФАО, чтобы найти балансы зерна в СССР. Мой муж — Андрей — многократно перепечатывал мою диссертацию и удивлялся: «Экономика — это наука?» Ему после физтеха все это было очень занятно. Помню, сказала Василию Якимовичу, что Андрей сомневается, что мы занимаемся наукой. Он ответил: «Конечно, подвесить в безвоздушном пространстве чугунную чушку и смотреть, что с ней происходит, — это наука, а решать прикладные вопросы, чтобы лучше организовать экономическую жизнь, — здесь у него сомнения!»

Моделированием заниматься стало сложно, так как трудно было подобрать эластичности для описания экономических процессов. В отделе начались работы по изучению прошлых реформ: отмена крепостного права, Столыпинская реформа, почему их проводили, что хотели, как делали, что получилось... Я очень много времени тогда сидела в библиотеке, появились новые «старые» публикации — Бруцкус, Макаров, Чаянов... Это был просто другой мир! Стали открывать архивы, книги оттепели, которые были потом скрыты. Я читала книги 1920-х с прогнозами и узнавала то, что было вокруг меня в 1990-м. Читала книги по коллективизации и за сухими цифрами мне открывалась бездна, в которой пропали и мои близкие — моего 21-летнего деда с папиной стороны назвали кулаком и выслали с Поволжья в Караганду в 1929

году, а у него — как позднее узнал папа из архивов — даже лошади не было! Читала про Столыпинскую реформу, выход из общины, переселение в Сибирь и на Дальний Восток и видела семьи с маминой стороны, которые уехали из Черниговской губернии на Дальний Восток, вспоминала рассказы бабушки, которая в свои 80 с лишним лет ясно помнила, сколько стоили лошадь и корова в 1908 году, сколько семья обрабатывала земли, как они переехали из Яковлевки Черниговской губернии и основали Яковлевку на Дальнем Востоке...

К этому моменту всем было понятно, что нужны преобразования. Искали механизмы повышения заинтересованности работы в колхозах и совхозах через арендный, семейный подряд... Собственно, об этом было много в докторской диссертации Василия Якимовича. Как я говорила, Никонов его очень поддерживал.

Никонов для меня — человек совершенно необыкновенный и даже загадочный, он не вписывался в ряд советских руководителей, а ведь он был им! И довольно успешным. Загадочным, потому что, будучи встроеным в советскую систему, он был свободным от догм. Как можно быть таким и продвигаться по карьерной лестнице в СССР? Когда я говорю, что довольно успешным, а не просто успешным, то имею в виду, что он испытал и гонения, когда после его ухода с поста министра сельского хозяйства Латвии оказался в степном городке на Ставрополье. Я где-то про него читала, что в Латвии он, «находясь на ответственных партийных и хозяйственных постах, занимал позицию смягчения генеральной линии центрального руководства...». Для этого нужно быть очень сильным и цельным человеком. Я помню, что в 1992 году на конгрессе американских ученых-аграрников меня поселили в один номер с молодой научной сотрудницей из Польши. Она мне говорила про непотопляемость Никонова, который тоже был на этом конгрессе: и министром он был в советское время, партийный работник, функционер, а сейчас говорит об изменениях... Но дело в том, что и будучи министром он говорил о том же, что и в 1992 году. Он верил в сельских людей, в их ответственность, способность правильно организовать производственный процесс без партийных указаний. Моя соседка была не права: я видела на этом мероприятии, как за Никоновым ходили молодые ученые из Латвии, очень уважительно о нем отзываясь. А это многого стоило, если вспомнить накал выступлений на всех публичных мероприятиях представителей прибалтийских республик в 1990-е.

Он дружил с М.С. Горбачевым. На излете Советского Союза, будучи президентом Академии сельхознаук СССР, он задумал Аграрный институт, собирал семинары. Он меня поражал тем, как

2. Круглый стол (2018) «100-летие со дня рождения академика Александра Александровича Никонова (1918–1995)» // Крестьяноведение. Т. 3. № 3. С. 70–94.

выбирал людей в этот институт — штучно. На семинары в разном составе приходило человек 30. Каждый со своей темой, многие после обсуждения сами прекращали ходить, но те, кто горел идеей, — получали приглашение работать в институте. Там я первый раз увидела Эльмиру Николаевну Крылатых, о которой много слышала (она совершенно легендарная личность³). Редкое сочетание креативности, ума, энергичности, квалификации, силы воли, доброжелательности, элегантности, остроумия... Можно продолжать долго. Пример на многие годы для меня! Там было много аграрных историков, моих — как узнала впоследствии — будущих коллег: Сергей Киселев, Александр Петриков, Женя Серова, вчерашние выпускники МГУ — ученики Эльмиры Николаевны — Рената Янбух, Ольга и Сергей Строковы... Заслушивали всех, в том числе Узуна, меня... Этот институт как-то неспешно организовывался. В конце 1990 года наш отдел представлял во ВНИЭСХе годовой отчет. Директор ВНИЭСХ, как мне показалось, просто позеленел: «Вы, Василий Якимович, и какие-то другие щелкоперы пишут непонятно что!» И я была в числе неизвестных директору «щелкоперов». После этого я зашла в кабинет Узуна и увидела его секретаря, с удивлением взвизгивавшей на Василия Якимовича: он собирал вещи: «Все, надоело! Я ухожу в другой институт. Пойдешь?» Я говорю: «Да». Просто «Да». Не спросила о должности, зарплате. Потому что я знала, что с ним всегда будет интересно и для отечества очень полезно. Пусть и чиновники это не всегда понимают. С нового, 1991 года я уже работала в Аграрном институте. Он был создан для разработки концепции аграрной реформы. Каждый в этом институте был в чем-то особенный. Александр Александрович Никонов, Эльмира Николаевна Крылатых, Боллос Игнович Пошкус, Гелий Иванович Шмелев, Иван Николаевич Буздалов, Алексей Михайлович Емельянов, который часто там бывал, задавали тон преемственности поколений, и при этом вектор нового развития — новые формы хозяйствования, новые взаимоотношения с государством, социальное развитие села...

Аграрный институт академика Никонова оказался удивительный, там не было жесткой структуры, были направления. По направлениям люди могли переходить из группы в группу, работающую по отдельной актуальной проблеме. На всех вначале места не хватало — сидели за одним столом по очереди. Василия Якимовича кто-то на конференции после его доклада попросил сделать Устав настоящего колхоза, в котором люди бы реально участвовали в обсуждении, формировали новые взаимоотношения в бригадах, а бригады — с правлением колхоза. Он согласился и... отпра-

3. *Крылатых Э.Н., Никулин А.М.* (2017). «Я благодарю судьбу за то, что она толкнула меня на путь аграрной проблематики» // *Крестьяноведение*. Т. 2. № 3. С. 44-56.

вил меня туда. Я поехала на Украину, разговаривала с людьми, мы обсуждали, составляли с ними новый Устав, опять обсуждали со специалистами, потом — в бригадах, на собрании. Там были какие-то элементы подряда, ответственность коллектива за ресурсы и результаты. Это был мой первый опыт полевой работы по созданию основ функционирования колхозов, которые к этому времени очень мало отличались от государственных предприятий.

В стране стало меняться законодательство, что отражало направленность реформ в сельском хозяйстве: свобода организации производства, право на фермерство, изменение взаимоотношений с государством, полная самостоятельность сельхозпроизводителей... В подготовке всех этих документов Аграрный институт участвовал очень активно. В середине декабря 1990 года уже была внесена поправка в ст. 12 Конституции РСФСР: имущество передали членам трудовых коллективов, выращенная продукция объявлялась собственностью организации, тем самым нивелировались обязательства их продажи государству, уже объявлялось, что земля для целей сельского хозяйства могла быть передана в собственность, вводился мораторий на продажу земли, полученной в собственность, и т.д. Иными словами, страна стремительно менялась в страшном противоборстве населявших ее людей. Точнее — той части, которая могла влиять на решения об этих изменениях. Одни не знали точно, как нужно конкретно проводить преобразования, но понимали, что по-старому жить нельзя, а другие считали, что нельзя проводить преобразования, нужно их продумывать, проверять и, быть может, ничего не менять. Тем временем исчезла наша страна, в которой мы все родились, — СССР.

Никонов ввел особый порядок работы в институте: не только в библиотеке, за расчетами, но и «в поле». Мы часто ездили в командировки — смотрели на местах, что происходит, где есть позитивные практики, где такие, которые нужно прекратить, чтобы сохранилось сельское хозяйство. Крылатых организовала мониторинг земельных отношений, который проводился по всей стране, а отчеты о мониторинге стекались в Аграрный институт. Они свидетельствовали, что система управления экономикой страны, основой которой был даже не Госплан, а система райкомов, обкомов, крайкомов, обеспечивающая работу экономического механизма, прекратила свое существование. Железнодорожные пути, построенные в дальние районы Ленинградской области для снабжения животноводческих комплексов дешевым зерном в условиях низких тарифов, опустели, поголовье уничтожалось... Картина складывалась безрадостная: у хозяйств не было денег для инвестиций, текущих нужд. Фермеров с огромным трудом выпускали из хозяйств, предоставляя преимущественно худшие земли. Я долго хранила у себя страницу из отчета, уже не помню, какого регионального института, в котором описывался коллапс в сельском хозяйстве, и в конце было сделано такое дополнение: «А вообще, из-за недостатка средств,

хозяйства не вносят удобрения — сократилось число участков выжженной ими земли. Нет средств заказать авиаобработку — в поле появились бабочки, а в лесах — зайцы, в реках — рыба...»

В хозяйствах происходило много чего. Техника, как и все имущество, стала собственностью колхозов и совхозов, но внутри предприятий не были определены отношения и ответственность членов, руководства, в результате директора стали продавать технику. Не всегда это была бесхозяйственность или действия в личных интересах — они пытались обеспечить заработную плату работникам. Но часто отсутствие системы внутривозрастных отношений собственности не позволяло контролировать целесообразность этих процессов. Помню, мы делали обследование: в селах в личном пользовании оказалось чуть ли не больше тракторов, чем осталось в хозяйствах.

А.М. Никулин: Какие это годы?

Н.И. Шагайда: 1992-й.

А.М. Никулин: Когда «процесс пошел»?

Н.И. Шагайда: Да. Встал вопрос: как так сделать, чтобы это накопленное имущество не было разбазарено, чтобы был контроль над тем, что теперь являлось собственностью организаций, если в старых типах организаций все это просто не регулировалось? Появилось «Постановление Правительства РФ о реорганизации колхозов и совхозов», в котором попытались создать формы организаций, привести взаимоотношения в них в соответствие с новыми экономическими реалиями и законами. Это постановление страшно критиковалось — развал колхозов и совхозов! Совхозов — очевидно, так как на их месте чаще всего создавались частные ТОО и АО, колхозов — нет, так как новые формы организации предусматривали возможность сохранения колхозов, но с новыми уставными документами и взаимоотношениями. Аграрный институт во всем этом активно участвовал, понимая, что нельзя делать вид, что ничего в экономической жизни не происходит.

После выхода «Постановления о реорганизации» Узун и я по просьбе Ассоциации крестьянских (фермерских) ассоциаций и кооперативов (АККОР) написали брошюру о реорганизации. Сидя в кабинете, читая Постановление. Нам казалось, что там довольно просто изложено, как провести реорганизацию. Руководитель хозяйства из Псковской области обратился к Н.С. Харитонову из МГУ — человеку, который всегда поддерживал фермерское движение и кооперацию, с просьбой помочь провести реорганизацию в хозяйстве. Помню, как я удивилась, когда мы с Еленой Беловой из МГУ работали там и составляли списки работников, пенсионеров, рассчитывали им размеры имущественных паев и земельных долей — под тысячу человек! Половина — с узбекскими фамилиями в холодном довольно крае! Оказалось, что традиционно туда приезжали много людей из Узбекистана, потому что местные массово уезжали в города. Если эти новые работни-

ки захотели бы вернуться уже в независимый Узбекистан, то хозяйство должно было бы ликвидироваться — некому стало бы работать. Они и уезжали.

Так постепенно я вникала в практические аспекты реорганизации сельхозпредприятий. Понятно было, что много проблем не могут быть урегулированы принятым постановлением. Не ясно было ни руководителям, ни работникам, зачем нужна реорганизация. «Сельхозники» в Верховном Совете стояли насмерть — все нужно вернуть назад, дать кредиты под 2% годовых... Многие думали, что могут и вернуть. Как на другой планете жили люди — в стране в тысячи процентов инфляция! И Академия сельхознаук не стала движущей силой преобразований. Надо сказать, позиция Никонова контрастировала с позицией РАСХН, но против него не выступали. Как оказалось — до поры до времени. Однажды не поленились послать в каждое районное управление сельского хозяйства бюллетень с решением Бюро РАСХН, где указывалось на низкий методический уровень работ института под руководством Никонова. В Омутнинском районе Кировской области, куда я приехала, мне его недоуменно показали.

Никонов много работал с Верховным Советом, там сталкивался с молодым губернатором Нижнего Новгорода Борисом Немцовым, которому тогда было 33 года. Люди старой закалки видели в Немцове опасность, а удивительный Никонов разглядел другое. Они много разговаривали. И однажды в институт обратился Немцов с просьбой оказать помощь в разработке технологии приватизации земли и реорганизации сельскохозяйственных предприятий. Работники Аграрного института написали брошюры — «Аграрная реформа в вопросах и ответах», «Реорганизация сельскохозяйственных предприятий». Писали? Делайте! Приказ Никонова о командировке принесли прямо на конференцию по аграрной реформе, которую Никонов проводил с уже опальным тогда М.С. Горбачевым. Он всегда гордился дружбой с ним. Никонов подписал, я и Узун вечером 16 января 1993 года в первый раз поехали в Нижний. Василий Якимович предложил присоединиться нескольким коллегам из своей группы, с которой работал в институте, — отказались все, кроме меня. У меня был сын-первоклассник, я тоже не сразу согласилась. Но муж поддержал, времена тогда были очень трудные. Я спросила: «На сколько времени проект?» — Василий Якимович ответил, что месяца на три. Одна-две недели в месяц. И мы застряли на три года только в Нижнем! Для работы в институте это была находка: море материалов, мы сидели в селе и в Нижегородском кремле, пытались провести реорганизацию, набирали статистику, данные соцопросов, отработывали процедуры, которые предписывало российское законодательство, а если они не работали — предлагали другие, общались с законодателями на уровне области и в Москве...

Эта была фантастическая работа! К этому моменту приняли

Н.И. Шагайда,

А.М. Никулин

«Все поколения моей семьи... были вовлечены в глобальные аграрные преобразования»

второе постановление правительства по реорганизации: оно снимало часть проблем, но далеко-далеко не все. Если бы меня спросили про технологию реорганизации до Нижнего, то я бы ответила твердо, что все в ней понимаю, а после приезда в Нижний я поняла, что не знаю ничего.

В первый приезд мы объехали с членами интернациональной команды проекта и работниками департамента сельского хозяйства в Нижнем 20 сельхозорганизаций, которые захотели, чтобы им помогли с реорганизацией, или которые имели опыт работы на арендном подряде, в них были активные люди, которые хотели создать свои организации, КФХ в ходе реорганизации на базе реорганизованного предприятия. Из них отобрали 6 пилотных, на базе которых планировали отработать все процедуры (одно впоследствии отказалось). Закончили их реорганизацию почти через год. При этом команда разрослась с 5 до 30 человек.

А.М. Никулин: Ты осознавала, что вы занимались историческим делом?

Н.И. Шагайда: Первоначально — нет. Но потом я вспомнила всех своих бабушек и дедушек, родителей и поняла, что в моем поколении кто-то должен был заниматься реформой. Так уж получилось, что все поколения моей семьи, которые я помнила, были вовлечены в глобальные аграрные преобразования в России. Про маминых родных я говорила — семьи моих бабушки и дедушки были участниками Столыпинской реформы. Сегодня нас призывают получать Дальневосточный гектар, проводят опросы, которые показывают, что значительная часть 17–24-летних хотят поехать на Дальний Восток за этим гектаром. Я сравниваю этих 17–24-летних и семьи своих дедов, фото которых были в дедовом доме все мое детство, — сравнение не в пользу первых. Никуда они не поедут. На фото — большие семьи 30–40-летних людей. На семью давали столько земли, сколько она могла обработать. Это не было поле — была тайга, нужно было все расчистить, окультурить, построить... Интересно, что семья моей мамы — сельские люди, но только она после техникума работала в колхозе. Дедушка и бабушка никогда не были членами колхоза, дедушка был охотником, рыбаком, собирал женьшень. Бабушка занималась домом, огородом, живностью и пятью детьми. Может быть, его спасло то, что он был партизаном во время японской интервенции после революции. У него и медали были. Летом он занимался хозяйством, охотой, собирательством, а зимой подрабатывал истопником. Но в колхозе не был.

А.М. Никулин: Большая редкость и по тем временам — большая свобода.

Н.И. Шагайда: Да, да. И он во время Второй мировой войны служил на острове Русский, потому что там тоже ожидали японского вторжения. А папины прародители еще в екатерининские времена тоже с Украины, из Киевской области переехали на тер-

риторию нынешней Волгоградской. Папины родители и деды попали там «под каток» в коллективизацию. Все-таки на Дальнем Востоке такого катка не было, а тут был. Дедушку в 1929-м забрали, выслали, и они ехали по железной дороге, куда была железная дорога. Железная дорога заканчивалась — они ее строили и ехали дальше. Зимой, в мороз. Люди умирали. Дедушка заболел тифом, выздоровел, потом — возвратным тифом. И таким образом передвигались до Караганды. После высылки деда все из дома забрали. Брать особо было нечего, хотели забрать валенки и тулуп, в рукаве которого лежал двухмесячный папа. Но оставили. И бабушка, схватив ребенка в тулупе, в этих валенках побежала к родителям. Ее отец, испугавшись за нее, взял ее и маленького папу и уехал в Сибирь, какое-то количество лет там скитались. Вернулись, а тут — 1937 год, дедушка-кузнец попал под разнарядку... За две недели арестовали-расстреляли. Недавно я нашла его имя в «Книге памяти» Саратовской области. Папа долго искал информацию о нем в Волгоградской области, а оказалось — в Саратовской нужно было искать. Там просто название деревни, род занятий, причина и фамилия — Кравченко Семен Максимович. Видно было по дням — арестовали, судили, расстреляли. В две недели все успели. Когда я пыталась найти место, где же он похоронен, где были эти массовые казни, выяснилось, что какая-то промзона, нет ни памятника — ничего. В 1990-м — реабилитировали. Вот так — ни за что — порушили или нарушили жизнь трех поколений: жены, дочери и внука... Я очень благодарна людям, которые нашли его имя.

А.М. Никулин: Да, и до сих пор существует циничное: «Советская власть просто так не арестовывает!»...

Н.И. Шагайда: Да, да, да. Так что мой дед, папин отец, в Караганде был. Очевидно, сначала в самом Карлаге. Потом его отпустили на поселение и дали возможность поехать за семьей. Тогда мой папа в 6 лет первый раз увидел своего отца. И попробовал первую конфету. И приехал в Караганду. Когда началась война, дедушку на фронт не отправили, он работал в шахте, я помню его тело — угольная пыль въелась в кожу. И под завалами был неоднократно. Его брата, которого тоже сослали (работал бухгалтером), забрали на фронт, и он там погиб. Собственно, все из семей мамы или папы, кто попал на фронт, или погибли или инвалидами вернулись. Парадоксально, что в 1950-е ссыльными в Караганде позволили строить дома. Улицу ссыльных называли Социалистической. Строили постепенно: кухня и комната, потом — пристраивали новую кухню, старая становилась комнатой. В конце получился замысловатый дом с тремя выходами и чередой проходных комнат. Детям в нем было раздолье в прятки играть: всегда можно было незаметно выбраться из дома и спрятаться во дворе. Я все время обращала внимание, как дедушка и его соседи — бывшие ссыльные организовывали хозяйство в своих дворах. До сих пор пытаюсь

*Н.И. Шагайда,
А.М. Никулин*
«Все поколения
моей семьи... были
вовлечены в гло-
бальные аграрные
преобразования»

скопировать какие-то фишки на даче или в доме. В Караганде нет воды, так дедушка прокопал какой-то немислимый колодец, качал воду в бассейн, а из него была система бороздок посередине каждой грядки. Он не носил ведра для полива, у него не было шланга. Он открывал бороздки и следил, как поливается грядка за грядкой. Я помню его натруженные руки, он ими выращивал помидоры — почти как арбуз!

А родители — это Целина. Когда папа закончил 7 или 8 классов, дед ужасно не хотел, чтобы он попал в шахту. Только с 6 до 14 лет папа жил со своими родителями, а потом папа поехал в сельскохозяйственный техникум, потом — немецкий колхоз, потом — ленинградский институт, потом — Павлодарская область.

А.М. Никулин: Получается, что тебе — выпало заниматься реформой, тоже эпохальной, в расцвете сил — ты и диссертацию защитила, у тебя опыт...

Н.И. Шагайда: Мне было 34 года.

А.М. Никулин: Возраст — как раз для реформы. У тебя и твоего рода в судьбе истории разных реформ, причем самых драматических.

А теперь расскажи подробнее о нижегородских реформах и о твоей личной роли в них. О нижегородских реформах говорят разное, есть и яростная их критика.

Н.И. Шагайда: Вот меня поражает, когда говорят о «нижегородской модели» — такой модели нет. По-моему, только сотрудники Института государства и права, которые разбирались во всех документах, считали, что нет «нижегородской модели», есть общее правило проведения реформы в России и регламентация, как это делать, разрешать сложные проблемы, отработанная в Нижнем. А все как попугаи твердили — «нижегородская модель», разрушение сельского хозяйства. Надо сказать, что я однажды написала письмо профессору Алексею Павловичу Зинченко, он был моим преподавателем в Тимирязевке, сотрудники которой были люты в критике нашей работы, не зная ее толком, а когда я стала работать в Нижнем, при случайной встрече он как-то так с осуждением отозвался о том, чем мы занимаемся. И я ему написала письмо, потому что я постоянно была в командировке, не могла лично объяснить. Написала, что у нас нет морального права делать вид, что ничего не произошло. Хозяйства брошены, и им нужно помогать в реорганизации для того, чтобы не было уничтожения производственных фондов, что нарушены права как тех, кто берет на себя ответственность в новых условиях создать организации и ИП, так и тех, кто таким активным передаст свои доли и пай в надежде на дивиденды и арендную плату. День за днем мы пытались превратить эти две страницы Постановления о реорганизации в некоторую процедуру, которую можно осуществлять (здесь Узун, конечно, задавал тон). Во-первых, это была международная команда, и можно было научиться новому. Во-вторых, я должна сказать, что крупно повезло, что Немцов был заинтере-

сован в работе, он постоянно контактировал, согласовывал, принимал решения. Он был классный! Я с печалью думаю о том, что потенциал такого креативного и патриотичного человека был отторгнут. В-третьих, там была мощная информационная работа для тех, кто оказался затронут приватизацией/реорганизацией. Очень много работали с людьми в хозяйствах. Ну с чего начать? Вот нужно сформировать новое предприятие — как сформировать? Люди должны стать участниками. Что люди должны внести? Свой имущественный пай? Каким образом заключать договор? Выяснилось, что не совсем ясно, как рассчитать этот имущественный пай. И мы собирали списки, рассчитывали эти пай... договаривались с людьми... Выяснилось, что нет даже свидетельств на землю — как его выдать? Придумывали первые свидетельства. Представляете? Прошел год после начала приватизации, уже она должна быть закончена, а нет документов, подтверждающих права граждан на землю и имущество! Нижегородские депутаты утверждали первые комплекты документов, которые помогали провести приватизацию. Так что первое свидетельство на землю «рисовали» в Нижнем. После этого думали — какие формы организаций лучше создать? «Закон о предпринимательской деятельности» был, а какой устав нужно для сельскохозяйственной организации? Мы адаптировали уставы ООО и прочие, именно для сельскохозяйственных организаций. А как провести процедуру, чтобы было все законно? Должно быть одно предприятие, или сколько? Работали с теми, кто хотел создать свои бизнесы. Они уже обращались к собственникам земельных долей имущественных паев, разговаривали с ними, агитировали отдать им, обговаривали условия... Выяснилось, что и договоров нет — делали проекты таких договоров, они были даже первоначально нотариально заверенными, с множеством страниц, потому что все боялись, что земля уйдет кому-то не тому... Потом поняли, что нотариусов приглашать — дорого, что не во всех этих сельхозорганизациях это смогут, значит, нужно их упрощать... И собирали эти предприятия, делали эти документы, заключали договоры, писали листовки — короче, написали на основе опыта пособия о том, как провести реорганизацию, в пяти разных видах.

Первый был для областной администрации — что нужно принять, если не будет федерального законодательства. Второе-третье: что должны сделать районные власти, что должны сделать внутрихозяйственные комиссии по реорганизации, как правильно сделать, чтобы все права соблюсти.

Потом, что должны сделать те, кто хочет организовать свой бизнес. И для тех людей, которые не хотят организовать свой бизнес, чтобы они знали свои права.

Одно и то же было написано разными текстами, с разным объемом работы. Что должны знать бабушки-дедушки про то, кому они отдают свои доли и пай, какой договор должны заключить

*Н.И. Шагайда,
А.М. Никулин*
«Все поколения
моей семьи... были
вовлечены в гло-
бальные аграрные
преобразования»

и прочее. Конечно, было огромное количество людей, и исследования проводились, и все-все-все. Смешно было, что, когда начинали работу, спросили: вы понимаете, что такое реорганизация? Все понимали. Потом там чуть ли не год информационной работы с лидерами новых бизнесов, лидеров с людьми... И после этого приходят социологи, спрашивают: вы понимаете суть реорганизации? Нет, мы ничего не понимаем. В каждом хозяйстве была огромная работа тех, кто там был, и нас — консультантов. Был механизм урегулирования споров за участки или объекты через аукцион, платежным средством там были не рубли, а эти земельные доли и имущественные паи, точнее — их баллогектары и паевые рубли.

Если был спорный объект, то его получал тот, кто платил больше паевых рублей, а оставшемуся доставались другие объекты, но уже со сниженной ценой. Эта процедура, кроме аукциона как формы урегулирования этих споров, не содержала ничего, что не укладывалось бы в уже имеющееся законодательство.

Аналогичная процедура шла по земельным участкам, которые формировались с учетом севооборотов. По работе в Нижнем Новгороде было принято три постановления Правительства РФ, которые уже институтизировали эту процедуру для всей страны. Были разосланы через Министерство сельского хозяйства Пособия о реорганизации в каждую сельхозорганизацию.

А.М. Никулин: А как вообще сформировалась ваша международная команда?

Н.И. Шагайда: Была такая история: в Нижнем молодой губернатор и время реформ. Реформа по-русски — это когда объявили, написали несколько страниц постановления и сказали — делайте. А через год-два-десять удивление: почему ничего не произошло? А потому, что сделать нельзя: то тут, то там возникают вопросы, противодействие чиновников... Россия была тогда членом разных международных организаций, к России в 1990-е был большой интерес. Немцов запросил проекты технической помощи — раз Россия платила взносы в международные организации, должна же получать что-то и от них? В Нижнем прошел проект технической помощи по приватизации в торговле — получилось удачно. И второй проект он выбрал у ИФС (Международная финансовая корпорация) — реорганизация в сельском хозяйстве. Его спросили: «А с кем работать?», и вот тогда он обратился к Никонову. Там получились разные схемы реорганизации: в одном хозяйстве могли возникнуть пять ООО на базе территориально разбросанных отделений, иногда — два, могло остаться одно хозяйство и выделиться два фермера. Специально никто не подбирал схемы реорганизации, они создавались самими людьми в этих хозяйствах. Наше дело было предлагать варианты в рамках закона, информировать людей. При разделе имущества и полей должна быть сохранена возможность функционирования: ферма не могла

перейти к разным предприятиям частями — коровы к одному, коровник ко второму, а оборудование — к третьему. Ферма была единой — от здания со всем содержимым до подъездных путей к ней и выгульных площадок.

В результате пять или шесть лет мы работали не только в Нижнем, но и в других областях. Бывало, я просыпалась и думала с закрытыми глазами: «А в каком я городе?»: по просьбе губернаторов работали во многих местах. Губернаторы обращались уже к Немцову — как вы сделали? к кому нам обратиться? По просьбе губернаторов сформировали команду и работали уже в Орле, Ростове, потом в усеченном варианте в 11 других субъектах Российской Федерации. В некоторых областях до сих пор сохранились команды отлично подготовленных местных консультантов, которые разбираются в корпоративных и земельных отношениях в сельском хозяйстве.

А.М. Никулин: Это аж еще пять лет продолжалась работа по реорганизации сельхозпредприятий?

Н.И. Шагайда: Да, даже после рассылки Пособия по реорганизации в 1995–1996 годах. Как я уже говорила, Проект работал, хотя и с трудом, с Минсельхозом. Надо сказать, что в годы, когда руководителями федеральных органов, ответственных за земельную реформу, были Николай Васильевич Комов, Виктор Николаевич Хлыстун, который потом был несколько раз министром сельского хозяйства и вице-премьером правительства, было очень легко. К ним можно было обратиться, если мы видели проблему, если они нашу озабоченность разделяли, то сразу следовали действия со стороны официальных органов. Я теперь вижу, как организовываются разные государственные дела, понимаю, как много зависит от личности. Роль Виктора Николаевича и Николая Васильевича — уникальна! Тогда землю отдали десяткам миллионам людей. Все зациклились только на сельхозземлях, но реформа была значительно шире!

А.М. Никулин: Это тоже аграрная реформа! Благодаря ей у нас появились миллионы дачников.

Н.И. Шагайда: Конечно, конечно! И то, что до сих пор формально земля сельхозназначения в основном принадлежит людям, которые с разной активностью и в силу разных причин пользуются своими правами, — это тоже результат реформы. Я не помню, где приватизационные ваучеры нашей семьи, куда они делись... Москвичи тогда вносили их в разные паевые фонды, но это же было жульничество в чистом виде. Массовое! Где купленное на них имущество, где эти паевые фонды, почему этим никто не занимается? Где Следственный комитет и Генеральная прокуратура?

А земля-то в большинстве случаев у первичных бенефициаров реформы и их наследников оказалась. Конечно, было огромное количество злоупотреблений, особенно в Московской области,

*Н.И. Шагайда,
А.М. Никулин*
«Все поколения
моей семьи... были
вовлечены в гло-
бальные аграрные
преобразования»

но в принципе и благодаря работе Проекта свидетельства на землю были выданы, или люди узнали, что они должны были быть выданы. Это снизило злоупотребления.

А.М. Никулин: Была проделана огромная работа, и вот мой вопрос: можете привести конкретные примеры, успешные или провальные? На уровне отдельного бывшего колхоза-совхоза? Что запомнилось из этих реорганизаций?

Н.И. Шагайда: Я, конечно, помню первые пять хозяйств. Периодически смотрю по СПАРК-Интерфакс: существуют, развиваются? Картина разная: слабых уже нет (но это было видно сразу), а там, где были сильные личности руководителей — развиваются.

Был такой замечательный директор нижегородского совхоза, одного из пилотных хозяйств Евгений Константинович Михеев. Председатель всегда должен быть сильным, но этот был особенный. Он как прогрессивный человек понимал, что что-то нужно делать, и в «эту лодку» вскочил — вступил в программу реорганизации. Да, кстати, она называлась ЗЕРНО — земельная реформа Нижегородской области. Но настолько это все было для него необычно, что он все время думал: «А надо ли это?», потом ему все это показалось слишком смело. Нужно было уже проводить информационную работу, а он ничего не делает. По программе участников решили свозить в Америку, показать, как работают частные фермы. И один из председателей, который, кстати, потом «отвалился», шестой, подал все документы на визу и, проезжая мимо пятого, который, можно сказать, уже не работает, заехал к нему: «А чего это я тебя не вижу на этих встречах? Мы в Америку едем». «А я что, не еду в США?» — удивился пятый. И когда уже была сформирована группа, завтра нужно ехать и сдавать документы на визы, он появляется в Нижнем Новгороде. Приходит и говорит: «А я тоже хочу поехать!» Ему говорят: «Ну вы же не хотите узнать, как работают частные компании? Зачем тогда ехать?» — «Нет, я хочу!» — «Но вы все равно не успеете уже, нужны фотографии и прочее...» — «У меня фотографии с собой!» — «Хорошо, но нужна печать главы сельсовета, что это ваша фотография». — «Председатель сельсовета сидит у меня в машине у подъезда с печатью!» Он все предусмотрел и поехал, а там загорелся своим частным бизнесом. И надо сказать, хотя он был очень сильный человек, он не стал давить на людей своим авторитетом. Был, например, главный зоотехник, который хотел работать отдельно, — он и забрал себе половину хозяйства. И когда мы приехали туда три года назад, то увидели, что эта половина зоотехника превратилась в небольшую ферму, в маленькое фермерское хозяйство: 50 коров, небольшое количество земли. А наш уникальный директор развил свою часть, подобрал шесть сельхозорганизаций, которые рядом разорялись, и создал самый успешный сельхозбизнес в области. Собственно

говоря, что дала эта реформа? Она позволила этим «монолитам» колхозов или совхозов, которые были искусственным образом созданы, стать подвижными, гибкими, перераспределять ресурсы в пользу тех, кто может и хочет что-то делать. Это была главная ответственность людей, участвующих сознательно в реформе, потому что другой ответственности не было. Государство не брало на себя заботу по сохранению этих хозяйств. Это такой пример, частный, а общий итог — российское сельское хозяйство модернизировалось. Есть еще много зон запустения, но то, что работает, — это модернизированное, современное хозяйство. Какой успех еще есть в какой отрасли у нас без государственного участия, скажите?! Поэтому я считаю, что это очень успешный проект.

А.М. Никулин: Получается, что к 1998 году эта часть исследований, очень важных практических работ, подходит к концу и начинается следующий этап?

Н.И. Шагайда: Да.

А.М. Никулин: У меня такое впечатление, что одна из причин того, что много хозяйств к концу 1990-х так или иначе развалилось, это серьезный аграрный экономический кризис, который был частью тяжелейшей ситуации в народном хозяйстве в целом...

Н.И. Шагайда: Падение всего и вся в ходе политико-экономической перестройки — обычное дело. Даже если посмотреть на территорию бывшей ГДР, то и там драматическое падение поголовья скота, сокращение числа работающих. Главное, чтобы существовал механизм восстановления в новых рамках. Вообще, нужно вопрос ставить так: если бы все осталось по-прежнему, что было бы? Мне кажется, что агония и большие разрушения.

А.М. Никулин: Так в большинстве областей и не было. Реформы тормозили «красные помещики» и иже с ними. В конце концов, все само собой развалилось, рассыпалось, обанкротилось к концу 1990-х — началу 2000-х.

Н.И. Шагайда: Другое дело, когда людям были выданы документы на землю, оформлены отношения членства, проведена информационная кампания. Знаешь, как в промышленности — там тоже было постановление о том, как провести приватизацию — и что? Обанкротилось много чего, или свои акции люди просто потеряли... А тут есть возможность хоть какой-то части населения сохранить актив.

Реорганизацией можно было заниматься, пока у хозяйств не было долгов, так как правопреемники хозяйств получали не только землю, имущество, но и долги. Это был шанс и огромный вызов для активных людей. По всем нашим опросам, не больше 15% населения хотели организовать какое-то свое дело, чаще всего все хотели быть вместе, чтобы никто не выделялся, и активных порицали. Особенно страдали те, кто создавал фермерские хозяйства или ИП: «Ты что, хочешь быть умнее всех?» Приватизация

и реорганизация дала активным людям возможность что-то сделать, а не очень активным — получать хоть какой-то доход.

Это была для меня очень интересная работа! Я настолько была в этой теме, что постоянно говорила об этом дома, а мой муж должен был бесконечно слушать про все коллизии реорганизации. В конце концов он сказал: «Я все понимаю, но что такое земельная доля?»

А.М. Никулин: Вот тут уже прозвучала тема земли. Как я понимаю, другое твоё направление в конце 1990-х — начале 2000-х — это земельный вопрос, земельные отношения. Да и монография этому посвящена. Это тоже большой этап твоего личного научно-исследовательского пути?

Н.И. Шагайда: Нет, до этого были ещё два направления. Первое — продолжение работы по реорганизации. Накопление долгов в сельхозорганизациях делало невозможным реорганизацию, так как за 10 лет имущество хозяйств без инвестиций приходило в упадок, а долги накапливались. Кто в таких условиях мог брать на себя ответственность за организацию собственного бизнеса? В этой связи мы пытались обосновать необходимость финансового оздоровления, у нас был проект «Финансовое оздоровление неплатежеспособных сельхозорганизаций». Второе направление — повышение занятости и доходов сельского населения. Мы видели, что на сельских территориях социальные проблемы не решаются, огромная масса высвобождающегося из сельского хозяйства населения сама должна была найти себе место занятости, программ поддержки не было. Мы понимали, что должна быть перестроена программа поддержки сельского хозяйства — переход от субсидий сельхозпроизводителям к поддержке разных видов деятельности на территории, помощь в организации бизнесов, в том числе — несельскохозяйственных сельскохозяйственных. В Аграрном институте также произошли кардинальные изменения. Никонов трагически погиб, к институту присоединили многострадальный Институт кибернетики и переименовали в ВИАПИ, которому присвоили имя А.А. Никонова. Здесь был организован Фонд поддержки аграрной реформы и сельского развития, который получил грант на реализацию двух проектов. Туда перешли молодые ребята, которые работали в проекте по приватизации земли в Нижнем и других регионах. Это были отличные специалисты. Были начаты два проекта в Ленинградской и Орловской областях по теме «Обеспечение занятости и повышение доходов сельского населения», а также «Финансовое оздоровление неплатежеспособных сельскохозяйственных организаций» в Московской, Орловской и частично в Волгоградской областях.

Узун отвечал за методологию, я была консультантом по развитию. Помню, как мы сидели у Улюкаева — тогдашнего замминистра в Минфине, и бессменный депутат Геннадий Кулик сказал,

что «нам всем, тут сидящим, надо поставить памятник, потому что мы решили проблему финансового оздоровления сельхозорганизаций». Правда, когда мы встретились с ним в кабинете замминистра сельского хозяйства Ленинградской области М.А. Сиротиной и он услышал, что мы отрабатываем процедуру аренды земельного участка в счет земельных долей, он назвал нас вредителями. Наверное, потому, что занимались районом, в сельском хозяйстве которого жизнь и не теплилась. Тогда мы участвовали во всяких комиссиях на федеральном и региональном уровне: в подготовке закона, в комиссии по выбору варианта реструктуризации долга и процедур финансового оздоровления. На пилотных хозяйствах пытались законно реализовывать процедуры оздоровления, находить проблемы, решать их, учить других.

В Ленинградской области проект по обеспечению занятости и повышению доходов сельского населения был реализован в Лодейнопольском районе. Там было сельскохозяйственное запустение...

А.М. Никулин: А почему вы выбрали такой неудачный район? Ты же говоришь, что важна предыдущая история, лидеры... Я так понимаю, что вы там обнаружили достаточно искусственно в поздне-советское время созданные колхозы и совхозы, когда туда приехали работать многие не местные, со всего СССР... Все-таки для реформы нужно выбирать более укорененные в местной жизни хозяйства...

Н.И. Шагайда: А там не было реформы! Там была дохлая ситуация: масса населения жили ниже уровня бедности, свидетельств на землю люди и в глаза не видели. А это был уже 2001 год!

А.М. Никулин: И что с такой тяжелой ситуацией делать?

Н.И. Шагайда: Этот проект нужен был именно для таких мест. В проекте были социологи, которые прошли по всем селам, провели фокус-группы с людьми. Оказалось, совершенно пассивное население. Сама территория с хорошими дорогами, чтобы возить лес — богатство! Все энергичные люди — это те, кто вернулся из города, возможно, занимались в Питере строительством и вернулись. Или выселенные из Прибалтики военные — по датской программе им было построено жилье и выделены участки. И что там делать? У бывших военных был хоть консультант-датчанин по сельскому хозяйству, а в других хозяйствах руководителями оказались случайные люди. Это была ужасно тяжелая работа — нужно было найти те точки, которые позволят чему-то вырасти. Мы пытались: создали Фонд поддержки сельского развития, например. Он до сих пор существует! В то время Ленинградская область давала деньги на поддержку сельского хозяйства, но давала как субсидию. А тут область в фонд дала деньги, добавили деньги спонсоры. Фонд работал на возвратной основе, в нем проще можно было взять кредиты на мелкий бизнес... Решение принимал Попечительский совет, куда входили уважаемые люди — главы администраций, фермеры,

*Н.И. Шагайда,
А.М. Никулин*
«Все поколения
моей семьи... были
вовлечены в гло-
бальные аграрные
преобразования»

руководители хозяйств... Сейчас этот фонд называется Фонд поддержки субъектов малого предпринимательства, пополняется уже из других источников, но он есть!

Собственно, и сейчас по всей сельской территории стоит проблема «Что делать, как найти точки развития?».

А.М. Никулин: Да, и эта проблема даже обостряется.

Н.И. Шагайда: Там было ужасно тяжело работать нашей команде — Ренате Янбых, Валерию Сарайкину, Любви Овчинцевой, Галине Родионовой и другим нашим коллегам. Доходы от сельского хозяйства занимали очень незначительную часть в бюджетах семей, все говорили: «Зачем надо развивать даже личное подсобное хозяйство, если мы летом можем набрать ведро морошки, продать — и это будет часть бюджета, и зимой не будем ничего делать. А тут зимой животных надо кормить, потом продавать...» Я помню, мы пытались, например, повысить ответственность руководителя сельхозпредприятия за качество молока и, чтобы у него повысилась выручка, предложили составить график продаж по дворам, повесить номер телефона, чтобы жаловались, если что-то не так с машиной, продавцами или молоком. Такой скандал был с этим руководителем: «Сейчас все начнут звонить по моему номеру!» Машина с молоком хозяйства не хотела к определенному часу ехать в определенную точку продаж: то проспят, то завернут на другой маршрут... В общем, на самом деле многие беды были от безалаберности. Люди жили очень скромно, и там было видно, что для развития семей нужно развитие потребностей (даже сравнить нельзя дома в Нижегородской области и Лодейнопольском районе). Люди под свои развитые потребности будут искать возможность заработать. Если нет потребностей, то и заработка можно не искать. В общем, там работа была тяжелая. Закончили проект мы написанием Пособий для тех, кто хотел повторить работу.

А.М. Никулин: Получается, что у вас все время были «стратегические направления». И реорганизация вообще и экономическая, потом — финансовое оздоровление в результате кризиса...

Н.И. Шагайда: И механизмы устойчивого развития...

А.М. Никулин: Фактически вы были одними из первых, кто системно на примере Лодейнопольского района стал разрабатывать проблему, что делать с территориями и их жителями.

Н.И. Шагайда: Ну да. А потом Россия перестала считаться «бедной страной», гранты на такие проекты перестали давать. Начались 2000-е годы: рост цен на нефть, Россия стала получать огромные деньги, однако не хотела вкладывать их в такого рода проекты.

А.М. Никулин: А как же нацпроект по сельскому хозяйству? Формально, по крайней мере, именно в национальных проектах нулевых годов было объявлено, что что-то делается в сельском хозяйстве.

Н.И. Шагайда: Нацпроект по сельскому хозяйству был. Но вот какое с ним отличие: в рамках проектов, в которых мы участвовали, мы не только что-то изучали и не просто давали кому-то денег под определенную цель, после себя мы оставляли реальный механизм — как это должно работать, опробованный на «пилотных хозяйствах», на «пилотных объектах», куда все могли приехать, посмотреть и повторить. И создание этих механизмов требовало участия людей. Мы предлагали, и в стране принимались институциональные изменения. Национальный проект никто под конкретную территорию не прорабатывал. Механизм был один — дать денег на то, что придумали в Москве, а так долгосрочные проекты не работают. Вот смотри, кредитная кооперация: где она получила развитие? Там, где были немецкие проекты, например, орловский кооператив, где людей вели за руку, обучали местные кадры и оставляли их для самостоятельной работы. Сейчас пытаются развивать кооперацию, дают деньги — а она не развивается! По меткому замечанию Игоря Кузнецова, «гора литературы о кооперации в дореволюционное время и сейчас не соразмерна масштабу кооперации». Но что же мешает? Я за то, чтобы придуманные схемы сначала прорабатывались на пилотных объектах, а потом предлагались всей стране. Такой отработки на местах — в национальных проектах не было.

А.М. Никулин: Страна стала богаче, и просто стали «разбрасывать» деньги, «сеять» их?

Н.И. Шагайда: Раздавать их, так как если сеять, то они попадут всем, а раздавать — далеко не всем. Сейчас, на мой взгляд, нужен проект сельской консультационной службы для создания системы таких служб.

А.М. Никулин: Есть такие попытки, но они не получили распространения в стране. Тот же Семеновский район Нижегородской области, где был проект «ТАСИС», от него осталась консультационная служба, которая до сих пор успешно работает. Но это предполагалось изначально.

Н.И. Шагайда: Вот и я помню: в Нижнем сначала была проведена реорганизация, потом проект в рамках «ТАСИСа»: «А теперь сделаем для людей, которые оказались в новой среде, какую-то инфраструктуру, хотя бы информационную, которая позволит им дальше работать». И вот эти «капельки» остались. В самом Нижнем тоже есть команда, которая и сейчас консультирует сельхозников. Сейчас государство в рамках поддержки малого бизнеса делает центры компетенций, которые должны поддерживать кооперацию... Слушайте, но вот если у нас нет системы консультационных служб, то кого берут работать в такие центры, с какими компетенциями? Эти люди должны сначала сделать что-то, а их уже сразу посадили давать советы.

А.М. Никулин: Если говорить о вашей институциональной организации, если охарактеризовать этот переход — вы работали

*Н.И. Шагайда,
А.М. Никулин*
«Все поколения
моей семьи... были
вовлечены в гло-
бальные аграрные
преобразования»

в Аграрном институте, но так или иначе, получается, что вы работали в связке: ты, Узун, еще ряд коллег. И в Аграрном институте, и сейчас — в РАНХиГС.

А как ты занялась землей? Ведь у тебя есть монография по земле.

Н.И. Шагайда: Сначала была работа в проектах, где шло накопление материала в первую очередь по земле. Я видела, как плохо идет оформление земли в собственность, что подавляющая часть земли используется без заключения договоров. И понимала, почему так происходит. Тогда я не читала труды Де Сото, но интуитивно стала собирать материал о транзакционных издержках при оформлении земли и земельном обороте, о влиянии институтов на перераспределение прав собственности и пользования землей. Я видела, как изменение институтов, системы организаций, задействованных в этом обороте, и уровень транзакционных издержек оборота предопределяют развитие или остановку в земельных отношениях, скорость перераспределения земли и его характер. И уже могла это измерить в днях или рублях. Было видно, что если издержки превышают выгоды, то ничего оформлено быть не может. В этот период я серьезно думала, чем заниматься дальше, и Василий Якимович сказал: «Надо писать докторскую диссертацию! Выбирай тему, исследуй и пиши». Я столько всего вынесла из этих проектов, а мне предлагают с нуля все начать! Надо сказать, что тут сыграла свою роль, может быть, не специально, Женья Серова, которая начала проект «BASIS» — по развитию сельского хозяйства, его эффективности, выявлению ограничений, а я готовила в нем раздел про земельный рынок. Работа длилась несколько лет, я в нем структурировала имеющиеся материалы. Тут внес свою лепту директор ВИАПИ им. А. Никонова А.В. Петриков: он сказал, чтобы я принесла план диссертации. Я принесла его через неделю, как он и назначил, через месяц — в феврале 2007 года оформилась в докторантуру, а 7 октября 2007 года защитила диссертацию. Я работала над темой с 1992 года, а текст подготовила за несколько месяцев. Это был итог моей работы — можно сказать, почти жизни. На уровне первого обсуждения рецензенты чуть не остановили процесс: В.З. Мазлоеву и Б.И. Пошкису показалось, что диссертация странная — транзакционные издержки, включенное наблюдение, монографические описания... Мой научный консультант В.Я. Узун был готов к тому, что нужно все отложить и написать что-то другое, но я стояла твердо — я буду защищать положения диссертации! Меня сильно поддержала Эльмира Николаевна Крылатых. На предзащите рецензент С.Б. Огневцев сделал замечания, но рекомендовал к защите, он сказал, что работа попадает в первый дециль работ по качеству/значимости из всех им виденных. Это была оценка! На конечном этапе формальных шагов по подготовке реферата мне очень помог В.З. Мазлоев, несмотря на то что готов был меня завернуть на первом. Его советы мне очень помогли. На защите было так много рецензий, что ученый

секретарь Т.И. Леонова мне выговаривала: «Все это нужно читать на защите!» А я просто рассылала реферат, никого ни о чем не просила. Оппоненты — Н.И. Буздалов, В.Н. Хлыстун и С.В. Киселев были доброжелательны и дали хорошие отзывы. На защите Сергей Викторович Киселев сказал, что нужно сделать книгу⁴. И я подумала, что и правда нужно. Хотя бы, чтобы себя реабилитировать: проблемы будущего были видны, пути преодоления известны, что могла сделать, я сделала.

В это время сельскохозяйственная земля активно выводилась из сельхозоборота, пригородные территории застраивались, процесс принимал неуправляемый характер. Я предложила в план НИР ВИАПИ включить тему «Разработка механизмов регулирования вывода сельскохозяйственных земель под застройку». Ее не поддержали в РАСХН, и тогда я написала заявку на грант Фулбрайта, выиграла его и поехала на стажировку в Вилсон-центр в Вашингтон для изучения этих механизмов в стране с давно существующей частной собственностью на землю. Меня интересовал вопрос, как государство реализует свои интересы в отношении такого ресурса, как земля, согласовывает частные и общественные интересы. Поехала на стажировку, оформив в ВИАПИ отпуск, иначе я должна была — по мнению администрации — уволиться. Так я там отдыхала. Стажировка была очень полезная, но ее результаты я публиковала уже под грифом моего нового места работы — в РАНХиГС при Президенте РФ. После возвращения из отпуска я выполнила обязательства перед ВИАПИ по подготовке годового отчета и с нового года уволилась.

Когда мне предложили в РАНХиГС организовать Центр агропродовольственной политики в Институте прикладных экономических исследований, то я позвала В.Я. Узуна перейти туда на работу. Он согласился только потому, что я обещала, что найду финансирование для подготовки книги об итогах аграрной реформы — это была его давнишняя идея. И мы ее выпустили. Монография уникальна тем, что там представлены предпосылки, механизмы и результаты, которые оказались как положительные, так и отрицательные. С тех пор основными моими научными интересами стали изменение аграрной структуры и вопросы, связанные с продовольственной безопасностью России.

А.М. Никулин: Это такие наблюдения «что происходит»?

Н.И. Шагайда: Абсолютно точно. И надо сказать, что я чувствовала свою силу как эксперта в том, что у меня был огромный багаж знаний о том, что происходит на селе. На много лет у меня была «фора» перед многими. А теперь я чувствую, что это преимущество заканчивается, потому что глубоких полевых исследований мы уже не проводим, занимаемся в основном статистикой и анали-

4. Киселев С.В., Никулин А.М. (2019). «Культура — это фактор производительности труда» // Крестьяноведение. Т. 4. № 2. С. 160-176.

зом. Это тоже очень интересно, но это другая деятельность. Например, аграрной структурой никто глубоко не занимается! Какие сейчас существуют сельхозорганизации, фермерские хозяйства, какое место занимают агрохолдинги? Получить информацию, позволяющую эту структуру увидеть, мне помогла работа в Центре стратегических разработок под руководством А.Л. Кудрина, Василий Якимович разработал методику выявления состава агрохолдингов, мои молодые коллеги — Д. Логинова и Е. Шишкина проанализировали базы данных — теперь мы знаем ответы на многие вопросы. Книга про агрохолдинги готовится к изданию.

А.М. Никулин: Я бы сказал, что тема аграрной структуры России более глобальная: это не только агробизнес и агрохолдинги, это и фермеры, и ЛПХ, дачники, сельские сообщества в целом... Это энциклопедическая тема, очень сложная!

Н.И. Шагайда: Хорошая идея — сделать серию публикаций (и не только силами нашего центра) о современной аграрной структуре.

А.М. Никулин: Я хотел бы еще спросить о твоём видении современных проблем сельской России, её ключевых болевых точках, поскольку вся твоя научная деятельность, организационно-внедренческая, была так или иначе посвящена этим актуальным проблемам.

Н.И. Шагайда: Вообще это сложный вопрос. Мне кажется, что сейчас должна произойти глобальная перемена приоритетов. Вопрос о способности страны производить достаточно продукции сельского хозяйства можно, наверное, отодвинуть, потому эту тенденцию не перебить: произошло техническое перевооружение, есть спрос, довольно много конкурентных продуктов... Лично мне не хватает государственных ориентиров на будущее. Для меня не ориентир «рост экспорта до 45 млрд долларов», поскольку не понятно, а для чего? Что хочет государство? Мне не хватает цели государства на перспективу, чтобы я могла искать «болевые точки», мешающие достижению целей. Мне было понятно, если бы государство объявило, что «основная цель — повышение благосостояния людей и качества их жизни». Тогда для достижения этой цели есть подцель — повышение благосостояния тех, кто живет на сельских территориях. Для этого нужно обеспечить выполнение ряда задач, а далее — мероприятий. И где-то там, на уровне одного из мероприятий появляются эти 45 млрд долларов, так как этот экспорт принесет столько-то доходов сельским жителям, они сделают шаг по повышению своего благосостояния и качества жизни. Или одной из задач по росту благосостояния и качества жизни должна быть задача не самообеспеченности страны продовольствием, а обеспечение бесперебойного физического и экономического доступа каждого гражданина нашей страны к доброкачественному продовольствию в объемах, обеспечивающих полноценную жизнь и не требующих на это значительной доли их расходов. То-

гда на уровне мероприятий появляется повышение самообеспеченности как гарантия бесперебойности снабжения, а это требует развития сельского хозяйства. Но сейчас постоянно декларируемое развитие сельского хозяйства ради экспорта — это недостаточная цель для определения аграрной стратегии государства.

А.М. Никулин: Есть проблема производства сельскохозяйственной продукции, а есть проблема обустройства сельских пространств.

Н.И. Шагайда: Я говорю, что это могут быть даже отдельные мероприятия... Когда показывают картинку современного сельского хозяйства, то видишь косилку, которая одна может косить все в районе. Не нужно много косилок и людей на них работающих. А куда должны подеваться сельские жители?

А.М. Никулин: Очевидно, что задача сельскохозяйственного производства: накормить себя, накормить человечество. А что делать с запустевшими сельскими пространствами? И с людьми на этих пространствах?

Н.И. Шагайда: Глобальная задача — накормить человечество. Мы все-таки удивительные люди, за все человечество в ответе. А для меня вот на первом месте благосостояние моих сограждан. Если государство ставит цель «быть житницей всего мира», у меня сразу же вопрос: зачем? Какая польза будет от этого людям, которые живут на 1/6 части суши? Мне это важно понять. Ведь производство, помимо прочего, всегда связано с отрицательными экстерналиями. Зачем нам лить на свою почву невероятное количество химикатов и удобрений? Зачем нам развивать здесь огромное количество птицефабрик? Василий Якимович в рамках НИР прошлых лет рассчитал, что чем выше рентабельность производства и норма прибыли, тем большая доля идет собственнику, менеджменту, в отличие от рядовых работников. Если бы широкий круг сельских жителей богател, то это была бы одна ситуация. Так что развитие экспорта для меня неочевидный приоритет. Думаю, и для многих тут имеется много вопросов для обсуждения.

Мне не хватает этих общенациональных обсуждений перспектив. То, что сельские территории развивать нужно — это очевидно, но получается, что мы в тупике: как развивать, для чего развивать? Обычные подходы — отремонтируем столько-то школ, построим клуб — не работают. Может быть, нужны стимулирующие меры — премию давать за то, что они там вообще живут? Если государство реально хочет развивать сельские территории, то почему урезает права сельских поселений или даже ликвидирует их?

А.М. Никулин: Это отдельная тема — наши слабые сельские муниципалитеты.

Н.И. Шагайда: Но если вы хотите, чтобы территория развивалась, может быть, нужно дать больше прав, функций и денег для этого? Это создаст места работы для квалифицированных жителей. Я вообще не вижу сейчас «картинки» будущего в селе. Получается — вот семья, которая старается воспитать детей, родители дают

детям образование, дети благодаря жутко ругаемому ЕГЭ и реформе образования имеют возможность поступить в институт, не выезжая из села. Поступают, уезжают учиться, заканчивают институт, и у них нет работы в селе: школу укрупнили, ФАП закрыли, библиотека давно не работает, сельское поселение ликвидировали, и сотрудников почти не осталось! Если вы хотите, чтобы эти дети вернулись туда, то хотя бы не забирайте муниципальные функции, которые там раньше выполнялись! Все забрали — сначала в район, теперь уже многое — в субъект. Сейчас получается, для того чтобы жить на селе, нужно быть здоровым — не требовать медпомощи, и богатым, чтобы самому мостить дороги, проводить или — даже проще — привозить газ. Для городского жителя вообще нет проблемы тротуара или газа в квартире, которая ему досталась бесплатно при приватизации, он уже был, как и тротуар у дома.

А.М. Никулин: Да, да. Изначально это должны быть какие-то суперлюди в условиях неразвитой инфраструктуры. У нас чудовищный демографический кризис, и на селе все ширятся своеобразные резервации постаревших, обедневших, ослабевших людей.

Н.И. Шагайда: Я хочу, чтобы мой ребенок выучился и вернулся домой, но кем он будет работать? В ЛПХ? Получается, что сельские родители должны быть готовыми оставаться одинокими или — в лучшем случае — тоже переехать ближе к детям. Нужен пересмотр стратегии развития сельских территорий.

Вот программа «Субсидирование сельской ипотеки», по ней хорошие отчеты. Замечательная программа, но ею воспользовались городские жители. Как мне объяснял один бывший руководитель сельхозпредприятия, «городская ипотека убила последние надежды оставить сельских жителей в селе», потому что они раньше снимали квартиру и каждый раз деньги теряли, думали, не вернуться ли им в село. А сейчас платят тот же самый платеж, но сразу живут в своей квартире. Таким образом, сельская ипотека стимулирует развитие в основном сезонного жилья для города, а городская — постоянного жилья для сельских жителей, но не в селе.

А.М. Никулин: Что еще можно сказать в заключение?

Н.И. Шагайда: Беседа у нас получилась не столько про меня, сколько про людей вокруг меня. Но я хотела этим сказать, что без тех, кто был рядом, включая мою семью, у меня такой интересной жизни не получилось бы.

“All generations of my family... have been involved in global agrarian transformations”

Natalia I. Shagaida, DSc (Economics), Head of the Center for Agro-Food Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: Shagaida@ranepa.ru.

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of the Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: harmina@yandex.ru.

Abstract. In the biographical interview, N.I. Shagaida, DSc (Economics), Head of the Center for Agro-Food Policy of the RANEPА, considers the historical roots of the development of the Soviet agrarian system on the examples of her life experience and her family generations involved in agricultural activities in different regions of the former USSR. The interview focuses on her reflections on the peculiarities of agrarian university and academic organizations and on the role of outstanding scientists as determining the results of research teams and the horizons of agrarian sciences. The article presents the milestones in N.I. Shagaida's scientific research as coinciding with the key stages in restructuring and reforming the Soviet and post-Soviet agrarian system, especially with the social-economic experiments and transformations under the reform of the Soviet collective-farm and state-farm system in the Nizhny Novgorod Region and other regions of the Russian Federation in the 1990s, and with the creation of rural development institutions in Lodeynopolsky district of the Leningrad Region. N.I. Shagaida emphasizes that for the successful and sustainable agrarian transformations, science and government have to work systematically in pilot regional projects in order to take into account opinions, requests and estimates of the rural population and local rural leaders in the development and adaptation of the daily innovations under the necessary agrarian changes. Thus, the interview questions the strategic goals of the state in the regulation of land relations, food security, agricultural production and the Russian rural development in general.

Key words: family, school, science, USSR, *perestroika*, reform, agricultural enterprises, land, rural development

*Н.И. Шагайда,
А.М. Никулин*

«Все поколения
моей семьи... были
вовлечены в гло-
бальные аграрные
преобразования»

**Рецензия на книгу: Кабытов П.С. Юрий Ильич
Смыков: биографический очерк, воспоминания,
письма**

**Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии,
2017. ISBN 978-5-98996-199-3**

Н.А. Федорова, Д.В. Давыдов

Наталья Анатольевна Федорова, кандидат исторических наук, доцент, Приволжский (Казанский) федеральный университет. 420008 г. Казань, ул. Кремлевская, 18.
E-mail: nfjodoro@yandex.ru

Денис Владимирович Давыдов, доктор исторических наук, профессор, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ. 420111 г. Казань, ул. К. Маркса, 10. E-mail: davdv@mail.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-2-154-158

В 2017 году в Самаре была опубликована книга о казанском историке-аграрнике XX века Юрии Ильиче Смыкове. Ее автор — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Петр Серафимович Кабытов. Книга, написанная в жанре научной биографии, состоит из четырех разделов — «Биографический очерк», «Воспоминания», «Письма» и «Фотографии», дополнена вступительным словом «От редактора» доктора исторических наук, профессора В.В. Кондрашина. Рецензентом рукописи выступил доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Саратовского госуниверситета В.Н. Данилов.

Как следует из названия, книга посвящена жизни и деятельности Ю.И. Смыкова — ученого, краеведа, организатора науки, педагога. Таким образом, данное издание продолжает традиции обращения к жизни и деятельности знаменитых казанских историков, какими являются И.М. Ионенко, Н.П. Муньков, Е.И. Устюжанин¹. Автор не скрывает, что на протяжении многих лет был

1. Федорова Н.А., Телишев В.Ф. (2002). Иван Михайлович Ионенко. 1913–1989. Казань: Издательство Казанского университета; Мустафина Г.М., Нигматуллин Р.Ш., Симицын О.В. (ред.). (2016). Учитель учителей. Казань: Астория; Крашенинникова Т.П., Симицын О.В. (2012). Евгений Иванович Устюжанин (1902–1968). Очерки жизни и деятельности. Казань: Астория; Расширенное заседание кафедры истории России, посвященное 100-летию Е.И. Устюжанина (2012) // Проблемы археологии и истории Татарстана. Вып. 3. С. 217–237.

знаком со своим героем и поддерживал не только научные контакты, но и дружеские отношения. Так что рассматриваемое издание не просто является первой научной биографией Ю.И. Смыкова, но и способом отдать дань памяти старшему коллеге.

Несомненно, книга заинтересует всех, кто лично знал героя повествования, знаком с его трудами. Но, на наш взгляд, этого мало: повествование выходит за рамки обозначенной темы. Кабытов вскрывает пласты времени и показывает условия бытования ученого и науки в непростых обстоятельствах XX — начала XXI века. Хронологически в книге охватывается период с 1931 по 2015 год, включающий в себя сталинизм, Великую войну, «оттепель», застой, перестройку, конец СССР... И все эти события оставили отпечаток на мировосприятии профессионального историка, нашли отражение в его работах.

Текст базируется на материалах периодической печати, устной истории, мемуарной литературы, на данных официальных документов, письмах и личных воспоминаниях П.С. Кабытова. Особое место среди источников принадлежит опубликованным работам Ю.И. Смыкова. По их проблематике легко проследить динамику исследовательских предпочтений ученого. Их историографический анализ позволяет рассмотреть исследовательские приемы работы с документальными материалами, методологические основы и методический арсенал советского историка.

Кабытов выделяет пять неравноценных и неравномерных этапов в жизни Ю.И. Смыкова. Первый охватывает время от рождения в г. Куйбышеве Новосибирской области до поступления на учебу в Казанский государственный университет в 1950 году. Далее автор описывает годы его студенчества (1950–1955), работу в Государственном музее ТАССР (1955–1960), в Институте языка, литературы и истории имени Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР (1960–1991) и возвращение в Казанский университет в должности профессора (1991–2012). Уход на пенсию превратил последние годы жизни Смыкова в безвременье, и автор почти ничего не рассказывает о них.

О ранних годах жизни Ю.И. Смыкова, о его «казанском» периоде мы знаем сегодня только отрывочно. Сам он рассказывать о себе, делиться воспоминаниями не стремился, и автору стоило большого труда обнаружить некоторые подробности биографии своего героя.

Очень непросто протекала и его студенческая жизнь. Достаточно упомянуть хотя бы тот факт, что поступал Смыков на отделение истории, а зачислен был на филологическое. Не менее «странно» она и завершилась — блестяще защитив дипломную работу и имея в своем научном багаже опубликованные статьи в «Ученых записках Казанского университета» и в академическом журнале «Вопросы истории» (в соавторстве), он не был принят в аспирантуру.

Н.А. Федорова,

Д.В. Давыдов

Рецензия на книгу:

Кабытов П.С.

Юрий Ильич Смыков: биографический очерк, воспоминания, письма

Как верно отмечает Кабытов, работа в музее не прервала научных изысканий Смыкова, не погасила в нем исследовательский интерес. Здесь завершается его становление как профессионального историка, осваиваются новые исследовательские практики и расширяется круг научных интересов включением в поле зрения краеведческой тематики (с. 19).

Согласимся с мнением автора: наиболее активный, плодотворный период научной работы Ю.И. Смыкова пришелся на 1960–1986 годы — в целом довольно сложное время для отечественной науки, связанное с господством «единственно верного марксистско-ленинского учения». Давление идеологических постулатов, незыблемый авторитет ортодоксов от науки негативно сказывались на его творчестве. С грустью и сожалением Кабытов упоминает нежелание Смыкова при написании монографии «Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю» акцентировать внимание на дискуссионных, «болевых» проблемах советской аграрной истории (с. 50).

Отдельный сюжет — деятельность Смыкова, связанная с организацией и проведением научных конференций по аграрной истории Среднего Поволжья, его роль в создании и работе Средневожского объединения историков-аграрников, ставшего не только координирующим центром исследований по аграрной проблематике, но и дискуссионной площадкой для историков разных школ и направлений (с. 40–44). Регулярно проводимые конференции оказались хорошей школой и для молодых исследователей, делавших первые шаги в науке. К тому же Смыков при всей своей эмоциональности умел находить общий язык с представителями властных структур при организации аграрных конференций и публикации их итогов. (с. 41, 85).

Глубокое знание аграрной проблематики, документального материала эпохи падения крепостного права позволило Кабытову глубоко проанализировать научный вклад своего коллеги в разработку вопросов аграрной истории Среднего Поволжья. Этому посвящен специальный раздел книги «История средневожского крестьянства на страницах монографий Ю.И. Смыкова» (с. 49–61). Автором выделены ключевые моменты исследований, которые позволяют говорить об актуальности и научной значимости рассматриваемых монографий² в современных условиях, раскрыта творческая лаборатория историка-исследователя. Однако чувствуется, что Кабытов о чем-то недоговорил, недоспорил со своим старшим другом. Так что во многом эта часть представляется скорее заявкой, приглашением провести тщательный объективный историо-

2. Смыков Ю.И. (1973). Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. Казань: Татарское книжное издательство; Смыков Ю.И. (1984). Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма (социально-экономическое исследование). М.: Наука.

графический анализ результатов научно-исследовательской деятельности Смыкова.

Не сбылись стремления Ю.И. Смыкова занять руководящую должность, стать заведующим кафедрой в вузе, отчасти из-за того, что много сил было отдано различным административным обязанностям во временных творческих коллективах. Кабытов называет проекты, которыми в 1980–1990-е годы руководил его герой. Согласимся с автором, высоко оценивающим коммуникативные способности Смыкова: в любом сообществе он, спустя довольно короткое время, мог стать «своим», органически вписаться в коллектив, завоевать уважение коллег.

Возвращение в Казанский университет было непростым. Во-первых, это произошло в самом начале 1990-х, когда и в науке, и в системе преподавания многое менялось. А во-вторых, на кафедре, куда он пришел, к этому времени работали пять докторов наук, каждый из которых был неординарной личностью. Найти свое место в таком коллективе трудно. Кабытов проиллюстрировал это на примере подготовки и издания курса лекций для студентов Казанского университета, главным редактором которого был Ю.И. Смыков (в основном автор опирается здесь на воспоминания участницы этого проекта, профессора Е.А. Вишленковой).

Надо сказать, что воспоминания сотрудников Казанского университета в книге занимают заметное место. В первую очередь это выдержки из автобиографической книги учителя и наставника Ю.И. Смыкова — профессора Г.Н. Вульфсона³. Интересные дополнения, «штрихи к портрету» главного героя содержатся в книге профессора А.Л. Литвина, с которым Смыков учился в одной студенческой группе⁴. Эти яркие и образные воспоминания дополняются рассказами о Смыкове его коллег и учеников из Москвы, Казани, Йошкар-Олы, Уфы. Автор подошел к этой части своей книги как истинный историк-архивист — собранные им тексты воспоминаний опубликованы в авторской редакции, в том виде, в каком их получил Кабытов. Люди разного возраста, разного статуса рассказали о своих впечатлениях о Смыкове, о встречах с ним, высказали свое мнение о его научном творчестве. Благодаря этим воспоминаниям создается разносторонний образ героя книги — не только профессионального историка, но и увлеченного своим делом человека.

Наконец, большим достоинством работы следует отметить публикацию писем главного героя. В этой части книги автором также продемонстрированы способности архивиста и источниковеда. В книге 39 писем Ю.И. Смыкова, адресованных автору в 1976–1985 годах. В них за лаконичными и внешне скупыми фразами прогля-

*Н.А. Федорова,
Д.В. Давыдов*
Рецензия на книгу:
Кабытов П.С.
Юрий Ильич Смыков: биографический очерк, воспоминания, письма

3. *Вульфсон Г.Н.* (2010). Страницы памяти. Казань: Издательство Казанского университета.

4. *Литвин А.Л.* (2013). Жизнь как выживание. Воспоминания и размышления о прошлом. М.: Собрание.

дывает большая дружба двух людей, их искренний интерес друг к другу, отношения, основанные на взаимном уважении. В этом разделе раскрывается личность не только Юрия Ильича, но и его собеседника — П.С. Кабытова.

Последняя часть публикации носит иллюстративный характер: она содержит фотографии Ю.И. Смыкова и его коллег за разные годы. Хотя их всего десять, однако это не просто иллюстрации, но и исторический источник, за счет них материал книги подается с нескольких ракурсов, что позволяет читателю более полно и объемно увидеть образ главного героя.

Несмотря на обращение к сложным, неоднозначным аспектам жизни и творчества казанского ученого, книга легко читается, поскольку написана простым, ясным языком. Свободный стиль изложения позволил автору в ряде случаев не скрывать своего доброго отношения к личности своего героя. Проявляя глубокую эмоциональную привязанность к своему коллеге, П.С. Кабытов не забывает и о своей полемике с ним, которая, по всей видимости, не раз сопровождала научное общение двух историков. Создается впечатление, что даже после ухода Ю.И. Смыкова автор продолжает с ним дискутировать, то выражая восхищение его талантами и трудолюбием, то находя некоторые недостатки в его концептуальных построениях.

Представленная публикация во многом носит характер сборника документов и побуждает к исследованию, а следовательно, обращена главным образом к молодым читателям, к тем, кто спустя годы сможет объективно и непредвзято оценить вклад в науку и Ю.И. Смыкова, и П.С. Кабытова, и многих других ученых XX века.

**Review of the book: Kabytov P.S. Yury Ilyich Smykov: Biographical Essay, Memoirs, Letters.
Samara: Publishing House of the Samara Humanitarian Academy.**

Natalia A. Fedorova, PhD (History), Associate Professor, Volga (Kazan) Federal University. 420008, Kazan, Kremlin St., 18. E-mail: nfjodoro@yandex.ru

Denis V. Davydov, DSc (History), Professor, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev-KAI. 420111, Kazan, K. Marx St., 10. E-mail: davdv@mail.ru

Возвращение усадьбоведения¹

**Возвращение в усадьбу. Неутраченные коллекции усадеб
Подмосковья из собрания музеев «Новый Иерусалим». М.:
ООО «СИТИПРИНТ». 2020. — 240 с.**

Е.С. Никулина

Екатерина Сергеевна Никулина, научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: nikulina@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-2-159-165

Это издание, подготовленное к выставке «Возвращение в усадьбу. Неутраченные коллекции усадеб Подмосковья из собрания музеев «Новый Иерусалим», проходившей 23 сентября 2020 — 30 мая 2021 года, представляет собой не только замечательный альбом-каталог уникальных старинных и современных фотографий подмосковных усадеб, архивных документов, коллекций усадебных картин, скульптур, книг, мебели, посуды, предметов быта, одежды, украшений, медалей, оружия, но прежде всего является серьезным научным исследованием истории усадеб московского региона, и в особенности драматической хроники судеб подмосковных усадеб в XX веке, а также историков и музейных работников, занимавшихся изучением и сохранением усадебного наследия.

Главная экзистенциальная доминанта книги — тема утраты исторического наследия и самоотверженного противостояния этому вопреки всем социальным катаклизмам революций, репрессий, войн, обрушившихся на Россию в XX веке.

Утраты действительно впечатляют. В книге отмечается, что из 1200 подмосковных усадеб начала XX века сто лет спустя сохранилось около 320 имеющих архитектурные ансамбли или отдельные постройки. Конечно, роковым для дворянских гнезд оказался 1917 год, когда знаменитый «Декрет о земле» уничтожил частную собственность не только на землю, но и на здания, инициировав в скором времени их национализацию, а также вывоз художественных коллекций с последующей передачей их в Национальный музейный фонд.

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Как отмечает куратор выставки К. Новохатько: «Это был акт разобшения и сохранения одновременно. Целостный мир усадебного мира делился по типам, жанрам, времени, художественной и научной ценности отдельных предметов. Однако незамедлительная охрана и вывоз наиболее ценных собраний, особенно с отдаленных территорий, — были единственной возможностью предотвратить стихийное разграбление. С 1918 по 1923 год из помещичьих усадеб Подмоскovie было изъято 4528 живописных полотен, 463 скульптуры, 15 546 предметов прикладного искусства. Эти цифры не отражают реальную картину усадебных художественных собраний. Часть из них погибла в годы революции, часть была оставлена на месте как бытовые предметы и также была постепенно уничтожена. С середины 1920-х усадебные здания вместе со всей обстановкой передавались различным советским учреждениям» (с. 14).

Современник революции 1917 года и последовавших за ней событий замечательный историк и краевед русских усадеб А.Н. Греч (1899–1938) в более философско-поэтической форме так отозвался на послереволюционную драму: «В 1917 началась агония. В том году обозначилась обреченность русской усадьбы и всего с нею связанного. Опустели дома, белые колонны рухнули. Дорожки парков заросли травой... В 10 лет вырос грандиозный некрополь. В нем — культура двух столетий. Здесь погребены памятники искусства и быта, мысли и образ, вдохновлявшие русскую поэзию, литературу и музыку, общественную мысль. История кончила здесь свою книгу, чтобы начать новую. Осталось написать эпилог» (с. 27).

Однако «написание этого эпилога» фактически превратилось в отдельную собственную историю борьбы за сохранение исторического культурного наследия усадеб, растянувшуюся на многие десятилетия и жизнь нескольких поколений историков, краеведов, музейных работников, — историю не оконченную, и новейшую веху которой лишь обозначила выставка и посвященная ей книга. Одной из центральных частей этой книги является подробная и всесторонняя хроника событий, связанная с сохранением культурного наследия подмосковных усадеб с 1917 по 1943 год. Обратимся к перечислению, на наш взгляд, самых важных моментов этой хроники.

Итак, почти сразу после свержения монархии, 8 марта 1917 года публикуется воззвание Комиссии по делам искусства при исполнительном комитете Совета рабочих и солдатских депутатов, которое подписали М. Горький, Н. Рерих, А. Бенуа, М. Добужинский: «Граждане! Старые хозяева ушли, после них осталось огромное наследство. Теперь оно принадлежит всему народу.

Граждане, берегите это наследство, берегите дворцы, они станут дворцами вашего всенародного искусства, берегите картины, статуи, здания: это — воплощение духовной силы вашей и предков ваших...» (с. 32).

А вот цитата из следующего эпохального документа этой хроники — «Декрета о Земле», принятого 8 ноября 1917 года:

«Ст. 1. Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

Ст. 2. Помещичьи имения... со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных и уездных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов.

Ст. 3. Какая бы то ни была порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом.

...За пострадавшими от имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям существования...» (с. 32).

Затем рассказывается, как в 1918 году были предприняты усилия для установления строгого порядка выдачи охранных грамот владельцам имений, усадеб и ценных коллекций произведений искусства, когда владелец охраняемого имущества становился его хранителем, не имея права им распоряжаться. Комиссия обеспечивала охрану и условия сохранения ценных предметов. В этом же году был создан Государственный (Национальный) музейный фонд для временного хранения и распределения реквизированных произведений искусства, в том числе из подмосковных усадеб. Позднее — Музейный отдел Наркомата просвещения (с 1921 года — Главмузей), чьи сотрудники, командировавшиеся в провинцию, назывались «эмиссары Музейного отдела». Они регистрировали усадебные коллекции, осуществляли вывоз наиболее ценных в столицу и охрану культурных ценностей на местах.

Но декреты декретами, постановления постановлениями, а бурная революционная жизнь того времени часто наносила непоправимый ущерб усадебным комплексам. Так, в 1919 году сгорает в пожаре усадьба князей Шаховских, одна из драгоценнейших архитектурных жемчужин Подмосковья. Приходят в упадок, разоряются, погибают десятки других подмосковных усадеб. Препятствуя этим процессам стихийного усадебного разрушения, к концу 1920 года было взято на учет и под охрану около 150 подмосковных усадеб. В некоторых из них начинают открываться первые музеи. Уже в 1919 году в главном доме усадьбы Покровское-Стрешнево была воссоздана обстановка прежней барской усадьбы, «упадка дворянской культуры в эпоху разложения крепостничества» (с. 34). В 1920 году в Воскресенском монастыре учреждается «Ново-Иерусалимский художественно-исторический музей», куда начинают поступать некоторые коллекции, например, из усадеб Мещерских (Лотошино и Ошейкино). Тогда же открываются усадебные музеи в Ольгово (Апраксиных), Никольско-Урюпине (Голициных), в Суханово (Волконских), создается историко-художественный музей во Введенском, аккумулирующий собрания из окрестных усадеб Ильинское, Кораллово, Назарьево, Большие Вяземы (Голициных).

Всего к концу 1920 года в Московской губернии было уже 12 усадебных музеев.

Важной вехой в сохранении усадебного наследия стало открытие в 1921 году в Воскресенске Музея местного края, заведующим которого был назначен деятельный Н.А. Шнеерсон (1881–1937). С развитием культурного плюрализма во время НЭПа в 1922 году учреждено Центральное бюро краеведения (ЦБК) при Академии наук. Тогда же благодаря усилиям искусствоведа Владимира Згуры (1903–1927) создается Общество изучения русской усадьбы (ОИРУ), его основная цель — «зафиксировать сохранившееся культурное наследие дворянских усадеб, пока они еще стоят на земле» (с. 36). ОИРУ приступило к формированию картотек усадеб, историографических карт (усадеб в живописи, графике, памятниках прикладного искусства) и библиографических указателей. В книге воспроизводится карта Московской губернии усадебных памятников того времени. Только за 1923 год ОИРУ обследовало усадьбы Кусково, Черемушки, Ясенево, Шаболово, Глинки, Рождественно, Савинское, Виноградово, Петровское, Рай-Семеновское, Ершово, Отрада и еще ряд других. Наконец, именно тогда в научный оборот вводится сам термин «*усадьбоведение*», связанный с выработкой структур описания и исследования усадеб (с. 38).

В 1924 году ОИРУ открывает первый сезон летних «Экскурсий в подмосковные усадьбы», выпускает брошюры экскурсионных путешествий. В 1925 году уже опубликована серия «Подмосковные музеи» из 6 книг, написанных членами ОИРУ, в них дается описание музейных экспозиций усадеб середины 1920-х годов. Одновременно с переменным успехом идет борьба за сохранение музейного усадебного наследия при перепрофилировании усадеб в места отдыха и лечения, учебы и службы советских граждан. Хотя в одних усадьбах музеи открывались, а в других закрывались, но до самого конца 1920-х годов самоотверженная краеведческая, музейная работа членов ОИРУ все же приносила ощутимые плоды. Количество членов ОИРУ с 1924 по 1926 год возросло почти в два раза — с 81 до 150 человек. Со второй половины 1920-х годов ОИРУ инициировало работу двухгодичных Историко-художественных курсов для подготовки музейных работников усадеб. В 1928 году был опубликован солидный картографический труд ОИРУ «Памятники усадебного искусства. Московский уезд» с описанием 163 усадеб, их фотграфиями, планами, картами.

Впрочем, к концу 1920-х годов обстановка вокруг сохранения культурного наследия усадеб начинает меняться в недобрую сторону. В это время музеи переводятся под попечительство местных властей, а те из-за «отсутствия средств» предпочитают их закрывать, а собрания передавать в столичные и центральные городские музеи. В 1928 году с началом индустриализации 1-й пятилетки создаются ударные бригады АО «Антиквариат» с чрезвычайными правами отбора в музеях и библиотеках предметов

для продажи на европейских аукционах. Занятие краеведением, усадебоведением попадает под неприязненный идеологический контроль властей. Количество членов ОИРУ к концу 1928 года сокращается до 99 человек. В 1929 году в рамках «Дела академиков» идут аресты сотрудников Академии наук и историков-архивистов, закрываются провинциальные отделения Центрального бюро краеведения, квалифицированные как «филиалы монархической контрреволюционной организации» (с. 44). В 1930 году принимается Постановление «О ликвидации Общества изучения русской усадьбы», поскольку, по мнению властей, Общество осуществляло «свои задачи вне всякой связи с задачами социалистического переустройства» (с. 47).

С 1930 года начинаются многочисленные аресты членов ОИРУ, краеведов и активистов изучения культуры русских усадеб, все это сопровождается закрытием и дальнейшим перепрофилированием музеев-усадоб ради неких хозяйственных задач, а часто просто бесхозяйственного отношения к культурному наследию, что приводит к дальнейшим разрушениям, пожарам, запустениям подмосковных усадеб.

С конца 1920-х до начала 1940-х годов арестовано по обвинениям в контрреволюционной деятельности около 30 членов ОИРУ, часть из них приговорена к высшей мере наказания. Среди расстрелянных мы обнаруживаем и активного члена ОИРУ выдающегося профессора-аграрника и талантливого историка-искусствоведа, писателя Александра Васильевича Чаянова², опубликовавшего еще в 1918 году программную статью об историко-культурном наследии русских усадеб³.

В 1930-х годах были расстреляны два ведущих специалиста по сохранению наследия русских усадеб А.Н. Греч и Н.А. Шнерсон. Находясь в заключении на Соловках, Гречу удалось написать «Венок усадьбам», состоящую из 48 эссе, посвященных усадьбам 1920-х годов. Рукопись удалось сохранить в Государственном историческом музее, в 1994 году она была наконец опубликована⁴.

Наступление фашистской армии на Москву в конце 1941 года стало новым трагическим испытанием для подмосковных усадеб. Многие из них, как, например, усадьба Чернышевых в Яропольце, были разрушены до основания. Страшная участь постигла крупнейшее собрание усадебных коллекций Подмосковья, сконцентрированное в Московском областном краеведческом музее, находившемся в строениях монастырской территории Нового Иерусалима.

2. Михаленко Н.В. (2020). Образ усадьбы в творчестве А.В. Чаянова // Парадигма: философско-культурологический альманах. № 32. С. 96-107.

3. Чаянов А.В. (1918). Парки и аграрная реформа // Земельное дело. 1918. № 14. С. 4-5.

4. Писарькова Л.Ф., Горячева М.А. (2010). Книга «Венок усадьбам» и ее автор А.Н. Греч // Греч А.Н. Венок усадьбам. М.

Мало что удалось эвакуировать из этого музея, поскольку уже 26 ноября 1941 года город и его окрестности оказались захвачены дивизией СС «Райх». За две недели оккупации кое-что из коллекции музея немцы вывезли, но подавляющую часть архитектурных и музейных ценностей перед своим отступлением 10 декабря 1941 года взорвали, полностью уничтожив ансамбль Воскресенского Ново-иерусалимского монастыря. В отчете немецких саперов с удовлетворением отмечались результаты выполнения ими приказа: «В городе Истра больше не осталось ни одного дома. Цитадель, которая могла дать неприятелю хорошую возможность для наблюдения, полностью взорвана» (с. 20). Потери музея были катастрофическими, руины уничтоженного монастыря сплошь покрыты осколками старинного фарфора, обломками разбитой и сожженной антикварной мебели. Один из авторов этой книги Л. Невзорова пишет: «Среди документальных свидетельств фашистских преступлений против культуры, оглашенных Международным военным трибуналом в Нюрнберге, фигурировали и данные о варварском разрушении Нового Иерусалима. В обвинительном заключении процесса общая стоимость ущерба, нанесенного музею войной, была оценена в 47,5 миллиона рублей золотом» (с. 20).

А потом были непростые десятилетия восстановления Новоиерусалимского музея, открывшегося лишь в конце 1950-х годов и вновь превратившегося под руководством его директоров Д.Ф. Петкова (1910–1969) и В.Ф. Фролова (1927–1995) в центр подмосковного собирательства истории усадебной культуры.

Вторую часть рецензируемой книги составляют главы, описывающие истории отдельных усадеб и их экспонатов: «Дворцовое село» Ильинское-Усово, «Подмосковный Иерополис» Ярополец, «Усадебное графство» Шереметевых, портретные галереи, отдельные коллекции одежды, часов, картин, мебели, посуды, медалей, оружия. Все эти главы сопровождаются многочисленными фотографиями музейных экспонатов. Есть и небольшой раздел, посвященный искусству фотографии Ю.П. Еремина (1881–1948), специализировавшегося именно на архитектурных объектах и ландшафтах подмосковных усадеб. В заключение его автор Н. Молодцова пишет: «Интерес к творчеству Юрия Петровича Еремина, несмотря на резкое порицание его со стороны официальной критики, особенно усилившееся в 1930-е годы, всегда был значителен. Особенно он проявился в последние десятилетия. На целом ряде фотовыставок Еремин был представлен как разносторонний мастер, работавший в разных жанрах, но его вклад в сохранение для потомков облика русской усадьбы поистине трудно переоценить» (с. 25).

В XXI веке в нашем обществе с новой силой проявился интерес к историко-культурному наследию русских усадеб, чему свидетельством самые разнообразные проекты их восстановления и использования. Наряду с крестьяноведением и дачеведением современ-

ное усадебоведение становится важным направлением устойчивого сельского развития, связанного с сохранением сельских ландшафтов, рекреационно-туристическим и историко-культурным существованием сельских территорий. Таким образом, весьма весомый вклад в переосмысление утраченного усадебного наследия, а также путей его возвращения в современную жизнь и внесли выставка и книга «Возвращение в усадьбу» музея «Новый Иерусалим».

The return of country-estates studies.

Review of the book: Return to the Estate (2020). Preserved Collections of the Moscow Region Estates from the Collection of Museums “New Jerusalem”. Moscow: “CITIPRINT”, 240 p.

Ekaterina S. Nikulina, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prosp. Vernadskogo, 82 Moscow, 119571. E-mail: nikulina@ranepa.ru

Модернизация животноводства в постсталинский период: противоречия и дилеммы аграрной политики Н.С. Хрущева¹

В.О. Афанасенков

Владислав Олегович Афанасенков, специалист Чайновского исследовательского центра Московской высшей школы социальных и экономических наук; младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории экономической и социальной истории Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: erpaizon@gmail.com

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-2-166-171

24 июня на базе Научного центра мирового уровня (НЦМУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ состоялся уже второй в текущем году международный семинар, посвященный обсуждению проблемы человеческого капитала в мировом сельском развитии. Известный специалист по российской аграрной истории советского периода профессор Билефельдского университета Штефан Мерль представил доклад «Дилемма модернизации советского животноводства: политические подходы и социальный капитал после смерти Сталина», в котором поделился последними результатами своих многолетних изысканий по истории советской сельскохозяйственной политики. Ввиду крайне непростой эпидемиологической обстановки семинар вновь проводился в формате онлайн-конференции. Однако это лишь способствовало привлечению более широкого круга иностранных участников.

Итак, тезисно обозначим важнейшие идеи, прозвучавшие в докладе профессора Мерля.

Официальной целью развития животноводства (как и сельского хозяйства в целом), обозначенной еще на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС 1953 года, являлось значительное увеличение производства за счет повышения производительности труда и комплексной механизации.

Перед советским животноводством стояло несколько насущных проблем. Во-первых, производство продуктов животноводства

1. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования РФ (№ 075-15-2020-908).

по-прежнему во многом определялось несоциалистической формой хозяйствования — личными подсобными хозяйствами, на долю которого приходилось, в частности, до половины всего производства молока в СССР. Кормовые средства также заготавливались преимущественно в индивидуальном порядке. Наконец, что особенно важно, практически не существовало отечественного сельскохозяйственного машиностроения, равно как и производства оборудования для животноводства (прежде всего, конечно, доильного).

Но для увеличения производственных мощностей советское животноводство нуждалось не только и не столько в прямых государственных вливаниях, сколько в модернизации уже существующей инфраструктуры и создании новой производственной базы, способной обеспечить отрасль необходимыми ресурсами — высококачественными семенами кормовых культур, племенным скотом, кормоуборочными комбайнами, транспортом для перевозки кормов, средствами электризации и механизации водоснабжения помещений, без осуществления которой, в свою очередь, были невозможны механизация доения, кормления и уборки навоза; покрытиями для силоса и коровников.

По мнению Мерля, после смерти Сталина животноводческий сектор имел две наиболее приемлемых и корреспондирующих с официально декларируемой целью возможности развития — альтернативу наименьших затрат и реалистичную альтернативу. Первая предполагала осуществление сверху разворота к исходному положению дел, т.е. к ставке на единоличное крестьянское хозяйство как на основного товаропроизводителя. Вторая альтернатива, активно дебатировавшаяся уже после отставки Хрущева, в связи с подготовкой экономической реформы 1965 года, включала отказ от тотального государственного контроля над сельским хозяйством, предоставление директорам совхозов и председателям колхозов свободы принятия всего спектра управленческих решений по вопросам производства сельскохозяйственной продукции, установление принципов материальной заинтересованности и ответственности за конечный результат при постоянном консультативном сопровождении специалистов (эксперимент И.Н. Худенко в казахстанском совхозе «Акчи», деятельность «шабашников»). Характеризуя второй вариант, докладчик обратил внимание слушателей на чаяновскую утопию «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». В ней Чайанов обрисовал чрезвычайно близкую модель сельского развития в рамках русской народно-хозяйственной системы.

Переходя к вопросу о сельскохозяйственной технике, докладчик отметил, что к середине 1950-х годов в среде специалистов утвердилось единодушие по вопросу о необходимости заимствования западного технологического опыта. Вместе с тем сравнительные испытания советской и импортной сельскохозяйственных техник проводились лишь в середине 1950-х годов (1954–1955). Последую-

щие раунды испытаний были подорваны запуском децентрализации системы управления народным хозяйством (экономическая реформа 1957 года).

Не спешил с санкционированием запуска серийного производства и Госплан. В результате бюрократических промедлений и задержек производство оборудования для животноводства так и не получило автономии, играя роль придатка в рамках базовых отраслей тяжелой промышленности (в частности, авиационной). Как следствие, чем дальше, тем больше производственная технология устаревала, отдаляясь от актуального западного уровня.

Между хозяйствами и предприятиями не действовал механизм обратной связи. Последние ко всему прочему не несли никакой реальной ответственности за неуккомплектованность и неисправное техническое состояние поставляемого оборудования. Докладчик, кроме того, настаивал на необходимости принимать в расчет также перманентную нехватку комплементарных продуктов — запчастей, топлива и шин.

В следующей части своего доклада профессор Мерль сосредоточился персонально на Хрущеве — его воззрениях и представлениях о состоянии колхозно-совхозной системы, наиболее целесообразных путях ее стимулирования и развития.

Хрущев был убежден в том, что повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, решение о котором было принято на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС 1953 года, привело к обогащению колхозов. Убеждение это, естественно, в корне противоречило действительному положению дел. Расходилось оно и с позицией отдельных экспертов.

Специально докладчик остановился на ситуации в преобразованных в совхозы колхозах.

Несмотря на то что статус совхозов был несколько более привилегированным, ситуация и в них оставалась плачевной. Во-первых, поскольку закупочные цены были ниже себестоимости продукции, совхозы терпели убытки. Более того, как отметил Мерль, до 1968 года совхозы в сущности не получали какой-либо финансовой помощи для вложения инвестиций в повышение производительности труда. Во-вторых, для сокращения издержек в животноводстве (как крайне трудоинтенсивной отрасли) требовалось внедрение современных и высокоэффективных машин и оборудования. И лишь отчасти эта продукция вовсе не выпускалась в Советском Союзе — большая часть все же производилась, но уступала мировым стандартам качества и уровню развития.

Тем не менее еще более плачевным было положение колхозов. Докладчик обозначил несколько политических мер, повлиявших на это.

Большинство из них, конечно, упирается в ценовую политику. Уровень государственных закупочных цен на растениеводческую продукцию обеспечивал колхозам прибыль в среднем около

59%. Что касается продуктов животноводства, то закупочные цены покрывали лишь 80% затрат на их производство. Следовательно, для колхозов нарастить производство означало потерпеть большие убытки. Основываясь на сведениях о государственных стандартах покрытия инвестиций, докладчик сделал вывод о том, что доходы от животноводства не могли полностью перекрыть даже издержек переменного капитала. Ликвидация многообразия закупочных цен, последовавшая вслед за введением для колхозов и совхозов контрактации (1958 г.), премий за сдачу молока и повышение цен на промышленную продукцию для сельского хозяйства (запчасти) усугубили материальное положение колхозов. Принудительная передача колхозам морально устаревшего и изношенного машинно-тракторного парка МТС обусловила рост задолженностей колхозов как перед государством, так и перед своими членами.

Бюджетный дефицит колхозов в 1958–1960 годах достиг колоссального показателя в 24,3 млрд руб. (повышение цен на запчасти, снижение закупочных цен, повышение налога с прибыли).

В конце декабря 1960 года Министерство сельского хозяйства попыталось забыть тревогу, указав Хрущеву на необходимость принятия неотложных мер по стимулированию сельскохозяйственного производства — в первую очередь через повышение закупочных цен и увеличение государственных капиталовложений. Хрущев в ответ на это инициировал кадровые и структурные перестановки в министерстве — министр В.В. Мацкевич, переброшенный на должность председателя Целинного крайисполкома, таким образом фактически был отправлен в отставку, круг компетенций Министерства существенно сокращался.

Хрущев пошел по другому пути. 22 мая 1957 года в Ленинграде первый секретарь ЦК КПСС выступил на Совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик Северо-Запада РСФСР, заявив о необходимости в ближайшие годы догнать и перегнать США по производству мяса, молока и масла на душу населения. Выполнение спущенного сверху количественного плана любой ценой (в том числе и в ущерб качеству) — вот его основной руководящий принцип в хозяйственной практике.

Действуя в логике «низкозатратного подхода к сельскохозяйственному сектору» (по выражению Джорджа Бреслауэра), Хрущев делал ставку на оказание давления на региональных руководителей (особенно начиная с конца 1958 года). Нажим породил, пожалуй, не уступавшую по масштабам грандиозности заявлениям Хрущева волну приписок в отчетные показатели по реализации государственных планов и прочих махинаций. Соревнуясь между собой, лидеры местных партийных организаций принимали на себя личные обязательства перед ЦК КПСС по увеличению государственных заготовок продуктов животноводства, в том числе заведомо невыполнимые. В этой связи докладчик упомянул печально известный случай первого секретаря Рязанского обкома КПСС

А.Н. Ларионова, в начале января 1959 года выступившего с обещанием в течение одного года утроить заготовки мяса в области (так называемое «Рязанское чудо»), положив тем самым начало мощной пропагандистской кампании в печати и производственному соревнованию областей. В награду за столь созвучное его собственным представлениям обязательство Хрущев распорядился представить Ларионова к высшим государственным наградам — сначала к ордену Ленина, а затем и к званию Героя Социалистического Труда. Однако после того, как в конце 1960 года явственно обнажились факты манипуляции со статистикой (катастрофические убыли численности поголовья, производства зерна), Ларионов покончил жизнь самоубийством.

Судя по всему, Хрущев слепо верил в то, что на практике принципиально возможно совместить повышенные обязательства местных партийных руководителей с получением от них же самих объективной и полной информации о состоянии вверенного им региона. Таким образом, то, что в действительности имело место, полностью укладывается и описывается теорией принципала-агента. Именно эта наивность и отличала Хрущева от Сталина.

Ликвидация МТС вызвала отток наиболее квалифицированных и расположенных к модернизационным трансформациям кадров (трактористы, комбайнеры, механики и т.д.), что в дальнейшем предопределило безнадежность любой попытки модернизации. Параллельно из сельской местности уходили и умелые управленцы, пресытившиеся постоянным государственным контролем и вмешательством в процесс принятия производственных решений.

В связи с проблемой «утечки мозгов» докладчик особо подчеркнул, что отток кадров из сельского хозяйства — это общемировое явление, но в условиях Советского Союза оно приобрело специфические, причудливо отзеркаленные черты. Обычно, как следует из логики экономического развития, сельское хозяйство покидает именно низкоквалифицированный персонал, постепенно вытесняемый машинным производством. В советской действительности, напротив, чаще всего существовала потребность в квалифицированных кадрах, в кадрах для заполнения пробелов механизации нехватки не ощущалось.

Инспирированный Хрущевым курс на «коммунистическое» сельское хозяйство (борьба с содержанием подсобного скота, принуждение к продаже его в совхозы по государственным ценам, давление на подсобные хозяйства) одновременно породил новую волну недовольства сельского населения, чаяний о замене колхозной системы частным крестьянским хозяйством, но и сильно сказался на уровне социального капитала. Если еще в 1958 году этот переход был вполне осуществим, то далее все перспективы окончательно теряются и растворяются.

В последовавшей за докладом дискуссии активное участие принял целый ряд российских и зарубежных исследователей, объеди-

ненных общим интересом к различным сторонам аграрной проблематики: Александр Куракин (РАНХиГС, НИУ ВШЭ), Александр Никулин (РАНХиГС), Любовь Овчинцева (РАНХиГС), Мартин Петрик (Гисенский университет имени Юстуса Либиха, Гисен), Джон Пилгрим (Королевский университет Пномпеня), Судхир Сутхар (Университет Джавахарлала Неру, Дели), Александр Форбругг (Бернский университет).

Так, Судхир Сутхар поставил важный вопрос о границах применимости концептуального аппарата современной социальной науки (в частности, понятия модернизации) к историческим реалиям Советского Союза середины XX в. Любовь Овчинцева задала уточняющий вопрос на предмет того, какой фактор — некавалифицированное управление и отсутствие учета стоимостных показателей — внес большую лепту в провал советского животноводства. Джон Пилгрим предпринял попытку анализа наследия хрущевской модернизации в опытах аграрных реформ периода перестройки сельского хозяйства СССР конца 1980-х годов. Постсоциалистическая проблематика модернизации аграрной сферы стран СНГ оказалась сферой комментариев Мартина Петрика. Как докладчик, так и остальные участники семинара отмечали значение учета фактора человеческого капитала в проведении советских реформ второй половины XX века.

Modernization of animal husbandry in the post-Stalin period: Contradictions and dilemmas of Khrushchev's agrarian policy

Vladislav O. Afanasenkov, Junior Researcher, Research Laboratory of Economic and Social History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: erpaison@gmail.com

Крестьяноведение

2021. Том 6. № 2

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 30.06.2021. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ № 1358.
Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru